

ISSN 2079-9160

Российская ТЮРКОЛОГИЯ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
♦
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ
НАУК
♦
РОССИЙСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ
♦

№ 1

МОСКВА – КАЗАНЬ 2009

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
РОССИЙСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ

Российская ТЮРКОЛОГИЯ

Учредители: Институт языкознания РАН
Российский комитет тюркологов при ОИФН РАН

Редакционный совет

Ш.Х. Акалин (Турция), А. Ахундов (Азербайджан), К.А. Бичелдей (Кызыл), И. Вашари (Венгрия), В.А. Виноградов (Москва), Н.Х. Гаджихмедов (Махачкала), И.Г. Галяутдинов (Уфа), Ф.А. Ганиев (Казань), Т.М. Гарипов (Уфа), А.П. Деревянко (Москва), М.З. Закиев (Казань), Ю.Н. Исаев (Чебоксары), А.Б. Куделин (Москва), К.М. Миннуллин (Казань), К.М. Мусаев (Москва), В.И. Рассадин (Элиста), В.Н. Тугужекова (Абакан), Э.И. Фазылов (Узбекистан), Ф.Г. Хисамитдинова (Уфа), П. Циме (Германия), А.А. Чеченов (Москва), Н.Н. Широкова (Новосибирск), Ю. Янхунен (Финляндия)

Редакционная коллегия

Главный редактор: Д.М. Насилов (Москва),
Зам. главного редактора: Ф.С. Хакимзянов (Казань),
Отв. секретарь: Т.А. Аникеева (Москва)
Г.Ф. Благова (Москва), А.И. Геляева (Нальчик), Э.А. Грунина (Москва), А.В. Дыбо (Москва), С.Г. Кляшторный (Санкт-Петербург), И.В. Кормушин (Москва), И.В. Кульганек (Санкт-Петербург), О.А. Мудрак (Москва), И.А. Невская (Германия), Е.А. Оганова (Москва), Н.Н. Телицын (Санкт-Петербург), Л.Н. Тыбыкова (Горно-Алтайск).

Региональные сотрудники

Х.Ч. Алишина (Тюмень), А. - М.Х. Батчаев (Карачаевск), Л.С. Кара-оол (Кызыл), Н.И. Попова (Якутск), С.Б. Сарбашева (Горно-Алтайск), Л.И. Чебодаева (Абакан), И.В. Шенцова (Новокузнецк).

Издатель: от имени РКТ при ОИФН РАН – И.В. Кормушин

№ 1

МОСКВА – КАЗАНЬ 2009

RUSSIAN TURKOLOGY

Founded by: Institute of Linguistics of the Russian Academy
of Sciences
The Committee of Russian Turkologists, Russian Academy
of Sciences, Branch of History

Advisory Board

Sh.H. Akalin (Turkey), A. Axundov (Azerbaijan), K.A. Bicheldey (Kyzyl),
A.A. Chechenov (Moscow), A.P. Derevyanko (Moscow), E.I. Fazylov (Uzbekistan),
N.H. Gajixmedov (Makhachkala), I.G. Galyautdinov (Ufa), F.A. Ganiev (Kazan),
T.M. Garipov (Ufa), Yu.N. Isaev (Cheboksari), Ju. Janhunen (Finland),
F.G. Khisamitdinova (Ufa), A.B. Kudelin (Moscow), K.M. Minnullin (Kazan), K.M.
Musaev (Moscow), V.I. Rassadin (Elista), N.N. Shirobokova (Novosibirsk),
V.N. Tuguzhekova (Abakan), I. Vásáry (Hungary), V.A. Vinogradov (Moscow), M.Z.
Zakiev (Kazan), P. Zime (Germany)

Editorial Board

Editor-in-Chief: D.M. Nasilov (Moscow),
Deputy Editor-in-Chief: F.S. Khakimzyanov (Kazan),
Executive Editor: T.A. Anikeeva (Moscow)
G.F. Blagova (Moscow), A.V. Dybo (Moscow), A.I. Gelyaeva (Nal'chik), E.A.
Grunina (Moscow), S.G. Klyashorny (St. Petersburg), I.V. Kormushin
(Moscow), I.V. Kulganek (St. Petersburg), O.A. Mudrak (Moscow), I.A.
Nevskaya (Germany), E.A. Oganova (Moscow), N.N. Telitsyn (St. Petersburg),
L.N. Tybykova (Gorno-Altaysk)

Regional Staff

X.Ch. Alishina (Tyumen), A.-M.H. Batchaev (Karachaevesk), L.I. Chebodayeva
(Abakan), L.S. Kara-ool (Kyzyl), N.I. Popova (Yakutsk), S.B. Sarbasheva
(Gorno-Altaysk), I.V. Shentsova (Novokuznetsk).

Publisher: on behalf of the Committee of Russian Turkologists –
I.V. Kormushin

№ 1

MOSCOW – KAZAN 2009

РОССИЙСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ НАШИХ ДНЕЙ

Д.М.Насилов

Особенности общественного развития и фундаментальный сдвиг в состоянии языковой ситуации у большинства тюркоязычных народов сформировали новые задачи тюркологии и определили новые подходы к решению теоретических и практических вопросов этой отрасли научного знания.

Существует мнение, что в ведущих отраслях современной науки полное обновление системы научных взглядов, или смена научной парадигмы, происходит каждые 10–15 лет, однако в области гуманитарных знаний, согласно поправке, внесенной акад. Вяч.В.Ивановым, такое событие несколько затягивается и осуществляется через 20–25, а то и 30 лет. Если с этими мерками подойти к истории развития отечественной тюркологии и за исходную точку ее современного состояния взять сложившуюся к 90-м гг. XIX в. ситуацию, главным действующим лицом в которой был акад. В.В.Радлов, чьи труды определили, по общему мнению, все направления дальнейшего развития этой отрасли языкознания, то завершение «радловского периода» в тюркологии, целой эпохи первичного накопления и научного освоения нового материала, совпало с началом языкового строительства в бывшем Советском Союзе – с 30-ми гг. XX в.

В этот период ярчайшими фигурами складывавшейся в тюркском языкознании научной парадигмы стали Е.Д.Поливанов, акад. А.Н.Самойлович и их младший коллега Н.К.Дмитриев. Научная и научно-организационная деятельность акад. А.Н.Самойловича оказалась прочным звеном, связавшим основные тенденции тюркологической научной парадигмы радловского периода с советской эпохой, благодаря чему эта линия не прервалась и сохраняется в науке до последнего времени, она обеспечила базу для развития новой парадигмы 30–50-х гг., отвечавшей потребностям советского языкового строительства (создание письменности, разработка алфавитов и орфографии, формирование новых литературных языков, словари, учебники, обобщенные описания языков и пр.).

Заметный сдвиг в тюркском языкознании произошел в 50–60-е гг., толчком к которому был отказ от марровских догматов. Именно тогда во всей силе проявился научный и организационный талант Н.К.Дмитриева, возродившего в отечественной тюркологии сравнительно-исторические исследования и в целом поднявшего ее развитие на уровень мировой лингвистической науки. Не будет преувеличением сказать, что именно с его именем связано формирование новой научной парадигмы в тюркологии, той парадигмы, которая в значительной мере определяет лицо этой отрасли отечественной науки и в наши дни.

Структуру тюркологической научной парадигмы советского периода четко представил акад. А.Н.Кононов, который выделил в ней 10 направлений:

– фонетика и грамматика современных тюркских языков;

- лексикография и лексикология;
- диалектография и диалектология;
- история формирования тюркских национальных языков;
- изучение и издание памятников тюркской письменности;
- историческая фонетика и грамматика отдельных тюркских языков и сравнительно-историческая фонетика и грамматика групп тюркских языков;
- алтайская теория и тюркское языкознание;
- описание тюркоязычных рукописей;
- история отечественной тюркской филологии;
- библиография отечественной тюркологии.

Эти направления были представлены практически во всех научных тюркологических центрах страны – как в центральных, так и в периферийных, республиканских. В те годы в СССР, можно сказать, существовало общее тюркологическое научное пространство, единство которого организационно создавалось и координировалось благодаря деятельности Советского комитета тюркологов при ОЛЯ АН и поддерживалось общесоюзным научным журналом «Советская тюркология».

В рамках тюркологической парадигмы 70–90-х гг. указанные выше направления научных исследований успешно развивались. Именно в эти годы сильно продвинулись сравнительно-исторические исследования тюркских языков, историческая фонетика и историческая морфология которых были представлены тремя целостными концепциями: А.М.Щербака, Б.А.Серебрянникова и Н.З.Гаджиевой, группы московских тюркологов под руководством Э.Р.Тенишева, а также многими фундаментальными работами по изучению отдельных категорий (Г.Ф.Благова, И.В.Кормушин, Э.В.Севортян). Особыми ответвлениями этой тематики явилось изучение ареальных явлений в историческом аспекте: фонетики и лексики (Т.М.Гарипов, М.А.Хабичев, А.А.Чеченов), морфологии и синтаксиса (Н.З.Гаджиева, Г.Ф.Благова, Н.Н.Широбокова), а также оригинальные построения исторической типологии (Н.А.Баскаков, Г.П.Мельников). Много было сделано в области описания истории отдельных тюркских языков и их грамматических категорий – узбекского (Э.Фазылов, Ш.Шукуров, У.Турсунов, С.Н.Иванов, Х.Г.Нигматов), азербайджанского (М.Ширалиев, М.Рагимов, А.Ахундов, Х.Мирзазаде, Э.Демирчизаде), туркменского (З.Мухамедова, С.Ахаллы, М.Хыдыров), турецкого (Э.А.Грунина, В.Г.Гузев, П.И.Кузнецов), чувашского (Л.С.Левитская, В.Г.Егоров), карачаево-балкарского (М.А.Хабичев, А.А.Чеченов), якутского (Е.И.Коркина, Е.И. Убрятова, Н.Н.Широбокова) и др.

Крупный прорыв был сделан в области исторической лексикологии и лексикографии, самым ярким событием в которой явилось создание многотомного «Этимологического словаря тюркских языков (Э.В.Севортян и др.) и появление «Древнетюркского словаря» – первого в мировой тюркологии свода древней лексики; это направление дополнялось также подготовкой нового поколения двуязычных словарей.

Продолжалось изучение диалектов тюркских языков и обобщение результатов диалектологических исследований («Атлас тюркских диалектов» и его региональные варианты), активно описывались и публиковались памятники тюркской письменности. Намечались положительные сдвиги в разработке теоретической грамматики тюркских языков и их типологии (Н.А.Баскаков,

Б.А.Серебрянников, Г.П.Мельников, В.Г.Гузев). Весь этот комплекс научных и научно-прикладных исследований обеспечивал высокий статус и признание советской тюркологии в мировом востоковедении.

Распад бывшего Советского Союза отозвался в отечественной тюркологии прежде всего разрушением и потерей единого научного пространства. Некогда дружная семья советских тюркологов разбрелась по замкнутым «национальным квартирам», нарушились, а затем практически полностью прекратились научные контакты, обмен литературой, научной информацией, перестал выходить журнал «Советская тюркология», заглохла деятельность Советского комитета тюркологов. В 70–90-е гг. по инициативе этого Комитета и его активном содействии состоялось 5 Всесоюзных-Международных конференций, было проведено 15 ежегодных пленумов Комитета по актуальным научным и организационным проблемам тюркологических исследований в стране, в различных тюркологических центрах при участии и под руководством членов Комитета прошли десятки конференций, симпозиумов, коллоквиумов. В 1992 г. в продолжение традиций Комитет был трансформирован в Национальный комитет тюркологов Российской Федерации при ОЛЯ РАН, позднее переименованный в Российский комитет тюркологов (РКТ) при ОЛЯ РАН. Однако из-за отсутствия специального финансирования деятельность РКТ ныне является фактически номинальной, по той же причине не удается восстановить всероссийский (международный) журнал по тюркологии.

В результате происшедших событий возникло очередное изменение в структуре тюркологической парадигмы. Однако ее переструктурирование оказалось связанным не только с ломкой единого научного пространства, но совпало также и с изменениями в научных взглядах мировой лингвистики в целом (развитие функциональной грамматики, типологии, генеративной грамматики, прагматики, разных новых направлений семасиологии и пр.). Эти два фактора, как представляется, и определяют лицо современной тюркологии как в России, так и в странах СНГ.

Те направления, которые наметил в свое время А.Н.Кононов, остаются актуальными и для современной российской тюркологии. За последнее десятилетие новые результаты получены в области сравнительно-исторической грамматики тюркских языков. В этот период вышли из печати, например, три части коллективного труда «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков» – «Лексика» (1997, 2001), «Региональные реконструкции» (2002 г.), «Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка» (2006), очередные выпуски «Этимологического словаря тюркских языков» (1997–2003), «Этимологический словарь тувинского языка» (Вып. 1–3, 2002–2004) Б.И.Татаринцева, «Историческое развитие якутского консонантизма» (2001) Н.Н.Широбоковой, «Историческая фонетика карачаево-балкарского языка» (1996) А.А. Чеченова, «Ранние тюркско-монгольские языковые связи (8–14 вв.)» (1997) и «Тюркско-монгольские языковые контакты в истории монгольских языков» (2005) А.М.Щербака.

Появились интересные исследования по морфологии, например: *Ф.А.Ганиев*. «Татарский язык: Проблемы и исследования» (2000), «Словообразование» (2000), «Словообразование по конверсии» (2004); *Н.Э.Гаджихмедов*. «Словоизменяемые категории имени и глагола в кумыкском языке» (2000); *И.В.Шенцова*. «Акциональные формы глагола в шорском языке» (1997), и синтаксису. Среди последних следует указать прежде

всего большой цикл работ по тюркским языкам Сибири, которые выполнены в русле новосибирской синтаксической школы, руководимой М.И.Черемисиной.

В новосибирской фонетической лаборатории все эти годы не прекращалось изучение фонетических систем тюркских языков и диалектов, прежде всего Сибири. Были выполнены описания диалектных систем якутского (М.С.Воронкин), тувинского (К-о.А.Бичелдей), хакасского и др. языков.

Естественно, в тюркологических центрах продолжалась словарная работа и шло изучение лексики, её ЛСГ.

Между тем, в связи с образованием республик в составе Российской Федерации и принятием в них законов о языках, определявших языки титульных этносов в качестве государственных, перед тюркологами в сменявшейся языковой ситуации встали новые задачи – социолингвистический анализ статуса этих языков и их общественных функций, а также практики реализации региональной языковой политики: создание программ ревитализации языков, формулирование законов о языках и о школьном образовании, о направлениях развития этнокультуры и пр. Иначе говоря, вновь, как и в 30-е гг., снова стали актуальными вопросы и задачи языкового строительства в республиках РФ, выяснение тенденций и перспектив сохранения и развития титульных языков, имеющих статус государственных, т.е. проблемы витальности языков именно *государственных*; причем эти вопросы впервые встали в тюркской социолингвистике в столь явной форме. Кроме того, уровень развития всей социолингвистики требует применять новейшие научные подходы к оценке витальности и к параметрам так называемого «языкового сдвига» в языковых ситуациях в РФ. Тем самым тюркологическое направление вводится в общую парадигму социолингвистических разработок как на уровне всей РФ, так и глобальной языковой шкалы.

Как показывают исследования последних лет, ситуация со статусом языков, объёмом их функционирования в некоторых сферах (прежде всего в образовании, в СМИ, официальной), этническим самосознанием и языковой самоидентификацией, вообще языковым строительством может изменяться чрезвычайно быстрыми темпами, особенно если такие процессы стимулируются глобальными и глубокими социально-политическими и экономическими сдвигами, произошедшими на протяжении жизни даже одного неполного поколения, а также в результате активной политической и культуртрегерской деятельности национальных политических элит.

Столь же актуальной оказалась задача совершенствования преподавания государственных языков в школе и вузах, в связи с чем возникла необходимость создания учебников родных языков нового поколения. Здесь действует также ряд новых факторов: слабое знание родного языка, уровень его престижности по сравнению с русским языком, полилингвальность и полиэтничность контингента учащихся, несовершенство используемых лингводидактических приемов, кадровые трудности и пр.

Рассмотренный компонент тюркологической научной парадигмы, который ранее, в 50-80-е гг., оценивался преимущественно в плане достижений советской национальной политики, в современных условиях оказался важной составляющей реальной национальной и языковой политики как на федеральном уровне, т.е. Российской Федерации в целом, так и на региональном, т.е. и для её субъектов – республик в составе РФ, политики, от которой нередко зависит политическая стабильность в регионе и отсутствие межэтнических конфликтов.

В силу указанных причин, в научных центрах тюркоязычных республик и областей России проблематика также смещается на решение конкретных задач языкового строительства и оценку социолингвистических ситуаций. Однако одновременно повысился интерес и к проблемам национальной терминологии, обогащения лексического состава, нормирования литературного языка, соотношения “литературный язык – диалект”, изучения истории языка и его литературных форм, важным направлением остается составление словарей разного типа и т.п.

Одной из актуальных задач российской тюркологии является сохранение, развитие и совершенствование в рамках всей страны общего научного пространства, объединение усилий всех тюркологов на решение актуальных и первостепенных вопросов изучения тюркских языков, их истории. Необходимо существенно активизировать деятельность Российского комитета тюркологов, поднять его авторитет в глазах всей тюркологической общественности.

Естественно, отсутствие общероссийского научного (или научно-практического) журнала или другого периодического печатного органа сильно тормозит процесс объединения научных сил.

Представляется, что одной из актуальных проблем в нашей науке является подготовка нового поколения тюркологов, уровень научной подготовки которых и их активная общественная позиция отвечали бы задачам и требованиям современного уровня лингвистической науки.

Еще одна, не менее насущная задача российских тюркологов состоит в восстановлении общего информационного пространства с учеными–тюркологами стран СНГ. Это необходимо сделать, памятуя не только о былых тесных связях, но и о том, что и российская тюркология, и тюркология в странах СНГ – это только части единой науки о большой семье тюркских языков и что тюркология в целом – это необходимая и неотъемлемая составляющая мировой лингвистики.

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

К ПРОБЛЕМЕ ИСТОРИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО КОНТЕКСТА ТРУДА МАХМУДА КАШГАРИ «ДИВАН ЛУГАТ АТ-ТУРК»

И.В.Кормушин

История создания Дивана и обретения его в новейшее время, значение Дивана для тюркологии. Труд Махмуда Кашгари «Диван лугат ат-турк» (далее – ДЛТ) был составлен в XI в., между 1072–1079 гг., т.е. 928 лет тому назад по христианскому летосчислению; по хиджре, Диван был составлен между 464–469 гг. и к дате 26 апреля 2007 г., или 9 раби’ул ахыра 1428 г.х., по мусульманскому летосчислению прошло 959 лет. Иными словами, с момента создания ДЛТ прошло почти тысячу лет. Но до того как труд Кашгари был вновь обретен в 1914 г. в Стамбуле, он на долгое время – восемь с лишним веков – практически исчез из поля зрения ученых. За прошедшие неполные сто лет ДЛТ не только выдержал ряд изданий и переизданий на турецком, узбекском, уйгурском, казахском, азербайджанском, китайском, персидском, немецком, английском, русском языках, но и прочно вошел в научный оборот тюркологии. Сейчас мы с трудом представляем, как можно обойтись без материалов Кашгари при работе с древними и средневековыми памятниками.

Главное и непреходящее значение ДЛТ состоит в том, что со времени первых тюркоязычных памятников в начале VIII в., т.е. почти за четыре века письменности тюрков, их язык впервые стал не средством выражения мыслей, а объектом лингвистического описания, в котором эксплицированы и обобщены семантические особенности и лексем, и грамматических форм.

Скажем, одно дело, когда, опираясь на текстовые употребления, современный лингвист «выводит» значения встречающихся в древних памятниках слов, учитывая, конечно, данные живых, в том числе архаичных тюркских диалектов, и другое дело, когда «древний» лингвист обращает внимание на нюансы значений, делая замечания по сигнификативной (собственно языковой) компоненте значения, по денотативной отнесенности слова, а также в отношении экстралингвистической сферы. В этом нетрудно убедиться, обратившись всего лишь к нескольким примерам.

Слово *ïduq* было известно еще из древнеуйгурских источников как ‘священный’, особенно в парном словосочетании *ïduq qutluq*. Кашгари конкретизирует семантику слова, указывает на его внутреннюю форму, давая материал к этимологии, касается денотативной части: «*ïduq* ‘всякая священная

вещь'. Первоначально: 'всякое животное, оставленное на воле', называется *їдиц*. На него не грузят поклажи, его не доят и не стригут с него шерсть. Оно находится у хозяина для исполнения обета» [ДЛТ: 45].

Аналогично раскрываются у Кашгари денотативные особенности другого слова: *олиц* 'корыто; колода, выдолбленная из бревна, в которой охлаждают [фруктовые] соки и из которой поят [животных]' [ДЛТ: 46].

Понятно, что подобные детали семантики слов в текстах, не имеющих специальной описательно-лингвистической направленности, остаются часто скрытыми от наблюдателя.

Главным объектом описания стала сама тюркская лексика того времени – и литературная, и народно-разговорная. Но и грамматические формы были объектом внимания Кашгари и получили в его лице чуткого аналитика. Например, объясняя значение глагольной аффиксации на *-и*, Кашгари пишет: «*иши* употребляется подобно *муфā'ла* в значении взаимного действия между двумя людьми» [ДЛТ: 14]; здесь модель *муфā'ла* употреблена как семантический, но не морфологический эквивалент тюркского залогового показателя, причем определение слишком общо и недостаточно, а вот примеры при определении формы [ДЛТ 14] и особенно массовые примеры на *-и* [ДЛТ: 122–127] уточняют семантику этой категории, т.к. содержат употребления и на взаимное, и на совместное значения, и на их оттенки: «*urđi* 'он бил' – *uruđi* 'они дрались'» [ДЛТ: 14] – взаимно-антагонистическое значение; «*ol maņa suvi ičrūđi* 'он помог мне давать воду для питья'» – оттенок совместного значения; «так же [– добавляет Кашгари, – выражается значение] соревнования» [ДЛТ: 123] – оттенок, промежуточный между совместным и взаимным значениями, когда действие еще не носит антагонистического характера, но не предполагает помощи (при соревновании).

Иногда учет оттенка меняет смысл слова и фразы. Например, *turđi* 'он встал' – *turuđi* 'он противодействовал [кому-либо]' [ДЛТ: 14] – т.е. «встал против кого-то». Это слово в форме *turušči*, встретившееся в «Сутре золотого блеска», оказалось по-разному понятым у С.Е.Малова и у Л.Ю.Тугушевой. С.Е.Малов, опираясь на алтайские материалы Н.П.Дыренковой, семантизировал форму *turušči* как 'заступник, ходатай' [Малов 1951: 434], – т.е. с семантикой помощи в действии, тогда как Л.Ю.Тугушева с учетом данных Кашгари переводит эту же форму как 'участник спора, распрей; противник [возможно, оппонент. – И.К.]' [ДТС: 589], – т.е. с семантикой взаимно-антагонистического значения. Уловить подобную разницу без свидетельства носителя данного конкретного идиома, на мой взгляд, было крайне затруднительно.

Вот пример фонетический. На основании письменных знаков и системы письма, современные интерпретаторы более уверенно говорят о типах звуков, или фонемах, в языке памятников и в некоторых случаях делают предположения о возможном их аллофонировании. Например, слово «*bārt* 'подать, которую ежегодно взимает господин со своего раба'. Лучшее, – добавляет автор, – произносить *bert* с *īa*» [ДЛТ: 172]. Как и во многих других случаях, Кашгари в своем словаре различает более широкий передний неогубленный э и более узкий е. В принципе, даже если есть орфографические основания, без прямого свидетельства о той или иной особенности произношения у нас всегда остается сомнение, насколько конкретен в данном рукописном списке какого-либо памятника тот или иной графический прием.

Как позволяет установить современный анализ содержания Дивана, это сочинение в эксплицитной и имплицитной форме содержит информацию по следующим языковедческим аспектам: 1) о структуре языка, или внутренней лингвистике, 2) о внешней лингвистике, 3) о метаязыковой теории. Однако анализ этих сторон ДЛТ следует предварить обращением к экстралингвистическим факторам – историческим и личным обстоятельствам создания ДЛТ.

Причины и обстоятельства создания ДЛТ, преемственность традиций тюркского языкотворчества. Во вводной части Дивана автор прямо указывает, что побудительным мотивом его труда послужило военно-политическое возвышение тюрков-огузов: «Я увидел, что всевышний Бог заставил солнце судьбы взойти в зодиаке тюрков и установил их царство среди небесных сфер и что он назвал их тюрками, облек их властью, сделал их государями нашего времени и вложил в их руки бразды [правления] преходящего, вознеся их надо всем человечеством» [ДЛТ: 2]. Эти слова являются отражением крупного политического сдвига, произошедшего в ту пору в исламском мире.

Со времени возникновения ислама арабы в VII–IX вв. осуществили колоссальные завоевания на Ближнем и Среднем Востоке, в Северной Африке и Юго-Западной Европе и создали теократическое государство Халифат, господствовавшее в этой части мира. С середины IX в. центробежные тенденции приводят к постепенному ослаблению Халифата и последовательному отпадению от него различных территорий. В середине X в. власть халифов ограничивают Буиды (Бувейхиды), которых сметает движение среднеазиатских тюрков-огузов, установивших в 1055 г. контроль над столицей Халифата Багдадом. Время работы над ДЛТ совпало с пиком могущества сельджукидов при Алп-Арслане и Мелик-шахе, уже владевших большей частью Средней Азии, Ирана, Азербайджана и других стран и областей, а в 1071 г. победой при Манцикерте открывших себе путь к покорению Малой Азии.

Языковая ситуация в странах Халифата также претерпевала изменения, отражая политическую конъюнктуру. Язык священного Корана, конечно, оставался вне конкуренции. Однако в IX–X вв. почти вровень с арабским поднялся фарси как язык, прежде всего, искусств и поэзии. В это же время в Восточном Туркестане происходит значительный подъем литературного творчества древних уйгуров, продолживших отюкенскую (центральноазиатскую) письменную традицию в синтезе с духовным вкладом манихейства и буддизма, а также иноязычными письменными влияниями тохаров, китайцев и др. С принятием в середине X в. ислама отюкено-туркестанская творческая традиция не прерывается, но трансформируется, впитывая в себя и арабское, и персидское влияние. После этой новой, уже весьма существенной трансформации, в истории культур и языков многих тюркских народов – тех, что исповедуют ислам, – открывается следующая, после древней (VIII–X вв.), эпоха средневековых тюркских литератур и письменно-литературных языков – эпоха значительная и по охвату народов, и по продолжительности (почти везде практически до XIX в.), и по числу литературных опусов.

Начало указанной эпохи – 70-е гг. XI в. – обычно связывают с двумя великими творениями тюркского языкового гения – поэмой Юсуфа Баласагуни «Кутадгу Билиг» и словарем «Диван лугат ат-турк» Махмуда Кашгари. Вместе с тем у нас есть основания говорить о более раннем наступлении данного периода, опять же опираясь на материалы самого Махмуда Кашгари. В своем труде Махмуд привел в качестве иллюстраций к словарным статьям большое число

литературных цитат – 57 двустиший и 163 четверостишия. Эти стихотворные отрывки поначалу казались специалистам народными силлабическими стихами. С.Е.Малов назвал их «фольклорными примерами», но впоследствии была убедительно показана их принадлежность формам арабо-персидского аруза и, следовательно, отнесенность к диванной поэзии [см. особенно: Стеблева 1971]. Если так, то создание этих стихов уходит в более раннее время, чем 1069/70 г., год написания первого большого сочинения классической тюркоязычной поэзии – поэмы Юсуфа Баласагуни «Кутадгу Билиг». Оба этих источника, и поэма, и стихотворные отрывки из разных, оставшихся неизвестными авторов, как показывает детальный анализ их метрики, несут на себе печать явной переходности от силлабического стиха к силлабо-тоническому, расцвет которого приходится на более позднее время – XIV–XV вв.

Таким образом, к началу политического возвышения сельджуков (начало XI в.) тюркский литературно-письменный язык, бывший общим достоянием племен тюрко-уйгуро-карлуко-кыпчакских языковых групп (т.е., видимо, всех, за исключением племен болгарской языковой группы) предстает достаточно развитым, прошедшим длительную, четырехвековую творческую практику, а в последнее столетие и значительную арабо-персидскую модернизацию. Именно с учетом обоих этих факторов, т.е., с одной стороны, чувствуя общественную потребность и, с другой стороны, зная и владея выразительным потенциалом тюркского языка, Юсуф Баласагуни и Махмуд Кашгари ставят закономерно назревшую, по их мнению, задачу: поднять роль тюркского языка на уровень признанных лидеров тогдашнего исламского культурного и научного мира – языков арабского и персидского, и доказать – практически и теоретически, – что тюркский язык уже готов к этой роли и справляется с ней. Юсуф Баласагуни во вступлении к поэме прямо пишет, что видел своей целью создание произведения на тюркском языке, равное любой из многочисленных книг на арабском и персидском языках, т.е. не уступающее им ни в поэтической технике, ни в содержательности. Фактически аналогичную, но не литературную, а научную задачу ставит перед собой Махмуд Кашгари – продемонстрировать достоинства самого тюркского языка.

Принципы описания языка в ДЛТ. Для XI в., времени создания ДЛТ, в странах исламского мира единственно авторитетной лингвистической традицией была арабская. Отсюда понятно, почему Махмуд Кашгари написал свой труд на арабском языке и в понятийно-концептуальной манере арабских филологических школ. Только учитывая теорию и практику этих школ, мы можем понять и правильно оценить многие своеобразные особенности метаязыка и системы подачи материала, примененные Кашгари в ДЛТ.

Начнем со структурно-грамматической стороны описания у Махмуда Кашгари, которая всецело покоится на подходах и схемах, выработанных в арабской лингвистической традиции. Арабское слово состоит из консонантного корневого каркаса, обычно трехслогового, при котором гласные играют роль морфологических средств придания вещественно-лексическому значению корня различного типа грамматических значений. Внутренняя флексия как разнообразные стандартные чередования гласных является основным, но не единственным средством создания грамматических форм, наряду с флексией арабский язык использует для этих целей аффиксацию и служебные слова. Для описания флективных чередований арабские ученые выработали довольно эффективный способ составления типовых моделей словоформ, в которых в

отвлеченных от лексических значений консонантно-вокальных структурах находят выражение и консонантный каркас, и наборы флексий, и аффиксальные прибавления – суффиксы, префиксы, инфиксы.

В тюркских языках, можно сказать, почти всё наоборот. Здесь ведущим средством выражения грамматических значений служит аффиксация наряду со служебными словами, в классическом морфологическом облике тюркских слов внутренняя флексия не применяется, поэтому мена гласного в корне здесь означает переход к иному корню, а не к словоформе. Тюркская морфология не знает префиксов и инфиксов, но только аффиксы. Тюркский корнеслов изобилует односложными типами корней. В целом, применение арабской системы моделирования структуры слова для тюркских языков привело к множеству довольно искусственных построений и отсутствию цельности в представлении как лексической системы языка, так и системы дериватов.

Начальная четверть постраничного объема ДЛТ (до стр. 159) занимает так называемая книга «хамзовых слов». В арабском языке хамза – это согласный гортанносмычный, или гортанновзрывной, звук, имеющий статус фонемы и входящий в состав корня. В качестве нефонемного сегмента он встречается в других языках как физиологическая особенность речепроизводства: перед фонацией гласного в начале слова голосовые связи образуют приступ – более сильный, например, в немецком или более слабый – в русском. Наличие нефонематического приступа отмечено и в некоторых тюркских языках. Задолго до того, как это явление было истолковано современными фонетистами, оно было практически использовано в ДЛТ. Собственно, было использовано фонетическое сходство приступа гласных в его фонемном и нефонемном статусах. Это была вынужденная мера, сослужившая практическую службу, поскольку в тюркском языке многие слова, начинавшиеся с различных гласных, числом до восьми (гласных, входящих в состав корня в тюркском, но не входящих в арабском), получали «под прикрытием хамзы» место в арабских моделях представления корня; различия в качестве первого гласного тюркского слова становились «вариантами огласовки хамзы». Причем на начальных этапах освоения арабского письма тюрками, подставкой хамзы всегда служил алеф, а качество начального гласного корректировалось харакятами – фатхой, даммой и кесрой. Впоследствии такие написания стали варьировать. Например, возможно написать от 'трава, растение, яд и т.д.' буквами алеф с даммой + та [ДЛТ: 29] и алеф с даммой + вав + та [ДЛТ: 35]; в первом случае слово попадает в состав двухбуквенных моделей, во втором – в состав трехбуквенных пустых моделей.

Одно и то же слово с различными формообразовательными аффиксами включается в разные количественные модели, например, ör- 'целовать' подается в составе двухбуквенных ördi – хамза с даммой + ба; окончание -di не считается [ДЛТ: 92]; трехбуквенных örüšdi – хамза + ба с даммой + шин [ДЛТ: 99]; четырехбуквенных örtürdi – хамза с даммой + ба + та с даммой + ра [ДЛТ: 116].

Нельзя сказать, чтобы Махмуд Кашгари не видел структурной разницы арабских и тюркских слов. В различных местах своего труда и по разным поводам он неоднократно говорит об этом, но его толкование исходит из незыблемости морфологических постулатов арабской грамматики и вопреки реалиям тюркской морфологии.

«Строй этого языка, – пишет Кашгари в связи с объяснением тюркской временной аффиксации, – не похож на строй арабского языка, где исходная форма [в отношении огласовки] не соответствует последующим формам. В **قعد**

qa'ada 'он сидел' – первоначальной форме, *каф* огласован *a*, а в форме аориста *يقعد* jaq'udu *каф* не огласован. В масдаре *قعودا* quūdan *каф* огласован *даммой*. В форме прошедшего времени *مطر* maṭara 'шел дождь' *мим* огласован *фатхой*, а в форме аориста *يمطر* jamṭuru *мим* не огласован, в форме же масдара *مطورا* tuṭūran *мим* огласован *даммой*. Здесь надо сразу заметить, что помимо мены гласного в состав формальной части аориста и масдара входят также префикс ja- и суффикс -an.

«Возьмем, – продолжает свой анализ Кашгари, – производные породы: в форме претерита *اكرم* 'akrama 'он оказал почет' — *хамза* огласована *фатхой*, в форме аориста *يكرم* jukrimu – *ia* огласован *даммой*, а масдар будет *اكراما* 'ikrama, где *хамза* огласована *кесрой*. В *استغفر* 'istayfara 'он просил прощения' *хамза* огласована *кесрой*, [и дальше, т.е. аорист и масдар:] *يستغفر* jastayfiru и *استغفارا* istiṭfāran». И подытоживая, Кашгари следующим образом обобщает обе серии примеров: «форма прошедшего времени всех глаголов [в отношении огласовки] отличается от аориста и масдара», т.е. опять же во внимание принимается лишь внутренняя флексия без сопровождающей ее аффиксации.

Переходя к сопоставлению тюркских морфологических способов с арабскими, Кашгари справедливо заявляет: «Но тюркский язык не таков. Тут во всех породах двухбуквенных, трехбуквенных, четырехбуквенных, пяти и более буквенных глаголов есть общее в формах прошедшего времени, аориста и масдара». Эти словами Кашгари констатирует, что при образовании указанных форм в тюркском нет мены гласного, как в арабском языке. При этом Кашгари всё это рассматривает ради того, чтобы доказать, что тюркская форма прошедшего времени является исходной для глагольного формообразования (как это имеет место в арабском языке, где 3 л. един. ч. претерита является минимальной репрезентацией основы глагола). Например, в числе аргументов есть такое положение: «Активные причастия, – пишет Кашгари, – образуются от формы прошедшего времени в языке огузов, кыпчаков, емеков, ягма, аргу и кочевников — от суваров до печенегов. Например, от *بردى* bardı 'он ушел' [форма причастия] будет *بردجى* bardađı 'уходящий', которая образована при помощи [буквы] *джим*, вставленной между *далем*, который является показателем прошедшего времени, и *ia*; от *تردى* turdı 'он встал' [форма причастия будет] *تردجى* turdađı 'встающий, стоящий'. [Здесь] между *далем* и *ia*, которые являются показателем прошедшего времени, вставлен *джим*. Так во всех породах всех глаголов» [ДЛТ: 281]. Но ведь *даль* претерита можно было бы отождествлять с *далем* причастия, если бы звук *d* принадлежал корню слова, а так это разные аффиксы: *-ды* и *-дачы*, и совпадение здесь случайное.

Для механизма внутренней флексии в арабском языке имеет значение, входят ли в состав трехсогласного корня так называемые слабые согласные, или неслоговые гласные, которые либо соединяются с кратким гласным в один долгий, либо остаются в функции согласного. В зависимости от позиции слабого согласного в корне – на второй или третьей, различают пустые и недостаточные глаголы. Модели форм от пустых и недостаточных корней ввиду возможности упомянутых слияний звуков, нарушающих стандартные мены гласных, в арабской морфологии рассматриваются отдельно от корней, не имеющих слабых согласных. Махмуд Кашгари переносит в свой труд этот прием группировки лексем по признакам морфонологических особенностей основ, разделив их на следующие восемь «книг» (разделов, частей): 1) хамзовых слов, 2) правильных, 3)

удвоенных, 4) подобноправильных, 5) пустых, 6) недостаточных, 7) назальных и 8) книга слов со стечением двух сукунированных букв [ДЛТ: 4].

Строго говоря, к тюркской морфологии XI в. это не имеет никакого отношения, так как тюркские гласные в то время не обладали свойством полугласных и не могли быть в зависимости от позиционных условий то гласным, то согласным. Поэтому перенесение принятого в некоторых арабских словарях разделения всего лексического массива на части, или книги, в которых модели слабых корней отделены от моделей корней правильных, или, по-арабски, здоровых, а также выделение в особые книги слов с удвоенным вторым согласным и слов с назальным п и фонемосочетанием пё, для тюркского корнеслова не имеет особого смысла.

Таким образом, формально-морфологическая классификация тюркского лексического материала целиком перенесена Махмудом Кашгари из метаязыка арабистики, что он совершенно прямо постулирует, заявляя: «Названия этих книг и глав – (т.е. фактически, процедуры формально-морфологического анализа. – И.К.) я заимствовал из арабского языка, поскольку в качестве наименований они знакомы людям» [ДЛТ: 4]. И понять такое обоснование можно. Иной, более подходящей к агглютинативному тюркскому строю метатеории в этой части мира, видимо, не существовало. К тому же, важен фактор понятности «людям»: читатели могли воспринять доказательства развитости тюркского языка в сопоставимой для их знаний манере.

Какого рода описанием языка является ДЛТ – словарь, грамматика? В связи с обращением к структуре описания тюркского языка и рубрикации материала у Кашгари закономерно встает вопрос: не просто наличие указаний на морфологические модели слов, но распределенность лексики по типам формальных моделей не дает ли нам основание думать, что перед нами некий труд по грамматике или, может быть, несколько уже, по морфологии тюркского языка?

Соображение о том, что его труд не является грамматикой, т.к. в нем не рассматриваются формы классического словоизменения – формы причастий, масдаров, а также «... формы множественности и единичности, превосходства (т.е. формы компаратива прилагательных. – И.К.), уменьшительности и другие формы словоизменения, поскольку им я посвятил другую книгу, которую назвал «Книга основ (или: сущностей) грамматики в тюркских словах / языках» (Китāб джавāхир ан-наҳв фил-лугāt ат-турк) [ДЛТ: 18].

ЛИТЕРАТУРА

ДЛТ – Divanü Lugat-it-Türk. Türkîbasım. – Ankara, 1990 (цифра указывает страницу рукописи).

ДТС – Древнетюркский словарь. – Л., 1969.

Стеблева И.В. Развитие тюркских поэтических форм в XI веке. – М., 1971.

ЗАИМСТВОВАНИЯ В СЛОВАРЕ МАХМУДА КАШГАРСКОГО ИЗ ЯЗЫКОВ СИНЬЦЗЯНА

А.В.Дыбо

В лексике тюркских языков, зафиксированной в словаре Махмуда Кашгарского (МК), имеется значительное число заимствований. Иногда это слова, которые мы встречаем в широком распространении по современным тюркским языкам. Некоторые из этих слов, однако, либо не встречаются в дальнейшем нигде, кроме памятников, отражающих караханидскую традицию, иногда еще в древнеуйгурских памятниках и в современных тюркских языках, связанных с территорией Синьцзяна. Анализ происхождения таких слов показывает, что они локальные заимствования, по-видимому, территориально происходившие в Синьцзяне и на близких территориях. Прежде всего это хотано-сакские заимствования, некоторые узкоместные согдийские и узкоместные тохарские (из тохарского В) заимствования. Кроме того, это новоиндийская лексика, свидетельствующая о торговых связях, среднекитайские заимствования и несколько новоперсидских слов. Имеется также набор заимствований из какого-то средне-монгольского языка, тоже «не прижившихся» в других тюркских языках. По семантическим областям лексика относится либо к сфере местной политической жизни, либо к хозяйственной сфере.

1. *Китайские заимствования.* В современных тюркских языках известно значительное количество заимствований из позднеревнекитайского и среднекитайского, происшедших на пратюркской или общетюркской стадиях; имеются и китаизмы, попавшие через среднемонгольское посредство. См. о них, хотя бы, [Шервашидзе 1989; СИГТЯ 2006; Дыбо 2007]. Но имеются и случаи, встречающиеся только у МК и в современных тюркских языках, которые связаны с территорией Синьцзяна. Приведу несколько примеров; среднекитайские формы даются в реконструкции С.А.Старостина [1989].

Названия тканей (подробнее см. [Tekin 1997]):

1. *čixansi* МК 'вышитый китайский шелк' [Clauson 1972: 409]. Из кит. 繡 совр. кит. *xiù*, средн. кит. *sjəw* 'вышивка' + кит. 漢 совр. кит. *hàn*, средн. кит. *xan* 'Китай' + кит. 絲 совр. кит. *sī*, средн. кит. *sjī* 'шелк'.

2. *xuluŋ* МК 'ввозимая из Китая разноцветная шелковая материя' [Clauson 1972: 622] ("from Chin. *ho ling* or *hu ling*"). Из кит. 華 совр. кит. *huá*, средн. кит. *xwá* 'цветок; пестрый' + кит. 練 совр. кит. *liàn* (диал. *lieŋ, liŋ*), средн. кит. *lièn* 'очищенный шелк'.

3. *loxtay* 'красный китайский шелк, расшитый золотыми монетками' [Clauson 1972: 763]. Из кит. 縷 совр. кит. *lǚ*, средн. кит. *lü* 'шелковая нить' + кит. 帶 совр. кит. *dài*, средн. кит. *taŋ* 'пояс'.

Название меры:

1. **čig* 'китайский фут, около 33 см': Др.-уйг. *čigin tsunin* 'на футы и дюймы' Uig II, Suv. 136.8, *tört čig* '4 фута' (длина картины) Suv. 544.5; крх. *čig* 'тюркский

локоть, около 2/3 нормального локтя' МК; новое заимствование – нуйг. *čī* 'мера длины в 10 дюймов' < совр. кит. *chī* 'фут' [Clauson 1972: 404]. Сюда не относится, вопреки [Räsänen 1969: 107], чув. *чике* 'аршин' [Ашм. XV: 195, Егоров 1965: 325]; < ПТю **čikan(ak)* 'локоть', см. [СИГТЯ 200 : 249]. Ср.-тюрк. слово – из кит. 尺 совр. кит. *chī*, средн. кит. *čhek* 'фут'.

Продукты и под.:

1. *lav* МК 'воск' [Clauson 1972: 763]. Из кит. 蠟 совр. кит. *là*, средн. кит. *láp* 'воск'.

2. др.-уйг. *liv* (ТТ VII *liv-i aš-i* 'подношение звездам'; среди них *tuturqan* 'рис', *buydaj* 'пшеница', USp. *liv jemezünler* 'пусть не едят подношений'), МК *liv*, QB *liv aš tergi* 'столик, полный яств' [Clauson 1972: 763]. Из кит. 粒 совр. кит. *lì*, средн. кит. *lip* 'зерно как еда'.

3. *титуј* МК 'клейстер' [Clauson 1972: 769]; ср. средне-др.-уйг. *men* 'мука' (USp., Н I), сюг. *men* тж. [Малов 1957, Clauson 1972: 766]. Из кит. 麵 совр. кит. *miàn*, средн. кит. *mien* 'мука, тесто, лапша' + кит. 糊 совр. кит. *hú*, средн. кит. *yo* 'клейстер'.

4. *limken* МК 'желтая слива' [Clauson 1972: 764]. Из кит. 林 совр. кит. *lín*, средн. кит. *lim* 'лес' + кит. 橋 совр. кит. *qín*, средн. кит. *gim*, 'род сливы'. Ср.: 林檎 'Malus prunifolia' [БКРС 3: 703].

Термин родства:

1. *kükij* МК 'тетка по матери' [Clauson 1972: 764]. Из кит. 姑 совр. кит. *gū*, средн. кит. *kā* 'тетка по отцу' + кит. 舅 совр. кит. *jiù*, средн. кит. *gaw* 'дядя по матери'. Ср.: 姑舅 'двоюродные' [БКРС 1: 487].

II. Согдийские заимствования. В современных тюркских языках известно довольно значительное количество заимствований из согдийского языка; судя по их распространению, они либо пришли через древние и средневековые тюркские литературные языки, либо были заимствованы в «пра-центрально-тюркский» (гипотетический общий предок огузских, кыпчакских и карлукских языков; в этом случае заимствование должно было произойти до 479 г. н.э.); либо попали в уже разделенные огузские и другие «центральные» языки, носители которых контактировали с согдийской торговой империей. Подробнее об этих типах см. [СИГТЯ 2006]. Следующие согдийские заимствования зафиксированы только в памятниках и языках, связанных с территорией Восточного Туркестана:

Сельское хозяйство:

1. Крх. *tarqa, talqa* 'незрелый (плод)' МК, = перс. *talx* 'горький'. Ср. др.-уйг. *tarqa, terke* 'острая' (боль) [Clauson 1972: 539] < согд. *try* [*tary*] [Gharib 1995: 9643] 'sharp, hard, fierce', авест. *tiyra* 'острый, горький', хсак. *ttira-* 'горький'.

2. Крх. *borduz* 'огород', гапакс МК [Clauson 1972: 359]. Очевидно, из согд. *p'rduz* 'сад' [*pārdez*] [Gharib 1995: 7103] (авест. *pari-daeza*, перс. *pāliz* > араб. *fāliz*; тадж. *полуз* 'сад'. Передача согд. *ā* как *o*, возможно, отражает местное диалектное развитие (в согдийском?).

3. Крх. *badic* 'подставка для виноградных лоз', гапакс МК [Clauson 1972: 300]. Ср. перс. *wāyic*, тадж. *wo'īš*, восходящие по фонетике к незафиксированному согд. **wādic*. Согд. слово должно быть связано с авест. *vaetay-* 'лоза' [Bartholomae 1904: 1314].

4. Крх. *kenbe* 'какое-то растение', гапакс МК (Ганджак) [Clauson 1972: 727: "prob. Iranian"]. Ср. согд. *кунр* [*kenbā*] 'конопля', хсак. *kumba* 'лен' [Bailey 1979: 62]: < **kanaba*, бродячее слово, относящееся в основном к конопле, см. [Bailey 1979: 51–52, Стеблин-Каменский 1982: 63–64]. Фонетически тюркское слово ближе всего к согдийскому.

5. Крх. *zargunčtud* 'род базилика', гапакс МК [Clauson 1972: 989]. Из согд. *zrywnč* 'зеленый' + *mwrt* 'мирт' [Gharib 1995: 5535]. См. [Benveniste 1948: 184].

6. Крх. *čat* 'источник', гапакс МК [Clauson 1972: 401]. Из согд. *č't* [*čat*]

'источник' [Gharib 1995: 124], ср. хсак. *tcāta* 'озеро, водоем, пруд' [Bailey 1979: 138], осет. *cad* 'озеро', ср.-перс. (зор. пехлеви) *čāh*, перс. *čāh* 'источник' (фонетика и семантика тюркского слова указывают на заимствование из согд.).

7. Крх. *bečkūm* 'порог, крытый вход', гапакс МК [Clauson 1972: 295], см. [TMN 2 : 722]. По [Benveniste 1948] из согд. *ptšknp* [*patškanp*] 'прихожая' [Gharib 1995: 7925], ср.: хорезм. *pičkaba* 'стена' [Фрейман 1951: 104], армян. *pašgamb* 'зал' (из ср.-перс. *pdyšknb* 'комната'); ПИр **patiškamba*, ср. авест. *fraskamba* 'балка, прихожая' [Bailey 1979: 413]. Перс. *bačkam* (скорее, из тюрк.), *paškam* 'летний домик; вход; зал ожидания', видимо, из согд.

Имущественные отношения

1. Крх. *maraz* 'наемный работник', гапакс МК [Clauson 1972: 772], из согд. *marāz* [Gharib 1995: № 5418].

2. Др.-уйг. (Uig I), крх. *ertiūt* (МК, QB, Atebet) 'подарок' [Clauson 1972: 204]. По остроумной гипотезе Семиха Тезджана [Tezcan 1997: 158], заимствованная форма мн. ч. от согд. *r't* [*rat*] 'подарок' [Gharib 1995: 340]: **ratul* (< ПИр **rā-*, авест. *rāti, rāta*).

Другие слова:

1. Др.-уйг. *suburgan* 'могила', крх. *suburgan* 'курган, могила' Clauson 1972: 792 < согд. **zamarγān*. Из др.-уйг. заимствовано в монг.: халха *suwraga* 'пирамидка на верху кургана', из монг. в тув. *suwurga, suurga* 'kule, sivri uçlu yüksek уар'. Этимология принадлежит В.Хеннингу [Transactions of the Philological society, London 1945, p.157].

2. Др.-уйг. *didim* 'венец', крх. *didim* 'венчик невесты' МК [Clauson 1972: 456]. В современных языках не встречается. Из др.-уйг. заимствовано в монг. языки: письм.-монг. *tidim*, халха *titem* 'корона; графический элемент коронка с зубцом' [БАМРС 3: 209]. Из согд. *dydm* < греч. *διαδήμα*.

3. ? Др.-уйг., крх. (МК, QB), хорезм.-тюрк. (Огуз-каган) *šūk* 'ш-ш-ш!' [Clauson 1972: 867], ново-уйг. *šūk* (*šūk oltar* 'сиди тихо!'). По [Benveniste 1948: 184], из согд. *šwk* 'тихий, беззвучный' [Gharib 1995: № 9352].

III. Ново-персидское (таджикское?) заимствование.

1. *merdek* МК 'медвежонок, поросенок' [Clauson 1972: 772] (без этимологии) < перс. *mardak* уменьш. к 'мужчина', тадж. 'самец'.

IV. Ново-индийские заимствования.

1. Крх. *tarmaz, turmuz* 'огурец' [Clauson 1972: 550]: «Unless this is a l.-w. cognate to 2 *turta* it is prob. the Neg. Aor.Participle of *tar-*, lit. 'not branching'». В действительности *tarmaz* явное заимствование, ср. перс. *tarbuz* 'арбуз, дыня' [Стеблин-Каменский 1982: 79–80], в конечном счете из санскр. *trapusa, trapusa* 'огурец, колоквинт' к **tṛpra-* 'salzig, scharf' (ПИр. **tṛfra-* с индоевропейской этимологией см. в [Maug. EWAIA I: 665, 675]. Тюркское слово по семантике ближе к санскр., чем к перс.; с другой стороны, для санскр. слова приводимые Тёрнером более поздние формы выглядят как праkrit. *taūsa-* n., маратхи *tavše* n. 'Cucumis sativus' [Turner 1962-1964: 5993]; так что можно предположить «базарное» новоиндийское заимствование из какого-то языка северо-западной группы, типа лахнда, судя по развитию *tr-*. В новых тюркских языках видим только кирг. *darbyz*; узб. *tarvuz*, нуйг. *ta(r)vuz* 'арбуз', которые заимствованы либо из новоперс., либо из монг. 'арбуз' (халха *tarvas*, калм. *tarvas* [*tarvəs*]), заимствованного из перс., см. [СИГТЯ 1997: 138].

2. Крх. *bibli* 'длинный перец', гапакс МК [Clauson 1972: 282], в конечном счете восходит к санскр. *pīppalī* (в Атхарва-Веде 'вид ягоды', позже 'длинный перец'). Заимствовано из новоинд. формы, сходной с зап. пахари *pippli*, хинди *pipli* 'a kind of long pepper' [Turner 1962-1964: 8205].

V. Хотано-сакские заимствования. Г. Дёрфер (TMN 2, 647) по поводу предположения о том, что слово **dōn* 'одежда, халат' является заимствованием из хсак. *thauna*, замечает, что других сакских заимствований в тюркских языках не

обнаружено. Как видно из последующего, он почти прав: хотя такие заимствования были, они «не прижились». Ср., впрочем, довольно представительный ряд санскритизмов в древнеуйгурском, которые, судя по фонетическим особенностям адаптации, были заимствованы через хотано-сакское посредство, в статье [Hansen 1940], похоже, неизвестной Г.Дёрферу и последующим тюркологам. О слое иранских заимствований в пратюркский, напоминающем какое-то раннесакское состояние, см. также [Дыбо 2007: 115-124]. Здесь мы кратко приведем соответствующую лексику, т.к. подробный разбор большей ее части имеется в статье [Dybo 2003].

1. *irvi* МК 'индийское лекарство' [Clauson 1972: 198: «no doubt a l.-w., but there is no immediately obvious Sanskrit original»] — хсак. *irhva* 'цитрон' [Bailey 1979: 34].

2. *bat* МК 'виноградное сусло' [Clauson 1972: 296: ?] — хсак. *bāta-* 'молодое вино, сусло' [Bailey 1979: 276, Kent 1950: 199].

3. *čoluvu* МК 'титул, получаемый человеком на две ступени ниже хакана в хотанской иерархии, = тюрк. *yabgu*' [Clauson 1972: 394: «a Khotanese word might be native Saka or corrupt Turkish; it is possible that this is a corruption of the word *yabgu*»] — хсак. *ššau*, Pl. *ššuvanā*: 'титул, относящийся к *rrund-* 'царь' так же, как микен. *basileus* к *wanax*'. [Bailey 1979: 412].

4. *čowač* МК 'царский зонтик' [Clauson 1972: 395: «no doubt a l.-w., but of unknown origin»] — хсак. *šāhausa* 'зонтик' [Bailey 1979: 398].

5. *čavcu* МК 'дерево с красным стволом и ветвями и горькими красными ягодами, растет в горах' [Clauson 1972: 395: «prob. a l.-w.»] — хсак. *šauve-* 'род ююбы' [Bailey 1979: 405].

6. *čeg* МК 'полосатая хлопковая ткань' [Clauson 1972: 413: «prob. a l.-w.»] — хсак. *caiha* 'кусочек ткани' [Bailey 1979: 105, 150].

7. *čür* МК 'удача, выгода', *čürle-* 'получить выгоду' [Clauson 1972: 428: ?] — хсак. *šārā, širā* 'добро, благосостояние', Acc.Sg. *ššuru, šuru* [Bailey 1979: 400-402].

8. *čer* МК 'время, срок' [Clauson 1972: 427: ?] — хсак. *tcīra* 'раз', *draiteira* '3 раза' [Bailey 1979: 140].

9. *čurām* МК 'выстрел легкой, далеко летящей стрелой', *čurām oki* 'такая стрела' [Clauson 1972: 430: ?] — хсак. *cūdān* 'мера длины, стадия' [Bailey 1979: 104; ср. ЭСИЯ 2: 230].

10. *kowuč, kowuz* МК 'признаки одержимости злым духом' [Clauson 1972: 581: «prob. a crasis of **kowguč*, fr. *kow-*, meaning lit. smth. like «persecution»] — хсак. *kauce* 'помрачение, грех' [Bailey 1979: 65].

11. *kasy* МК 'деревянный загон для овец' [Clauson 1972: 666: «Prob. a l.-w.»] — хсак. *kāyū* 'хижина' [Bailey 1979: 59].

12. *kebez* 'хлопковое семя' (поздне-др.-уйг., крх. МК, новуйг., сюг., узб.) [ЭСТЯ 2000: 13, Clauson 1972: 692] — хсак. *kapā-ysa-* 'cotton wool' [Bailey 1966: 42]. Ср. перс. *karbās*, тадж. *karbos*, заимствованные другим путем [Стеблин-Каменский 1999: 214; Эдельман 1968: 57-58].

13. *kevel at* МК, QB 'породистая быстрая лошадь' [Clauson 1972: 689: «pec. to Хак.»]. Ср. хсак. *kabā* 'лошадь, скакун'. *-La, -laka* — хсак. уменьш. суфф. [Bailey 1979: 52; ОИЯ 1981: 304].

14. *kestem* МК 'вечеринка с выпивкой' [Clauson 1972: 749: «prob. a l.-w., cf. Tokh.B *kāstwer* 'at night'"]. Более вероятным источником кажется хсак. *khāšta* 'пьяный', **khāštam* 'предназначенный для пьянства' [Bailey 1979: 72-73].

15. *suma* МК 'проростки пшеницы или ячменя, материал для солода' [Clauson 1972: 828: «prob. a Chinese phr., the *-ma* may be *mai* 'wheat'»] — хсак. *suma* 'мука для закваски, дробленое зерно' [Bailey 1979: 427].

16. *tim* МК 'мех с вином' [Clauson 1972: 503: «prob. a l.-w. from Chinese *tien* 'shop, inn'»] — хсак. *ttanā* 'кожа', *ttinā* 'в коже' [Bailey 1979: 122, 127].

17. *toŋa* др.-уйг. (Uig. I, II, VIII, Man., USp.) 'герой'; 'часть имени

собственного', енис. (E-149) *Toṇa külig tarqan beg* 'имя собств.' [Кормушин 1997: 255]; МК *toṇa* "первоначально 'тигр'; затем 'герой' "; QB *toṇa* 'герой', IM 'сильный'. Клосон [Clauson 1972: 515] справедливо сомневается в приводимом МК значении "леопард". Все рунические и древнеуйгурские употребления говорят о семантике "сильный, храбрый, герой" и под. Ср. хот.-сак. *thina* 'strong, stout' [Bailey 1979: 131; к **tav-* 'to be strong, fat'], ср. ср.-перс. *tw'n* 'powerful', зор. пехл. *tuvān* 'persistent' [Bailey 1979: 144], согд. *twnt* [*tund*] 'violent, powerful' [Gharib 1995: 9718]. Фонетически из зафиксированных иранских форм только хотано-сакская может быть источником древнетюркской.

18. *kemišge* 'вышитый кашгарский войлок' [Clauson 1972: 724: «Dev. N. fr. *kemiš-* 'to throw away, abandon', lit. 'something laid down on the ground'»] – хсак. *kamaışkä* 'род вышитого покрывала' [Bailey 1979: 52].

19. (?) *bečket* МК 'знак, штандарт, из хвоста лошади или яка' [Clauson 1972: 295] – хсак. *baicakama* 'хвост лошади или яка', вахан. *bičkam* [Bailey 1979: 302], ср. [Стеблин-Каменский 1999: 96].

20. *zaranza* 'шафран' [Clauson 1972: 989: «no doubt a l.-w., ? Sogdian»] – хсак. *ysarajsa* 'шафран' [Bailey 1979: 347] (в согд. слово не представлено, ср. согд. *usparn* 'шафран' [Gharib 1995: 10586]).

Сакские диалектизмы (?): займствования в тюркские языки интересующего нас ареала, по-видимому, из каких-то восточно-иранских языков, но, скорее всего, не из хотано-сакского.

1. *üctē* 'туговая ягода' МК [Clauson 1972: 27: «the *c* suggests that it is an Iranian l.-w.», (= ново-уйг. *üzme*) = сарыкол. *ыцта*, *üzma*, ПИр **aizma-* [Стеблин-Каменский 1982: 90].

2. *ulyan* 'съедобный корень пахучего растения' МК [Clauson 1972: 154: «prob. a loan-word»] – ср. язгулям. *lang* 'кориандр' [Стеблин-Каменский 1982: 75].

3. (?) *arcu*, *aršū* МК, IM 'шакал, гиена', *arcu-la-* 'стоять кругом, как шакалы' поздне-др.-уйг., МК [Clauson 1972: 200: «the *-c-* suggests a foreign (?) Sogdian origin»] — ср. вост.-иран. **aršu* 'медведь', хсак. *arrā* [Bailey 1979: 8], согд. *ššh* [Gharib 1995: 1770], ванечи *yirž*, пушту *yaž*, сарыкол. *yurx*, сангличи *xars*, шугни *yūrš*.

VI. *Тохарские займствования*. Здесь имеются в виду именно локальные поздние займствования, которые могут фонетически возводиться к тохарскому В. Подробнее см. [Дыбо 2007a].

1. *oxaq* МК 'сок, выжатый из абрикосов, используемый как прохладительный напиток' [Clauson 1972: «prob. an Iranian l.-w.»] – тохар. А, В *oko* 'плод' [Adams 1999: №656].

2. *čanač* МК 'женоподобный, трусливый человек', *čanačlik* 'женоподобие, изнеженность' [Clauson 1972: 425: ?] – тохар. А *šna-si* 'женский, относящийся к женщинам', *šām* 'женщина' [Poucha 1955: 331], тохар. В *šana* 'женщина' [Adams 1999: №3440].

3. *cömerük kiši* МК 'человек с мутными, слезящимися глазами' [Clauson 1972: 424: ?] – тохар. *tsem* 'голубой', А *tsem-yok* 'голубой цвет', *tsem-yokān* ~ *ašām* 'глаза голубого цвета' [Adams 1999: №4140]; тохарское слово < ср.-кит. 靑 *chieng* 'голубой'.

4. *lešp* 'сопля, слизь': др.-уйг., МК [Clauson 1972: 764] < тохар. А, В *lešp* [Adams 1999: 3046: < праkrit.].

5. *karši* 'царский дворец': поздне-др.-уйг., МК, QB, чагат., хорезм.-тюрк. [Clauson 1972: 664] – тохар. В *kercei* [Adams 1999: 1046].

6. *nāg* МК 'крокодил (как циклический знак)' [Clauson 1972: 776: "Из согд. *nāg/k* 'дракон' < санскрит. *nāga* 'большая змея'"] – тохар. А *nāk* 'змея (циклический знак)'. Тохар. < санскр. [Adams 1999: № 1781, 1787]. Согдийцы, в отличие от тохар, по-видимому, не пользовались календарным животным циклом (см. [Фрейман 1962]).

VII. *Средне-монгольские заимствования* в языке Махмуда Кашгарского. Подробнее об этой категории лексики см. [Дыбо 2005].

1. *qarwi* 'натянутый (о луке), дугообразный, согнутый как лук' МК [Clauson 1972: 646] – Монг. **karbu-* 'стрелять' < Палт. **kare* 'лук, стрела' > тюрк. *kiriş* 'тетива'.

2. *kirdeş* 'сосед, живущий в том же доме' МК [Clauson 1972: 739] – монг. **ger* 'дом' (+ *-daš*) < Палт. **gerV* 'дом' > тюрк. **gereki* 'решетка юрты'.

3. *alučun* 'съедобное растение с узловатым стеблем' МК [Clauson 1972: 130] – монг. **alčaŋga* 'сусак' < Палт. **elu-č-* 'съедобный корень' > тунг.-маньчж. **elu* 'лук'; тюрк. **işun* 'щавель, ревень'.

4. *uɣly* 'корнеплод белого цвета с приятным запахом, растущий в Кашгаре, пастернак' МК [Clauson 1972: 84] – монг. **ug* с двумя значениями: 1) 'род, происхождение'; 2) 'корень, пень' < Палт. **uk'u* 'род' > тюрк. **uk* 'род'..

5. *ulā* 'курган или гора, который служит ориентиром в пустыне', *ulā bolsa yol azmas* 'если есть ула, путь не потерян' МК [Clauson 1972 : 126] – монг. **ayula, uula* 'гора' < Палт. **agu-la* 'незаселенное место, пустошь' > тюрк. **aglak* 'поле, степь, пустошь'.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Ашм. – *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. – Казань; Чебоксары, 1928–1950. – Вып. 1–17.

БАМРС – Большой академический монгольско-русский словарь. Т.1–4. – М., 2001.

БКРС – Большой китайско-русский словарь. Т.1–4. – М., 1983.

Дыбо А.В. Монголизмы у Махмуда Кашгарского? // *Altaica X*. ИВ РАН. – М., 2005. – С.51–60.

Дыбо А.В. Лингвистические контакты ранних тюрков. – М., 2007.

Дыбо А.В. Тюркско-тохарская контактная лексика // *Аспекты алтайского языкознания*. – М., 2007 (а). – С.80–108.

Егоров В.Г. Этимологический словарь чувашского языка. – Чебоксары, 1964.

Малов С.Е. Язык желтых уйгуров. – Алма-Ата, 1957.

МК – Словарь Махмуда Кашгарского.

ОИЯ 1981 – Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки. – М., 1981.

СИГТЯ 2000 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика. – М., 1997/2000.

СИГТЯ 2006 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюрка. – М., 2006.

Старостин С.А. Реконструкция древнекитайской фонологической системы. – М., 1989.

Стеблин-Каменский И.М. Очерки по истории лексики памирских языков. Названия культурных растений. – М., 1982.

Стеблин-Каменский И.М. Этимологический словарь ваханского языка. – СПб., 1999.

Фрейман А.А. Хорезмийский язык. – М.; Л., 1951.

Фрейман А.А. Описание, публикации и исследование документов с горы Муг. – М., 1962.

Шервашидзе И.Н. Фрагмент общетюркской лексики. Заимствованный фонд // *ВЯ* 2, 1989.

- Эдельман Дж.И.* Основные вопросы лингвистической географии. На материале иранских языков. – М., 1968.
- ЭСИЯ – Расторгуева В.С., Эдельман Дж.И.* Этимологический словарь иранских языков. I. – М., 2000. II. – М., 2003. III. – М., 2007.
- ЭСТЯ 2000 –* Этимологический словарь тюркских языков. Общeturкские и межтюркские основы на букву «К» / Авт. Л.С.Левитская, А.В.Дыбо, В.И.Рассадин. – М., 2000.
- Adams D.Q.* A dictionary of Tocharian. – Amsterdam; Atlanta, 1999.
- Atebet – Edib b. Mahmud Yükneci.* Atebetü'l-Hakayik / Reşit Rahmeti Arat. – Istanbul, 1959.
- Bailey H.W.* Dictionary of Khotan Saka. – Cambridge etc., 1979.
- Bartholomae Chr.* Altiranisches Wörterbuch. – Strassburg 1904; Berlin, 1961.
- Benveniste E.* Mots voyageurs en Asie Central // JA. CCXXXVI. 1948. Fasc. 2.
- Dybo A.V.* Turco-Tocharica and Turco-Sakica Renewed // Proceedings of the 45th Meeting of the PIAC (Budapest, 2002). – Budapest, 2003.
- Clauson G.* An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. – Oxford, 1972.
- Gharib B.* Sogdian Dictionary. – Tehran, 1995.
- HI – Rachmati G.R.* Zur Heilkunde der Uiguren // SPAW. 1930. XIII.
- Hansen O.* Tocharisch-iranische Beziehungen. // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. – Leipzig 1940. B. 94, H. 2 S. 139-164.
- IM – Battal Aptullah.* Ibnü-Mühenna lügati. – Istanbul, 1934.
- Kent R.G.* Old Persian Grammar: Texts, lexicon. – New Hawen, 1950.
- Man. – Le Coq A. von.* Türkische Manichaika. – B., 1921–1922. I–III.
- Mayr. EWAIA – Mayrhofer M.* Etymologisches Woerterbuch des Altindoarischen. – Heidelberg, 1986. Bd. I; 1996. Bd. II.
- Poucha – Poucha P.* Institutiones linguae tocharicae. Pt.1: Thesaurus linguae tocharicae, dialecti A. – Praha, 1955.
- QB – «Кутадгу Билиг».*
- Räsänen M.* Versuch eines etymologisches Wörterbuchs der Türksprachen. – Helsinki, 1969.
- Suv. – Suvar aprabhāsa.*
- Tekin 1997 – Tekin T.* Notes on some Chinese loanwords in Old Turkic // Türk dilleri arařtırmaları. – Ankara, 1997.– P.165–173.
- Tezcan 1997 – Tezcan S.* Additional Iranian loanwords in early Turkic languages // Türk dilleri arařtırmaları. – Ankara, 1997.– P.157–164.
- TMN – Doerfer G.* Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. – Wiesbaden, 1963. I; Wiesbaden, 1965. II; Wiesbaden, 1967. III.
- TT (VI–X) – Bang W., Gabain A. von, Rachmati G.R.* Türkische Turfan-Texte. VI: Das buddistische Sūtra Säkiz yükmäk // SPAW. 1934. X; *Rachmati G.R.* Türkische Turfan-Texte. VII // APAW. 1936. №12; *Gabain A. von.* Türkische Turfan-Texte. VIII Texte im Brähmischrift // ADAW. 1952. №7; *Gabain A. von, Winter W.* Türkische Turfan-Texte. IX. Ein Hymnus an den Vater Mani auf „Tocharisch“ B mit alttürkischer Übersetzung // ADAW. 1956. №2; *Gabain A. von.* Türkische Turfan-Texte. X. Das Avadāna des Dämons Āt.avaka. Bearb. von T. Kowalski // ADAW. 1958. №1.
- Turner R.L.* A Comparative Dictionary of the Indo-Arian Languages. Fasc. I–IV. – L., 1962–1964.
- Uig – Müller F.W.K.* Uigurica. I–IV // APAW. 1908; 1910; 1922; 1931.
- USp – Radloff W.* Uigurische Sprachdenkmäler: Materialien nach dem Tode des Verfassers mit Ergänzungen von S. Malov herausgegeben. – J., 1928.

ФАРИНГАЛИЗАЦИЯ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ ЮЖНОЙ СИБИРИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ¹

И.Я. Селютина

Фарингализация гласных как дополнительная работа стенок глоточного резонатора отмечается в ряде тюркских языков Южной Сибири: тувинском [Пальмбах 1955; Кунаа 1957; Сат 1966; Бичелдей 2001], тофском [Наделяев 1969; Рассадин 1971], шорском [Уртегешев 2002, 2004], барабинско-татарском [Уртегешев–Селютина, Рыжикова 2003], в северных алтайских диалектах – тубинском [Сарбашева 2002; 2004], кумандинском [Селютина 1998]; типологическое сходство гласных качинского диалекта хакасского языка [Кыштымова 2001] с параметрами тувинских и тубинских гласных [Селютина–Шалданова 2003] дают основание для предположения о функционировании этого явления и в речи качинцев.

Кроме тюркских языков глоттализованное произношение гласных констатируется в некоторых языках других семей. Фарингализация в восточных диалектах эвенского, а также в корякском языке может объясняться тем, что эвены, мигрировав в IX–X вв. из байкальско-енисейского региона на северо-восток, усвоили в ходе миграции новый для себя тунгусо-маньчжурский язык, проявив в нем свою артикуляционно-акустическую базу с характерной для нее особенностью – фарингализацией гласных. Часть эвенов включилась в корякский этнос, сохранив фарингализацию, другая часть, мигрировав в северо-восточную Якутию, растворилась в большом этническом субстрате юкагирского типа, усвоившем эвенский язык, но не усвоившем чуждую его артикуляционно-акустической базе фарингализацию [Наделяев 1986а: 4].

Фарингализованные гласные функционируют также и в одном из енисейских языков – кетском [Вернер 1966: 8; Феер 1998: 107–113]. По мнению Б.Б. Феера, вокализм кетского языка (пакулихинский говор) представлен 56 фарингализованными гласными фонемами, дифференциальными признаками которых являются способ модуляции семи типовых настроек гласных по интенсивности (нетолчковые, начальнотолчковые, конечнотолчковые, двухтолчковые) и эйективность (поднятие гортани) – инъективность (опущение гортани). Таким образом, на каждой типовой гласной настройке могут реализоваться восемь различных фарингализованных гласных фонем.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 05-04-04309а).

Проблема происхождения фарингализации давно привлекает к себе внимание лингвистов, предложивших по этому вопросу несколько разных точек зрения. По мнению А.А.Пальмбаха, тувинские фарингализованные гласные «явились средним звеном в развитии так называемых заместительных (вторичных) долгот при переходе их в краткие гласные» и, таким образом, наследуют глоточный элемент исчезнувшего согласного [Пальмбах 1955: 181]. Данная гипотеза, не объясняющая причин возникновения фарингализации гласных в тувинском языке – фарингализованные гласные появляются лишь на месте общетюркских кратких гласных, – нашла неожиданное подтверждение: при проведении исследования фонетической системы туба-диалекта алтайского языка с использованием компьютерной методики было установлено, что все долгие гласные реализуются с дополнительной фарингализованной окраской [Сарбашева 2002: 11; 2004: 73–82]. В свою очередь, это может быть косвенным подтверждением общности (близости) субстратов тувинцев и тубаларов: фарингализация была свойственна артикуляционно-акустической базе их предков, но реализовалась в языках в различном фонологическом статусе – в тувинском это основной системообразующий признак, в тубском – конститутивно-дифференциальный признак (КДП), сопутствующий долготе гласных.

Как предполагает В.М. Иллич-Свитыч, «... фарингализация, по крайней мере в первом слоге многосложных слов, возникла вследствие передачи “чистым” гласным специфической сильной артикуляции последующих сильных согласных, перешедших затем в категорию слабых, то есть иначе говоря, представляет собой эффект взаимодействия гласных с сильными согласными» [Иллич-Свитыч 1963: 55]. В.М. Надеяев, пришедший независимо от В.М. Иллича-Свитыча к аналогичному выводу, высказал гипотезу относительно причин утраты напряженности сильными согласными: фарингализованные гласные в тувинском языке появились в результате ослабления сильных согласных под влиянием самодийского или какого-то иного субстрата [См. об этом: Щербак 1970: 46]. Позднее В.М. Надеяев предположил, что современный тувинский язык – это отюреченный уйгурским языком язык *чиков* [Надеяев 1986 б: 53–63], воспринявших древний уйгурский консонантизм с характерной для него оппозицией сильных/слабых/сверхслабых фонем через призму своей артикуляционно-акустической базы с несвойственными для нее сильными согласными. Тувинские сильные анлаутные согласные – результат влияния уйгурского суперстрата; остальное своеобразие консонантизма тюркского праязыка трансформировалось: сильные согласные в конце и в середине слова реализовались как слабые. Это, в свою очередь, привело к перестройке системы вокализма: к появлению специфических тувинских фарингализованных гласных в фонематическом статусе.

Аналогичный процесс, по мнению Ф.Г.Хисамитдиновой, происходил и в башкирских говорах, тем более что тенденция ослабления сильных смычных отмечена и в них [Хисамитдинова 1986: 46–49]. А.М.Щербак утверждает, что «... происхождение фарингализации гласных можно рассматривать как явление, возникшее под влиянием сильной аспирации конечных согласных *n, m, ç, k, c, w*» [Щербак 1970: 46]. Такой же точки зрения придерживается и Б.И.Татаринцев, отмечая, что возникшая на определенном этапе развития тувинского языка тенденция к изменению качества сильных неначальных согласных реализовалась первоначально в утрате этими согласными придыхательности, а затем и в их

ослаблении; первое из этих изменений и привело к появлению у гласных первых слогов, предшествующих таким согласным, особого качества, получившего название фарингализации [Татаринцев 1976а: 92].

Таким образом, несмотря на различный подход к решению проблемы происхождения фарингализации тувинских гласных, большинство исследователей связывают возникновение этого явления с историческим процессом изменения качества согласных *п, т, с, ш, ч, к*.

Субстратной или ареальной теории генезиса фарингализации в тувинском и тофском языках придерживаются Г.К.Вернер и А.П.Дульзон. Г.К.Вернер среди возможных объяснений этого явления рассматривает гипотезы о фарингализации как отражении речевых особенностей енисейского субстрата или как результат конвергентного развития языков разных систем, входящих в единый языковой союз в бассейне Верхнего Енисея [Вернер 1972: 17–24]. А.П. Дульзон связывает появление фарингализации с кетским субстратом [Дульзон 1973: 102–104], однако исследование топонимической системы северо-восточной Тувы свидетельствует об отсутствии существенного влияния кетского языка на тувинский [Татаринцев 1976 б: 94–95].

Более приемлемой представляется точка зрения В.М.Наделяева [1986 а], в соответствии с которой фарингализация является субстратным наследием части языков байкало-саянского региона – включая и енисейский ареал, – входивших в состав циркумбайкальского языкового союза: только исходя из этой гипотезы можно объяснить наличие фарингализации в эвенском и корякском языках.

Заслуживает также внимания точка зрения Ю.Янхунена, в соответствии с которой фарингализация (по терминологии Ю.Янхунена – «глоттализация» или «ларингализация») гласных появилась в тувинском и тофском (карагасском) языках вследствие ослабления поствокальных шумных согласных первого слога под влиянием самодийских языков [Janhunen 1980: 23–39]. Как показали экспериментально-фонетические исследования консонантных систем селькупского, а также энецкого, ненецкого и нганасанского языков, сильная напряженность не свойственна артикуляционным базам их носителей: системы согласных фонем структурируются оппозицией слабых и сверхслабых единиц [Кузьмина 1974: 236–245; Глухий 1978: 18–19; Попова 1978: 43–46; Столярова 1980: 17].

Вместе с тем, нельзя согласиться с мнением А.М.Щербака о том, что позднее заимствование слова является ограничением для фарингализации [Щербак 1970: 44], а также с утверждением Ю.Янхунена о кратковременности периода развития тувинской фарингализации (XII–XIII вв.) [Janhunen 1980: 35]. Результаты изучения И.Д.Дамбырой закономерностей фонетического освоения тувинцами лексических заимствований из русского языка и через русский свидетельствуют о том, что фарингализация – это живое продуктивное явление, охватывающее не только исконную тюрко-монгольскую лексику, но и значительно более поздние русские заимствования [Дамбыра 2000: 118–120]. На материале каа-хемского говора установлено, что заимствования из русского языка осваиваются тувинцами с облигаторной фарингализацией, начинающейся с ударного слога и распространяющейся до конца словоформы независимо от морфологической структуры постударной части слова, то есть аффиксальные морфемы, присоединяемые при словообразовании и словоизменении, подчиняются закону тувинской фарингальной гармонии гласных. Исключение

составляют однослоги, не имеющие в своей звуковой оболочке консонантных сочетаний, а также неоднослоговые слова с ударением на первом слоге.

Фонематический статус фарингализации гласных. Субстанционально сходное в тюркских языках явление фарингализации гласных реализуется с различным фонологическим статусом. По мнению В.М.Наделяева, в тофском вокализме, в отличие от тувинского, отсутствует группа фарингализованных гласных фонем, а имеющиеся в тофском языке фарингализованные гласные являются оттенками кратких гласных фонологических единиц, комбинаторно обусловленными соседством сильных согласных [Наделяев 1969: 236]. В.И.Рассадин придерживается иной точки зрения, согласно которой противопоставление гласных тофаларского языка по наличию/отсутствию дополнительной артикуляции – работы фаринкса – является фонематическим; автор выделяет 8 фарингализованных фонем: *аь, эь, оь, ыь, уь, □ь, □ь иь (иь)* [Рассадин 1971: 20; 1997: 112]. Фарингализация отмечается также и в уйгуро-урянской языке – языке тувинцев-оленовцов Монголии, выходцев из северо-восточной Тувы (Тоджи) [Монгуш 1963: 133–137]. Рядом исследователей констатируется глубокозадняяязычный фарингализованный *а* в башкирском языке и его говорах. К сожалению, авторы не дают прямых указаний относительно фонематической трактовки фарингализованного гласного *а*. Тем не менее Ф.Г.Хисамитдинова отмечает, что «... в тувинском, тофском, уйгуро-урянской языках ... в отличие от башкирского, имеется противопоставление фарингализованных и нефарингализованных», что косвенно свидетельствует об аллофонном характере башкирской фарингализации [Хисамитдинова 1986: 46–47; ср.: Юсупов 1955: 2; Миржанова 1967: 5].

Артикуляционно-акустическая природа фарингализации гласных. А.Ч.Кунаа в результате экспериментального исследования установил, что при артикулировании фарингализованных гласных тувинского языка мускулы в стенках глотки, а также корня языка напрягаются и сближаются, отделяя нижнюю часть глотки в виде особого резонатора, а гортань отходит вниз, увеличивая тем объём нижнего глоточного резонатора. В результате дополнительной работы мускулов стенок глотки при их значительном напряжении появляются более низкие форманты в звучании гласного [Кунаа 1957: 23–24]. Если в тувинском языке фарингализованные гласные всегда являются долгими или полудолгими (в зависимости от позиции и комбинаторики), то в тофском языке фарингализованные гласные – всегда краткие, произносятся отрывисто и как бы сдавленным голосом, при этом в конце гласного бывает подобие придыхания [Рассадин 1971: 20]. В говорах башкирского языка при произнесении глубокозадняяязычного фарингализованного гласного *а* корень языка отходит назад и, приподнимаясь, сближается с мускулами глотки, при этом гортань отходит вниз и звук произносится гораздо глубже, ниже и дольше, чем гласный *а* литературного языка, то есть это фарингальный звук (точнее: фарингализованный. – И.С.) с особым глоточным звучанием [Хисамитдинова 1986: 46–47]. Некоторые специалисты дифференцируют фарингализацию по её локализации, выделяя нижнюю, среднюю и верхнюю [Мазепус 1994: 65].

Соматические исследования настроек тувинских фарингализованных гласных, выполненные И.Д.Дамбырой [Дамбыра 2003: 12–13] в Лаборатории экспериментально-фонетических исследований (ЛЭФИ) Института филологии Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН, показали,

что при артикулировании трехфазовых фарингализованных гласных дополнительная работа глоточного (фарингального) отдела речевого аппарата, заключающаяся на протяжении первых двух фаз в напряженном сближении стенок фаринкса при одновременной оттянутости корня языка назад, детерминирует уменьшение объема нижнего отдела ротово-глоточной полости с соответствующим изменением соотношения объемов переднего и заднего отделов резонатора и обуславливает акустический эффект более низкого напряженного резонирования. Артикуляторные отличия фарингализованных настроек гласных (1-я и 2-я фазы) от нефарингализованных заключаются в следующем: 1) у фарингализованных гласных корень языка сильнее оттянут к задней стенке глотки; 2) вследствие оттянутости корня языка назад и напряженного сжатия стенок фаринкса объем нижнеглоточного отдела резонаторной трубы у фарингализованных гласных меньше, чем у нефарингализованных – иногда более чем в 2 раза; 3) фарингализованные настройки являются, как правило, более задними по сравнению с нефарингализованными. Акустическим коррелятом фарингализации гласных является трехступенчатый контур частоты основного тона: резконисходящий – плавнонисходящий – резковосходящий; различие гласных по интенсивности нерелевантно.

Таким образом, результаты соматических исследований настроек тувинских фарингализованных гласных в принципе совпадают с выводами, полученными А.Ч.Кунаа; расхождения в определении объема нижнеглоточного отдела резонатора при артикулировании глотализованных гласных обусловлены тем, что артикуляция фарингализованных гласных неоднородна: первая фаза, зафиксированная И.Д.Дамбырой рентгенографически, характеризуется сильным сужением нижнеглоточного отдела, вторая – некоторым его расширением, за которым в третьей фазе следует резкий толчок и расширение нижнефарингальной полости, заканчивающееся сильнонапряженной консонантной преградой, ослабевающей к концу артикуляции; изолированное или ауслутное произношение фарингализованного гласного невозможно. По типу артикуляции тувинские фарингализованные гласные в моносиллабах сходны с конечнотолчковыми гласными кетского языка, в полисиллабах – с кетскими нетолчковыми равнофарингализованными гласными.

Гармония гласных по фарингализации. Впервые обратил внимание на существование в тувинском языке помимо нёбной и губной гармонии гласных третьего вида гармонии – гармонии по фарингализованности, то есть глоточной гармонии, К.А.Бичелдей [Бичелдей 1980: 39–66; 1989: 22; 2001: 46–52] (следует отметить, что в устной форме это же мнение в конце 70-х – начале 80-х гг. прошлого столетия высказывала С.Ф.Сегленмей во время работы в ЛЭФИ). Рассматриваемое явление заключается в том, что под влиянием артикуляции фарингализованных гласных первого слога словоформы шесть кратких и шесть долгих гласных, которые могут употребляться в непервых слогах, также подвергаются фарингализации. По мнению К.А.Бичелдея, фарингализация гласных непервых слогов носит оттенокный характер, обусловленный качеством артикуляции гласного 1-го слога [Бичелдей 1986: 33–34]. Таким образом, фарингализация в тувинском языке носит суперсегментный характер. В этом тувинский язык существенно отличается от близкородственного ему тофского языка, где фарингализованные гласные констатируются только в первом слоге слова [Рассадин 1971: 20]. В башкирском языке глубокозаднеязычный

фарингализованный гласный *a* также реализуется либо в однослоговых словоформах, либо в первом слоге многослогов [Хисамитдинова 1986: 47].

Фарингализация согласных. Выполняемые в последние годы комплексные экспериментально-фонетические исследования указывают на необходимость более пристального изучения явления фарингализации не только в области вокализма, но и в сфере функционирования консонантных систем южносибирских тюркских языков.

В.М.Наделяев определяет фарингализованность согласных как напряжение стенок глотки и увеличение ее емкости с акустическим эффектом низкого по тону резонирования, накладываемого на общее звучание согласного звука [Наделяев 1960: 28].

Впервые фарингализованные настройки согласных описаны систематически Н.С.Уртегешевым на материале шорского языка (мрасский диалект). Соматические данные, а также результаты обработки звуковых файлов при помощи компьютерных программ позволили установить, что рассматриваемая система структурируется тройной оппозицией по типу работы гортани и языка: инъективно-эйективные/статичные/эйективно-инъективные. Инъективно-эйективные согласные продуцируются при опускающейся гортани и продвигающемся вперед теле языка, статичные – при нейтральном положении гортани и языка, эйективно-инъективные – при поднимающейся гортани и оттягивающемся назад корне языка. Три типа артикуляторных настроек сопровождаются соответствующими акустическими эффектами: инъективно-эйективные согласные реализуются с акустическим эффектом высокого восходящего резонирования, статичные – среднего ровного резонирования; эйективно-инъективные – с акустическим эффектом низкого нисходящего резонирования. Акустический эффект определяется соотношением резонаторов – переднертового и заднерново-глоточного.

Тип работы гортани и языка – основной конститутивно-дифференциальный признак в системе шорского консонантизма [Уртегешев 2001: 62–97; 2002: 264–265; 2004: 211]. Артикуляторные и акустические параметры длительности, напряженности, фарингализации и аспирации согласных являются второстепенными КДП, сопутствующими характеристике шорских согласных по типу работы гортани и языка: инъективно-эйективные согласные являются краткими слабонапряженными орально-аспирированными нефарингализованными; статичные согласные – полудолгие умереннонапряженные орально-неаспирированные нефарингализованные; эйективно-инъективные консонанты характеризуются как долгие сильнонапряженные фарингализованные орально-неаспирированные. Таким образом, в шорском консонантизме фарингализация является не основным, а дополнительным конститутивно-дифференциальным признаком, сопутствующим эйективно-инъективным настройкам.

Учитывая, что аналогичное явление зафиксировано ранее при изучении кетского вокализма, – а по данным истории и топонимики кеты обитали в прошлом в местах компактного проживания современных шорцев, – Н.С.Уртегешев высказал предположение, что выявленная особенность артикуляционно-акустической базы шорцев-мрасцев в области консонантизма является наследием кетского субстрата [Феер 1998; Уртегешев 2002: 276].

Изучение консонантной системы языка барабинских татар показало, что согласные фонемы делятся на шумные фарингализованные напряженные/

шумные нефарингализованные ненапряженные/малозумные нефарингализованные слабонапряженные [Рыжикова 2003: 11–12, 17–19; 2005].

Фарингализованные согласные имеют ряд артикуляторных характеристик, отличающих их от нефарингализованных: значительное напряжение всего артикуляторного аппарата; более заднее и приподнятое положение заднеязычно-верхнекорнеязычного участка тела языка; сужение глоточного отдела резонаторной полости вследствие оттянутости корня языка к задней стенке фаринкса, выпяченной, в свою очередь, по направлению к корню; увуларизация – дополнительная работа увулы, кончик которой отстоит от стенки носоглотки и активно направлен к корню языка; ларингализация – работа ларинкса при продуцировании фарингализованных звуков, заключающаяся в некоторой приподнятости гортани. Дополнительное активное участие глотки, гортани и кончика увулы в настройках барабинско-татарских фарингализованных согласных свидетельствует о высокой степени напряженности всего речевого аппарата.

Следствием отмеченных особенностей в работе артикулирующих органов является существенное уменьшение объема нижнего отдела ротово-глоточной полости и изменение соотношения частей напряженной резонаторной трубы, сопровождаемое акустическим эффектом более низкого, «твердого» резонирования.

Таким образом, выявленное для шорского языка противопоставление фонем по инъективности / эйективности в барабинско-татарском языке реализуется в виде фонологической оппозиции по нефарингализованности/ фарингализованности; при этом отсутствие или наличие дополнительной фарингализованной окраски является основным КДП, определяющим барабинско-татарскую консонантную систему, а степень напряженности артикуляторного аппарата – сопутствующим фонематическим признаком.

Исследования консонантизма тувинского языка (сут-хольский говор) с использованием комплекса субъективных и объективных методов свидетельствует о том, что основным фонематическим признаком, структурирующим сут-хольскую систему согласных, является степень напряженности ее единиц: фонемы противопоставлены как сильные/слабые/сверхслабые. Но при этом все согласные являются фарингальнонапряженными. Напряженность по своему характеру делится на два типа: 1) напряженность стенок фаринкса, обусловленная работой мышц-сжимателей (верхний и нижний констриктор глотки) и направленная на сужение канала; 2) напряженность стенок фаринкса, обусловленная работой мышц-разжимателей и направленная на расширение канала глотки. Согласные первого типа реализуются в словоформах с нефарингализованными гласными, второго – в словоформах с фарингализованной вокальной осью [Кечил-оол 2004: 5–8, 20–28].

Учитывая облигаторность дополнительной работы глотки в образовании согласных сут-хольского говора, все консонанты следовало бы трактовать как фарингализованные, различая их по типам фарингализации. Но, в соответствии с принятой в тюркологической лингвистике традицией использования данного термина применительно к гласным, С.В.Кечил-оол называет фарингализованными лишь согласные второго типа, функционирующие в словоформах с фарингализованными гласными.

В фонологической системе тувинского языка функциональный статус фарингализации как дополнительной работы глотки различен: если для гласных

фарингализованность настройки является фонематическим признаком, то для согласных – оттенковым. Выбор аллофона согласной фонемы определяется – с точки зрения глоточного сингармонизма в пределах монотематической словоформы – качеством гласного первого слога основы.

По субстантным характеристикам тувинские согласные первого типа обнаруживают относительное сходство с шорскими инъективно-эйективными настройками и барабинско-татарскими нефарингализованными ненапряженными согласными, тувинские согласные второго типа аналогичны шорским эйективно-инъективным настройкам и барабинско-татарским фарингализованным напряженным консонантам.

Но функциональный статус фарингализации согласных в южносибирских тюркских языках различен. Существует определенная корреляция между степенью напряженности и фарингализацией: фарингализация является релевантным системообразующим признаком в шорском и барабинско-татарском языках (основной КДП в барабинско-татарском, дополнительный – сопутствующий эйективным настройкам – в шорском) и оттенковым – в тувинском.

Фарингальный сингармонизм. Сингармонизм, детерминирующий фонетический облик слова – его вокальную и консонантную ось – является характерной чертой алтайской языковой общности. Существование в тувинском языке, в отличие от других тюркских языков, гармонии по фарингализованности, или глоточной гармонии, отмечалось исследователями [Бичелдей 1989: 22; 2001: 46–52]. Но консонантный аспект сингармонизма, и в частности глоточного сингармонизма, оставался за пределами внимания тюркологов.

Инструментальные исследования, проведенные в ЛЭФИ, показали, что сингармонизм – в том числе и фарингальный – включает в себя и консонантную составляющую.

В частности, тувинский язык – это язык с развитым фарингальным сингармонизмом, определяющим принципы организации и функционирования фонической и фонологической систем и специфику артикуляционно-акустической базы этноса; исключение составляют говоры II и III типов юго-восточного диалекта, для звуковой системы которых фарингализация не характерна.

В соответствии с закономерностями тувинского глоточного сингармонизма вся словоформа – включая и вокальную, и консонантную ось – реализуется либо как нефарингализованная, либо как фарингализованная [Кечил-оол 2004: 5–7].

Артикуляция согласных аллофонов по нефарингализованному сингармоническому типу осуществляется при напряжении глоточных мышц-констрикторов, оттянутости напряженного корня языка к задней стенке глотки и опущении гортани, вследствие чего диаметр фарингальной трубы в локусе максимального сближения её стенок значительно уменьшается (по сравнению с нейтральным состоянием речевого аппарата при свободном дыхании через нос), а его высота h_{phar} , измеряемая от верхней границы гортани до условной постоянной прямой l_{const} , проводимой по линии прикуса верхних зубов, увеличивается. При этом струя резко выталкиваемого воздуха энергично взрывает ртовую смычку или преодолевает щелевую преграду. По типу временного распределения напряженности основного артикулирующего органа при преодолении

шумообразующей преграды в полости рта эти согласные могут быть определены как сильноконечные.

Согласные аллофоны фарингализованного сингармонического типа продуцируются при ещё большем напряжении глоточных мышц, но мышца-разжимателей, оттянутости напряженного корня языка от задней стенки глотки и продвижении гортани вперед-вверх, вследствие чего диаметр среднего и нижнего отделов глоточного резонатора увеличивается по сравнению с настройками нефарингализованных коррелятов, а высота фаринкса, наоборот, уменьшается. При этом напряженность основного артикулирующего органа, создающего шумообразующую преграду в полости рта, выражена сильнее, чем при образовании нефарингализованных согласных, но постепенно ослабевает от фазы экскурсии через фазу выдержки к фазе рекурсии, в соответствии с чем фарингализованные согласные могут быть определены как сильноначальные.

Отмеченная специфика в распределении степени напряженности во временно́м континууме при продуцировании фарингализованных согласных обуславливает возможность факультативной реализации ауслатных смычных консонантов в качестве имплозивных вариантов, а также большую квантитативную протяженность фарингализованных аллофонов по сравнению с нефарингализованными.

Все нефарингализованные согласные, независимо от позиции в слове, – конечнонапряженные, все фарингализованные – начальнонапряженные. Но в пределах словоформы параметры гласных реализуются с различной степенью выраженности. Наиболее контрастно фонические различия фарингализованных и нефарингализованных согласных проявляются в позиции конца слова, несколько ослабевая в анлауте, еще в большей мере – в инлауте, фактически нивелируясь при функционировании слабых и сверхслабых согласных в интервокале.

Проведенные исследования позволяют заключить, что модель фонетического оформления тувинской словоформы подчиняется предельно четким алгоритмам, в основе которых лежат законы тувинского сингармонизма – палатального, лабиального и фарингального – и фонотактические закономерности.

Фарингализация как отражение языковых контактов. Таким образом, фарингализация как фоническое свойство субстратных звуковых систем дала в результате разнохарактерных языковых контактов различные рефлексии в современных тюркских языках Южной Сибири: фонологизация фарингализованных гласных имеет компенсаторный характер в тувинском языке, где произошло ослабление сильных согласных фонем тюркского языка-суперстрата, и в туба-диалекте алтайского языка вследствие выпадения интервокального согласного и стяжения гласных при непоследовательно выраженной долготе этих гласных; в тофском же языке, где сильные согласные фонемы сохранились во всех позициях, а также в кумандинском диалекте алтайского языка, где фонологическая дифференциация кратких и вторичных долгих гласных фонем достаточно контрастна, фарингализация гласных носит оттенокный характер (позиционно-комбинаторный в тофском, факультативный – в кумандинском).

Специфика фонико-фонологической системы тувинского языка послужила основанием для выделения его, наряду с древними тюркскими и современными тофским и уйгуро-урянхайским, в самостоятельную группу в большинстве классификаций тюркских языков: в северо-восточную (по основному языку –

уйгурскую) у А.Н.Самойловича [1922: 8–9], в уйгуро-огузскую (уйгуро-тукюйская *o*-подгруппа) в генеалогической классификации Н.А.Баскакова [1969: 322]; в урянхайскую у А.М.Щербака [1994: 39]; в классификации К. Шёнига, построенной на основании как ареальных, так и генетических критериев с учетом фонетических и грамматических признаков, тувинский и карагасский (тофский) языки относятся к генетической саянской группе (*adaq-Turkic*), входящей одновременно в южно-сибирскую и лена-саянскую ареальные группы северовосточных периферийных (*Border Turkic*) тюркских языков [Schönig 1999: 79–80, 95].

С.Е.Малов в своей исторической классификации относит тувинский язык, как и современные тофаларский, хакасский, шорский и языки памятников древнетюркской и древнеуйгурской письменности, к древним тюркским языкам [Малов 1951: 7].

Аналогичной точки зрения придерживается Н.А.Баскаков: тувинский и карагасский языки сохранили весьма древнюю формацию и наиболее близки – по сравнению со всеми другими тюркскими языками – к древнеогузскому и древнеуйгурскому языкам. Тувинский и карагасский языки – это языки тувинцев и карагасов, имеющих общее самоназвание *туба / тува / тума / тофа* вместе с родами и племенами с тем же самоназванием, но входящими в состав алтайского и хакасского народов. Все эти племена – смешанного характера, они входили в большой племенной союз Туба и усвоили язык, близкий по своим нормам к древнеогузскому и древнеуйгурскому, в период, когда эти племена были составной частью союза племен тукюйцев и древних уйгуров [Баскаков 1969: 317; 1988: 155–158].

С другой стороны, тувинский и тофский языки входят в состав циркумбайкальского языкового союза, образуя его южную – байкало-саянскую ветвь (лена-саянская ареальная группа по К. Шёнигу), в языках которой реализуется как субстратное наследие характерный фонетический признак фарингализации гласных [Наделяев 1986 а].

ЛИТЕРАТУРА

- Баскаков Н.А.* Введение в изучение тюркских языков. – М., 1969.
Баскаков Н.А. Историко-типологическая фонология тюркских языков. – М., 1988.
Бичелдей К.А. Фарингализованные гласные в тувинском языке // Звуковой строй сибирских языков. – Новосибирск, 1980. – С.39–66.
Бичелдей К.А. Четыре аспекта гласных тувинского языка в потоке речи // Фонетика языков Сибири и сопредельных регионов. – Новосибирск, 1986. – С.33–37.
Бичелдей К.А. Гласные тувинского языка в потоке речи. – Ч.1. – Кызыл, 1989.
Бичелдей К.А. Фарингализация в тувинском языке. – М., 2001.
Вернер Г.К. Звуковая система сымского диалекта кетского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 1966.
Вернер Г.К. Проблема происхождения фарингализации в тувинском и тофаларском языках // Сов. тюркология, 1972, № 5. – С. 17–24.
Глухий Я.А. Консонантизм энецкого языка (диалект бай) по экспериментальным данным: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1978.
Дамбыра И.Д. Фарингализация гласных в русских заимствованиях в тувинском языке // Вторая зимняя типологическая школа «Универсалии в культуре и языке». – М., 2000. – С.118–120.

- Дамбыра И.Д.* Вокализм каа-хемского говора в сопоставлении с другими говорами и диалектами тувинского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 2003.
- Дульзон А.П.* Установление архетипа фонемы по межъязыковым рядам альтернатив // Сов. тюркология, 1973, № 5. – С.102–104.
- Иллич-Свитыч В.М.* Алтайские дентальные: t, d, // Вопр. языкознания, 1963, № 6. – С. 37–56.
- Кечил-оол С.В.* Типологическая специфика консонантизма сур-хольского говора в системе говоров и диалектов тувинского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 2004.
- Кузьмина А.И.* Грамматика селькупского языка. – Новосибирск, 1974.
- Кунаа А.Ч.* Звуковая система современного тувинского языка. – Кызыл, 1957.
- Кыштымова Г.В.* Состав и системы гласных фонем сагайского и качинского диалектов хакасского языка: Экспериментально-фонетическое исследование. – Новосибирск, 2001.
- Мазенус В.В.* Темброво-высотные инварианты теленгитского кая // Мелодии хоомея. – Кызыл, 1994. – С.65–66.
- Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности. – М.:Л., 1951.
- Миржанова С.Ф.* Кубалянский говор башкирского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 1967.
- Монгуш Д.А.* О языке тувинцев Северо-Западной Монголии//Вопр. тувинской филологии. – Кызыл, 1963. – С. 133–137.
- Наделяев В.М.* Проект универсальной унифицированной фонетической транскрипции (УУФТ). – М.:Л., 1960.
- Наделяев В.М.* Особенности звуковой системы языка тофов // Материалы конференции «Этногенез народов Северной Азии». – Новосибирск, 1969. – С.235–236.
- Наделяев В.М.* Циркумбайкальский языковой союз//Исследования по фонетике языков и диалектов Сибири. – Новосибирск, 1986а. – С.3–4.
- Наделяев В.М.* У истоков тувинского языка // Исследования по тувинской филологии. – Кызыл, 1986б. – С.53–63.
- Пальмбаха А.А.* Долгие и полудолгие гласные тувинского языка // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. – Ч.1. – М., 1955. – С.175–181.
- Попова Я.Н.* Фонетические особенности лесного наречия ненецкого языка. – М., 1978.
- Рассадин В.И.* Фонетика и лексика тофаларского языка. – Улан-Удэ, 1971.
- Рассадин В.И.* Тофалары и их язык (этнолингвистическая ситуация) // Малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока. – СПб., 1997. – С.106–119.
- Рыжикова Т.Р.* Консонантизм языка барабинских татар: Сопоставительно-типологический аспект / Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 2003.
- Рыжикова Т.Р.* Консонантизм языка барабинских татар: Сопоставительно-типологический аспект. – Новосибирск, 2005.
- Самойлович А.Н.* Некоторые дополнения к классификации турецких языков. – Пг., 1922.
- Сарбашева С.Б.* Вокализм и консонантизм туба-диалекта алтайского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2002.
- Сарбашева С.Б.* Фонологическая система туба-диалекта алтайского языка: В сопоставительном аспекте. – Новосибирск, 2004.
- Сат Ш.Ч.* Тувинский язык // Языки народов СССР. – Т.II: Тюркские языки. – М., 1966. – С.387–389.

- Селютина И.Я.* Кумандинский вокализм. Экспериментально-фонетическое исследование. – Новосибирск, 1998.
- Селютина И.Я., Шалданова А.А.* Южносибирский тюркский вокализм: общность и специфика // Гуманитарные науки в Сибири, 2003, № 4. – С.104–109.
- Селютина И.Я., Дамбыра И.Д., Кечил-оол С.В.* Фарингальный сингармонизм в тувинском языке // Гуманитарные науки, 2005, № 4. – С.108–114.
- Столярова А.К.* Консонантизм нганасанского языка: По экспериментальным данным: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1980.
- Татаринцев Б.И.* Монгольское языковое влияние на тувинскую лексику. – Кызыл, 1976а.
- Татаринцев Б.И.* О кетских гидронимах Тувы // Языки и топонимия. – Томск, 1976б. – С.94–95.
- Уртегешев Н.С.* Звуки шорского языка, обозначаемые графемами *n* и *b* (на материале мрасского диалекта) // Языки коренных народов Сибири. – Вып.9: Фонологические системы. – Новосибирск, 2001. – С.62–97.
- Уртегешев Н.С.* Шумный консонантизм шорского языка (на материале мрасского диалекта). – Новосибирск, 2002.
- Уртегешев Н.С.* Малошумный консонантизм шорского языка (на материале мрасского диалекта). – Новосибирск, 2004.
- Уртегешев Н.С., Селютина И.Я., Рыжикова Т.Р., Вильданов А.З.* Язык барабинских татар // Языки коренных народов Сибири. – Вып. 10. – Новосибирск, 2003. – С.78–106.
- Феер Б.Б.* Акустические характеристики гласных кетского языка (пакулихинский говор). – Новосибирск, 1998.
- Хисамитдинова Ф.Г.* О фарингализованном заднеязычном *a* в башкирском языке // Фонетика языков Сибири и сопредельных регионов. – Новосибирск, 1986. – С.46–49.
- Щербак А.М.* Сравнительная фонетика тюркских языков. – Л., 1970.
- Щербак А.М.* Введение в сравнительное изучение тюркских языков. – СПб., 1994.
- Юсупов Х.Г.* Ассинский говор башкирского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1955.
- Janhunen J.* On glottalization in Sayan Turkic // Bulletin of the Institute for the Study of North Eurasian Cultures, Hokkaido University. – Hokkaido, 1980. – P.23–41.
- Schönig C.* The internal division of modern turkic and its historical implications // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hung., – Budapest, 1999, V.52 (1). – P.63–95.

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

ОБЩЕАЛТАЙСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ

А.А.Бурыкин

Многим до сих пор представляется, что алтайская проблема представляет собой контрверзу: либо сходства алтайских языков объясняются следствием их генетического родства, либо результатом взаимных заимствований. Эта контрверза является мнимой – уже лет двадцать назад, если не более того, ортодоксальные алтаисты (под которыми надо понимать сторонников генетического родства алтайских языков) могли позволить себе роскошь считать, что при наличии общего лексического фонда этих языков, восходящего в общеалтайскому состоянию, в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках имеется достаточно заметное количество заимствований из соседних языков. В тюркских языках это в подавляющем большинстве монголизмы (хотя высказывались предположения о заимствовании в них и тунгусо-маньчжурских слов: такие слова с очевидностью и в изобилии имеются в якутском языке). В монгольских языках – это тюркизмы, хотя в отдельных случаях предполагаются и тунгусо-маньчжуризмы, попавшие в монгольские языки в разные периоды (они наличествуют в дагурском, предполагаются в бурятском, но возможны древние заимствования и из маньчжурского языка). В тунгусо-маньчжурских языках – это монголизмы, и в значительно меньшей степени тюркизмы (присутствие якутских заимствований очевидно в эвенкийском и эвенском языках; тюркизмы, имеющие иной источник или обнаруживаемые в других языках, изучены хуже).

Алтаистика на протяжении значительного периода своего развития – от ее обособления от урало-алтаистики старшей формации и примерно до 60-х гг. XX в. – при обнаружении лексических сходств стояла перед дилеммой: признавать ли сходство слов результатом заимствования или возводить слова к праалтайскому языку? Фонетические соответствия между отдельными группами алтайских языков, описанные в сравнительных грамматиках Г.Рамстедта и Н.Н.Поппе, почти не позволяют разграничивать общую лексику и заимствования на уровне праязыков – и этим не без успеха пользовались антиалтаисты (*nomina sunt odiosa*),

расхожим тезисом в трудах которых стало то, что массовые заимствования из одного языка в другой создают видимость регулярных фонетических соответствий, что, соответственно, создает видимость родства.

Этот тезис напрашивается на комментарии: во-первых, массовые заимствования практически всегда образуют тривиальные фонетические соответствия – такие соответствия, когда гласные и согласные в сравниваемых словах по существу тождественны сами себе. При генетическом родстве и исторической дивергенции же, напротив, чаще всего наблюдаются такие фонетические соответствия, которые не являются тривиальными – соответствия нетождественных гласных и согласных, требующие выявления архетипа в ряду из нескольких возможных соотносительных фонем или его реконструкции в виде, отличающемся от всех известных нам языков, образующих родственную группу или семью. Иными словами, *задачей сравнительно-исторического языкознания является не обнаружение видимых языковых сходств, а доказательство тождества внешне различающегося языкового материала. Своим рождением научная компаративистика обязана не установлению факта сходств тюркских или финно-угорских языков, известных задолго до рубежа XVIII–XIX вв., а обоснованию родства индоевропейских языков, различия между отдельными группами которых на этот момент давно превзошли пределы взаимопонятности.* Во-вторых, система “фонетических соответствий”, выстроенная на материале явных заимствований, заведомо не будет полной, т.е. не будет представлять достаточного количества примеров на все без исключения гласные и все без исключения согласные во всех значимых фонологических позициях. В качестве примера можно предложить сомневающимся исследовать фонетические соответствия между русским языком и тюркскими языками – при заведомом отсутствии родства и достаточном объеме качественно проработанного материала в несколько тысяч слов (как раз то количество, которое сверхдостаточно для обоснования подлинного родства) здесь предсказуемость результатов становится самоочевидной.

Исследования в области общеалтайской фонетической реконструкции, проводящиеся автором, позволили установить, что при сходном в целом наборе согласных в монгольских, тунгусо-маньчжурских и тюркских языках эти группы языков существенно (до полярности) различаются по степени сохранения линейной фонетической структуры слова [Бурыкин 1993; 1995; 1999]. В монгольских языках исходная фонетическая структура слова сохранена наилучшим образом и за исключением некоторых деталей отражает исходное общеалтайское состояние (в этих языках утрачены лишь начальные глухие лабиальные согласные и некоторые согласные в преконсонантной позиции). В тунгусо-маньчжурских языках полностью сохранены исходные характеристики анлаута, но сильно модифицированы фонетические структуры конца слова и довольно значительно изменены сочетания согласных внутри слова. Тюркские языки, как представляется, хорошо сохранили некоторые консонантные элементы ауслата, но отражают измененные состояния в анлауте, где сократился возможный набор согласных, и особенно в положениях внутри слова – здесь

имело место фронтальное выпадение первых элементов консонантных сочетаний до такой степени, что позже в эту закономерность попали даже вторичные сочетания согласных, которые образовались после выпадения гласных второго слога.

Столь сложная система отношений между тремя группами алтайских языков открывает перспективы для более надежного разграничения общеалтайской лексики и явных заимствований (мы пока не привлекаем корейский и японский материал, хотя место этих языков в общей классификации уже определено: названные языки не дают чего-либо принципиально важного для алтайской реконструкции и являются в ее пространстве объясняемыми, но не объясняющими). Вместе с тем именно относительно сложный характер этой реконструкции открывает хорошие перспективы для ее верификации как раз на материале заведомо заимствованной лексики. Напрашивается вопрос: может ли предложенная реконструкция быть подтверждена для отдельных групп языков материалом межгрупповых заимствований или заимствований из соседних языков, или же такая проверка реконструкции в принципе невозможна? Заметим, что столь жесткая верификация общеалтайской реконструкции ныне является наиболее соблазнительной для самого автора предложенной реконструкции, и отнюдь не для его научных оппонентов, которые, похоже, даже не осознают всей сложности данной процедуры и всей эффективности и надежности результатов, полученных с ее помощью.

Сюжет данной работы составляют наблюдения над отдельными словами тюркских и монгольских языков, которые не привлекали или мало привлекали внимание исследователей лексики этих языков. Вообще интерес к лексическим раритетам, среди которых разумно искать заимствования, в наши дни в алтаистике оправдывается вдвойне. Во-первых, так называемая реконструкция общего лексического фонда в виде нанизывания друг на друга одинаково или сходно звучащих слов для тюркских языков уже стала довольно примитивным занятием, а для монгольских языков всегда была таковым. Во-вторых, как раз в отдельных тюркских и монгольских (равно как и в тунгусо-маньчжурских) языках имели шанс сохраниться такие общеалтайские архаизмы, которые могут быть старше общетунгусо-маньчжурского, общемонгольского или общетюркского состояния соответственно. Как раз одной из актуальных задач изучения лексики отдельных групп алтайских языков является не поиск “общих слов” в группах языков, а инвентаризация всего того лексического фонда, который не признается новообразованиями или заимствованиями из других языков вне зависимости от распространенности того или иного слова по количеству языков, где оно зафиксировано – решение этой задачи намного облегчило бы реконструкцию общеалтайской лексики на дальнейшем этапе исследования.

Конкретный предмет нашего внимания представляют собой такие слова, для которых в рамках нашей общеалтайской реконструкции обнаруживаются основания считать их принадлежащими лексическому фонду “не своей” группы языков, и рассматривать их как заимствования из соседней группы языков (хотя бы такие слова и отсутствовали там в современном состоянии), как заимствования

какого-то архаического переходного состояния языков в виде хронологически переходной формации или исчезнувшего позднее диалекта.

Напомним, как выглядит соотношение монгольских, тунгусо-маньчжурских и тюркских форм в рамках нашей общеалтайской реконструкции. Для этого достаточно привести четыре пары примеров:

- 1) п.-мо. *dürsün* 'изображение, вид, форма' ~ тюрк. *jü:z* 'лицо';
- 2) п.-мо. *deresün* 'камыш' ~ тюрк. *jiz* 'тростник';
- 3) т.-ма. *окто* 'лекарство' ~ тюрк. *ot* 'лекарство';
- 4) т.-ма. *опрото* 'трава' ~ тюрк. *ot* 'трава'.

Из приведенных пар примеров видно, что по сравнению с монгольскими языками, которые как бы сохраняют исходный облик слов, в тюркских языках отпадает ауслатный комплекс VC, в сочетаниях согласных внутри слова подвергается выпадению первый согласный, причем этот процесс затрагивает даже тот согласный, который исторически в общеалтайской праформе находится между гласными во втором слоге; этот согласный также выпадает, если гласный второго слога утрачивается и образуется вторичное сочетание согласных. Причем процесс утраты первого согласного в сочетаниях согласных и процесс преобразования вторичных сочетаний согласных (то есть процесс утраты второго слога со структурой CV) должны были иметь место не в общетюркском и не в пратюркском языке, а в прототюркском языке, который только-только обособился от других групп алтайских языков. Наблюдаемые закономерности подтверждаются несколькими десятками примеров, иллюстрирующих выпадение разных согласных в общетюркском языке по сравнению с общемонгольским или общетунгусо-маньчжурским языками [Бурыкин 2000]. Обратимся к интересующим нас примерам:

1. П.-мо. *ob* 'белка-летяга' при наличии п.-мо. *olbu* 'белка-летяга', которое имеет параллели в живых монгольских языках. В рамках предлагаемой общеалтайской реконструкции слово *ob*, зафиксированное только в письменномонгольском языке, должно быть признано тюркизмом, так как его внешний вид точно соответствует его потенциальным тюркским рефлексам. В тюркских языках такая лексема на первый взгляд отсутствует, однако рефлексы ее в прогнозируемом, хотя и несколько измененном за счет морфологической производности слова виде обнаруживаются в тувинском слове *авырган* 'белка-летяга'.

2. Др.-тюрк. *elgä-* 'сеять, просеивать' и *ek-* 'сеять, сыпать' являются дублетами. Из двух форм, если их оценивать в рамках системы соответствий между отдельными группами алтайских языков, первая форма выглядит как монгольская лексема, вторая – как тюркская. П.-мо. *elxeg* 'сито, решето' может рассматриваться как единственный собственно монгольский рефлекс интересующего нас глагольного корня в монгольских языках – впрочем, мо. *элгэгдэх* 'просеивать' и *элхэг* 'сито' странным образом различаются звонкостью-глухостью согласного, а значения 'сеять' и 'сыпать' в монгольском языке передается в основном каузативными глаголами с другими корнями (явный признак лексической инновации). Впрочем, если считать слово *элхэг* 'сито' тюркизмом в монгольских языках, ничего не переменится – в тюрко-монгольском

мире переаимствования или обратные заимствования представляют собой не столь уж редкое явление.

3. П.-мо. *belcīr* ‘железа’, при дублетном мо. *булчирхай* ‘железа’ и тюрк. *bez* ‘железа’. Монгольская форма *belcīr* ‘железа’ по своей огласовке стоит ближе к тюркской, чем к собственно монгольской дублетной форме *булчирхай* ‘железа’: тунгусо-маньчжурские параллели для этого слова не выявлены. Сами по себе формы этого слова в отдельных тюркских языках, явно восходящие к одному архетипу, дают достаточно противоречивую картину: ср. алт. *берч* ‘железа’, хак. *мир* ‘твердая опухоль’, *мирсі* ‘железы внутренней секреции’, *мирт* ‘лимфатические железы’; шор. *mārc* ‘вымя, опухшие железы’ [Радлов 1888, 4: 2097], тел. *nārc* ‘железа’ [Радлов 1888, 4: 1240]. Вероятно, в тех тюркских языках, которые сохранили вышеприведенные формы, имел место переход согласных *l > r*, индуцированный утратой ауслатного комплекса *-ir*. Обращаем внимание на то, что данный пример никак не может являться иллюстрацией “ротацизма-зетацизма”, поскольку тюркскому согласному *z* в слове *bez* соответствует монгольский согласный *с*, а не *l* или *r*. Формы типа *берч*, *мирсі*, *мирт*, как представляется, восходят к какому-то “пратюркскому” языку, который должен был занимать промежуточное положение между монгольскими и тюркскими языками, и из которого они были заимствованы в архаические тюркские диалекты Южной Сибири.

4. Эвенк. *умул*, эвен. *Эмэл* ‘сова, филин’, нан. *хумилун* ‘сова’ сравнивается на общеалтайском уровне с др.-тюрк. *qoburga* ‘сова’. При этом якутское диалектное слово *ӨлбҮргэлээх* ‘сова’ (ДСЯЯ: 2326) несопоставимо ни с тюркской, ни с тунгусо-маньчжурской лексемами. С учетом установленного факта, что плавный *л*, сохраняющийся в позиции перед губным согласным в монгольских языках, регулярно выпадает в тунгусо-маньчжурских языках, причем это явление не восстанавливается по фактам самих тунгусо-маньчжурских языков (этот вопрос выходит за пределы данного сообщения) якутская форма выглядит с точки зрения соответствий между алтайскими языками как монголизм. Однако данного названия совы нет ни в письменно-монгольском, ни в современных халха-монгольском и бурятском языках. Тем не менее в калмыцком языке имеется слово *хурвълһы* ‘сова’ – то самое, которого нам не доставало, во-первых, для заполнения всей цепочки соответствий по трем группам алтайских языков, во-вторых, и это главное – для обоснования монгольского источника якутского слова *ӨлбҮргэлээх* ‘сова’.

5. Эвен. *алмат* ‘плацента’ при том, что для тунгусо-маньчжурских языков это слово является чуть ли не изолированным, соотносится на уровне общеалтайской реконструкции с монгольским *xarbusun* ‘плацента’ и тюркским *qar* ‘плацента’. Возражения к этому сравнению, основанные на попытках реконструкции общего значения у всех тюркских “капских” слов (как выразились бы по аналогии с “салскими” и “берскими” словами лингвисты 30-х гг. прошлого века), не могут быть приняты всерьез: уже обнаружилось, что древнетюркские слова-омонимы (омографы) *qaraq* ‘крышка’ и *qaraq* ‘веко’ имеют разные соответствия в туркменском, где они различаются количеством гласных – и

выглядят соответственно как *zapak* и *ga:nak*. В связи с наименованиями плаценты (вне попыток реконструкции общих значений) наше внимание привлекает не столько якутское *karbusun* (материалы Я.И.Линденау [1983]) ‘послед коровы’, явно заимствованное из монгольского языка и точно совпадающее с приведенным выше монгольским словом, сколько стоящее особняком в тюркских языках казахское *аланыс* ‘сорочка, в которой рождаются дети’ (= ‘плацента’, – А.Б.) [Радлов 1888, 1: 366]: приведенная в статье этимология явно ошибочна). Данное слово занимает как бы промежуточное положение между монгольскими и тюркскими формами с учетом того, что названные формы различаются по морфологической структуре: тюркская форма, точно соответствующая п.-мо. *xarbusun*, должна была иметь вид ***qap-uz* (ср. эвенк. *бу-кээ*, эвен. *б^ᠪ-кэ-с* ~ п.-мо. *mō-sün* ~ др.-тюрк. *bu-z* ‘лед’).

6. Ульчское (тунгусо-маньчжурское) слово *н’улчуку* ‘кочерга’, с анлаутным согласным неясного происхождения, но прозрачной фонетической структурой и кристально ясным морфологическим составом (имя орудия с суфф. *-ку*) сближается с тюркским *közägü* ‘кочерга’. Однако турецкое *ölçür* (в графике В.В.Радлова *ölçür*) ‘большие щипцы для углей’ [Радлов 1888, 1: 1258] содержит тот же самый корень *közä-*, но без начального согласного и с иным (очевидно, монгольским) суффиксом имен орудия. В современном турецком языке имеется очень редкое слово *ölçer* ‘кочерга’ [Türkçe 1988: 1134]. Внешнее сравнение и наличие дублета в тюркском лексическом материале позволяют однозначно идентифицировать турецкую лексику как старое заимствование из монгольских языков, архетип которого был позднее утрачен в самих монгольских языках.

7. Эвен. *арба* ‘мель, мелкое место’, может сравниваться с бурятским диалектным *хар’ја* ‘мель’, *хар’я* ‘быстрина, стремнина’ [ИБГ 2: 39] лишь предположительно, а нанайское *хэри(н)* ‘перекат, мель’, маньчжурское *хэрин* ‘пороги’, может быть заимствованием из монгольских языков той же лексики, которая представлена в бурятском. В тюркских языках мы находим хакасское (сагайское) *карбал* ^᠑ ‘мелкое место в реке’ [Радлов 1888, 2: 214], и, как можно заметить по межгрупповым фонетическим соответствиям, аналогичная форма незаконномерна для тюркских языков (где ожидалось бы отсутствие плавного перед согласным), но абсолютно закономерна для монгольских языков, и она не слишком отличается от вышеприведенных монгольских слов.

8. Мо. *ишиг* ‘козленок’ является дублетом при наличии в монгольских языках п.-мо. *inzagan*, мо. *янзга* ‘козленок антилопы’ и эвенк. диал. *индякан* ‘козленок’ – очевидного монгольского заимствования. Однако для нас очень важно то, что соотношение двух монгольских слов – *inzagan* и *ишиг* – оказывается точно таким же, как и соотношение п.-мо. *elzigen* и др.-тюрк. *eshäk* ‘осел’, которое рассматривалось во множестве трудов по тюрко-монгольским лексическим связям и алтаистике (правда, с различными объяснениями сходства и даже по большей части иными пофонемными корреспонденциями), и п.-мо. *zulzagan* и др.тюрк. *сосиқ* ‘поросенок’, на сходство которых почему-то никто не обращал внимание, хотя они принадлежат к той же семантической группе названий домашних животных и по своему внешнему виду соотносятся друг с другом

точно так же, как и слова *elzigen* и *eshäk*. Таким образом, на основании аналогий в структуре слова и при наличии слова-дублета *янзга* в монгольских языках напрашивается мысль о том, что название козленка *ишиг* в монгольских языках является старым тюркизмом, который ныне утрачен в самих тюркских языках.

9. Сравнение эвенкийского слова *амсир* ‘горноста́й’ с др.-тюрк. *a:s* ‘горноста́й’, которое укладывается в рамки установленных автором фонетических соответствий для общеалтайской лексики, давало бы основания относить эту лексему к общеалтайскому лексическому фонду. Но самое интересное заключается в том, что данное слово, по-видимому, не может считаться исконно общеалтайским. Есть основания говорить о том, что это слово было заимствовано в поздний праалтайский язык, поскольку оно заведомо не принадлежит к алтайской лексике, так как является заимствованием из чукотско-камчатских языков – ср. чукотское *эмчакокалгын* [emcasokal[⊕]★n] ‘горноста́й’ (с глухим [л] и спирантным [⊕], которое после глухого сонанта подвергается оглушению). То, что эвенкийское слово *амсир* является словом, не принадлежащим исконной тунгусо-маньчжурской лексике, доказывается тем, что в эвенкийском языке существует дублетное заимствование той же чукотской лексики – эвенк. *амчика* ‘хорек’ (любопытно для нашей темы то, что оба приведенных эвенкийских слова попали в якутский язык в виде *амсыыр* ‘горноста́й’, и *амчика* ‘хорек’. Сходные изменения звукового облика имели место при заимствовании еще некоторых слов: ср. якутское *кунах* ‘древесный гриб’ при чукотском *воналгын* [wonal[⊕]★n] ‘шишка’.

Приведем еще несколько примеров, когда нам удастся идентифицировать слова монгольских языков как тюркизмы на основании отличия внешнего вида параллелей к этим словам в тунгусо-маньчжурских языках:

Мо. *ота-* ‘лечить’ соответствует тюркскому *ота-* ‘лечить’, но ср. т.-ма. *окто* ‘лекарство’ (аналогичная форма предполагается и для монгольских языков).

Мо. *бэх* ‘крепкий’ совпадает с тюркским *бек* ‘крепкий, прочный’, но отличается от т.-ма. (эвен.) *биткэ* ‘крепкий’.

Мо. *уха-* ‘понимать’ при тюркском *иҭ-* ‘понимать, разуме́ть’, но ср. эвенское *хунку-* ‘учить, учиться’ или маньчжурское *улхи-* ‘понимать, вникать, постигать’. При двух возможных вариантах реконструкции общеалтайской праформы, предполагающих одинаковый внешний облик корня в современных тюркских языках, монгольская лексема выглядит как определенный тюркизм. Дублетность тунгусо-маньчжурских слов, скрытая за словарным определением маньчжурской лексики, может быть разрешена при предположении, что форма *хунку-* соотносится с общеалтайским архетипом, а маньчжурская форма была заимствована из какого-то “пратюркского” языка или диалекта.

Мо. *хЭшиг* ‘занавес, занавеска’ точно совпадает с тюркским *kösüg* ‘покрывало, занавес’, но при этом отличается от эвенского *кЭлтир* ‘палка, на которую вешается полотнище – занавеска, отгораживающая хозяйственную часть юрты (пространство у входа)’. Тунгусо-маньчжурские и тюркские слова дают основания для восстановления общеалтайской праформы с мнимым

“лямбдаизмом”, и служат фоном для идентификации монгольского слова как тюркизма.

Мо. *Ухэг* ‘посудный шкаф, буфет’ на фоне нивхского *horga, хорга* ‘полка’ (вероятнее всего, тунгусо-маньчжурское заимствование) и нанайского *хорго* ‘шкаф’ также выглядит не как монгольская лексема, а как тюркская форма, хотя бы и не документированная материалом тюркских языков – для исконно монгольской формы ожидалось бы внешнее совпадение с нанайским словом.

Таким образом, в части случаев идентификация заимствованных слов на основе фонетических критериев совпадает по результатам с хорошо известными исследованиями, но при этом она оказывается на порядок более надежной. Для большого количества тюркских и монгольских слов открывается возможность изучения их истории при наличии параллелей к ним в тунгусо-маньчжурских языках. При определенном соотношении внешнего вида слов в разных группах языков некоторые тюркские слова могут считаться монголизмами, а некоторые монгольские слова – тюркизмами даже при их отсутствии соответственно в известных нам монгольских или тюркских языках. В качестве подтверждения сделанных выводов выступают редкие слова, обнаруживающиеся в отдельных тюркских или монгольских языках, и слова монгольского происхождения с утраченными монгольскими архетипами, которых довольно много в якутском языке и которые присутствуют в тюркских языках Алтая и Южной Сибири.

Приведенный материал однозначно свидетельствует о том, что предложенная автором настоящей работы общеалтайская реконструкция выдерживает проверку на материале заимствованной лексики - ту проверку, которая является надежным средством верификации любой реконструкции. Если бы излагаемые нами представления о том, что тюркские языки отражают наиболее поздние этапы эволюции языков алтайской семьи [Бурыкин 1997], были фикцией, то мы не имели бы ни того массива примеров, который соотносится с исконной общеалтайской лексикой, ни тем более тех примеров, которые позволяют трактовать те же структурные вариации одних и тех же слов как старые межгрупповые заимствования. Использование установленных соответствий на уровне структуры слова между монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками, с одной стороны, и тюркскими языками, с другой стороны, позволяет приступить к дальнейшему изучению заимствованной лексики в отдельных группах алтайских языков на новой, качественно иной основе, которая позволяет исследователям отстроиться от лежащих на поверхности очевидных сходств и получить новые, более надежные и гораздо более интересные результаты. Особенно любопытной представляется возможность выявить “прототюркский” или “пратюркский” лексический компонент в составе лексики монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, а также отдельных тюркских языков или их языковых ареалов. Подчеркнем еще раз, что такая возможность открывается для нас только при признании генетического родства алтайских языков, и по преимуществу при принятии излагаемого варианта общеалтайской реконструкции.

В заключение отметим, что выявление несоответствий в линейной фонологической структуре слов между отдельными группами алтайских языков позволяет сделать еще один шаг вперед в алтаистике – перейти на качественно новый уровень в объяснении фонологических изменений. В свое время артикуляторная описательная фонетика оказала тюркологии поистине медвежью услугу, на несколько десятков лет затормозив изучение исторической фонологии как тюркских языков, так и языков других групп алтайской семьи. В наши дни мы, кажется, можем, наконец полностью отказаться от объяснения звуковых переходов квазиуниверсальными тенденциями к ослаблению и усилению артикуляции и можем перейти к интерпретации фонетических соответствий в терминах диахронической фонологии и обратиться к фактам, указывающим на обусловленность звуковых изменений процессами в сфере морфологии, а также на связь тех или иных фонологических изменений в отдельных языках и языковых группах с ареальными явлениями, характерными для нескольких групп неродственных языков – впрочем, возможно, что те же самые языки будут рассматриваться как отдаленно родственные или, скажем так, как “неактуально-родственные” языки.

ЛИТЕРАТУРА

Бурыкин А.А. 1) Общеалтайская реконструкция и общетюркское состояние: соотношение инлаутных консонантных групп//Тезисы I конф. по теоретической лингвистике. – М.: Изд-во РГГУ, 1993. – С.32–34.

Бурыкин А.А. Соотношение общеалтайской реконструкции и общетюркского состояния в свете соответствий инлаутных консонантных групп// Чувашский язык и алтаистика. – Чебоксары, 1995. – С.14–18.

Бурыкин А.А. Роль монгольских языков для алтаистических исследований //История развития монгольских языков. – Улан-Удэ, 1999. – С.19–42.

Бурыкин А.А. Соотношение линейной фонологической структуры слова в алтайских языках// Вопросы востоковедения: Кононовские чтения XII. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. – С.25–30.

Бурыкин А.А. Позиция корейского языка в классификации отдельных групп алтайских языков и новые перспективы алтаистики//100 лет петербургскому корееведению. Материалы междунар. конф., посв. столетию корееведения в Санкт-Петербургском ун-те. (14–16 окт. 1997 г.). – СПб., 1997. – С.19–26.

ДсЯЯ – Дialectологический словарь якутского языка. – М., 1974.

ИБГ – Исследование бурятских говоров. – Вып.2. – Улан-Удэ, 1968.

Линденау Я.И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века). – Магадан, 1983.

Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий: Т.1–4. – СПб., 1888–1911.

Türkçe sözlük. 2: K–Z. Yeni baskı. – Ankara, 1988. Автор выражает глубокую благодарность проф. В.Г.Гузову за указание на материал данного словаря.

ОНОМАСТИКА

ЛОКАЛИЗАЦИЯ ОБЪЕКТОВ СРЕДЫ ОБИТАНИЯ И ЕЕ
ОТРАЖЕНИЕ В АЛТАЙСКИХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ
НАИМЕНОВАНИЯХ*О.Т. Молчанова*

Данная статья посвящена одному фрагменту восприятия мира и его отражению в языке алтайцев – локализации географических реалий. Основными лингвистическими терминами, важными для данного исследования, являются лемма и лексема в их взаимоотношении со словоформой. Простым примером является лемма <ААЛ>, которая может быть реализована в алтайских (Республика Алтай) географических наименованиях двумя словоформами с различными индексами частотности, подсчитанными на основе базы данных из 3135 алтайских топонимов: *аал*₃ и *аалы*₁. Или другой пример – лемма <АБА>, представленная в словоформах *аба*₁, *абачак*₁ и *абаның*₁.

Лемма как корневая часть слова с ее значением, на первый взгляд, кажется тривиальной лингвистической проблемой, однако здесь возникают спорные моменты. Основной из них – это соотношение флективных и деривационных форм. Могут ли эти два вида быть объединены под одной общей леммой? Строго говоря, словоформы, изучаемые флективной морфологией, считаются имеющими корень с одним и тем же значением, т.е. одну лексему-лемму. Полагают, что деривация дает разные лексемы. Не все лингвисты, занимающиеся тюркскими языками, придерживаются разграничения морфологии в этих языках на флективную и деривационную. Большинство аффиксов, отмеченных в тюркских географических названиях, это падежные морфемы, например, алломорфы *-таң* ~ *-баң* ~ *-наң* – аффикс исходного падежа (*аңгыстаң, туудаң, тайганаң*); *-да* – аффикс местного падежа (*сында*); алломорфы *-га* ~ *-го* ~ *-гө* ~ *-гу* – аффикс дательного-направительного падежа (*аптырга, јолго, сабангу, төргөнгө*); алломорфы *-ның* ~ *-ниң* ~ *-дың* ~ *-диң* ~ *-тың* ~ *-тиң* – аффикс родительного падежа. Последний наиболее часто представлен в алтайской топонимии (*Абаканның-Бажы* ‘вершина Абакана’, *Абаның-Ажу* ‘перевал (реки) Аба’, *Айдың-Көли* ‘Айское озеро’, *Айутының-Ажузы* ‘перевал (места) Айуты’, *Јабаганның-Боочы* ‘Јабаганский перевал’, *Оймоңның-Ажузы* ‘Оймонский перевал’, *Тытту-Көлниң-Кырлары* ‘горы (места) Тытту-Кол’, *Улаганның-Суузы* ‘река Улаган’).

Следует признать, что в ономастических работах трактовка лемм неоднозначна. Так, Ван Лангендонк [Van Langendonck 2005: 315] утверждает,

что лемма – это словарная единица (заголовок словарной статьи), а проприальная лемма для него – это лемма, которая функционирует преимущественно в качестве имени собственного (Джон, Мария, Швеция и т.д.).

Понятие леммы оказывается важным для исследований, направленных на анализ содержания топонимов с прозрачной внутренней формой и составляющих их компонентов. Таким образом, лемма и корневая морфема являются синонимами, в то время как словоформы состоят из леммы и аффиксов, отсюда разграничение леммы и лексем, а также разница в их частотности. Тополексемы (форма + содержание) – это строительные элементы топонимикона, например 3135 алтайских географических наименований образуются ротацией 1841 лексем с их собственной частотностью (высокой, средней и низкой). Количество лемм как содержательных компонентов названий меньше. Их содержательные связи устанавливаются в пределах 70 семантических полей, выделенных в топонимии Горного Алтая. Разница в частотностях между леммой и лексемой естественна, так как за лексемой стоит класс слов, в то время как леммы указывают на содержание корневой морфемы безотносительно к грамматической форме. Проиллюстрируем это еще одним алтайским примером: в списке алтайских тополексем, составленном в соответствии с их частотностью, лексема *аспак*₁ ‘осина’ входит в группу единиц с частотностью 1, *аспакча*₁ ‘имеющий размер осины, похожий на осину, как осина’ представлена как отдельная лексема в той же самой частотной группе. В то же самое время лексема *аспакту*₂ ‘имеющий осины, с осинами’ реализует частотность 2 и помещена в другую группу.

Основной принцип, которого мы придерживаемся при установлении картины мира через содержание топонимов, это значение леммы или корневой морфемы, которое легло в основу построения семантических полей в пределах топонимикона. В соответствии с данным принципом выделенная лемма (= корневая морфема) *аспак*- помещается в соответствующее семантическое поле с индексом частотности данной леммы равным 4 как сумма $1 + 1 + 2$ (*аспак*₁, *аспак*_к + *ча*₁ и *аспак* + *ту*₂). Принятое разграничение оправдывает себя, т.к. оно обеспечивает надежный подход к внутренней содержательной структуре топонимического тезауруса, а ранг частотности оказывается чрезвычайно важным в установлении того, какой из атрибутов географической реалии того же самого типа (горы, реки, холмы, лога и т.д.) стал самым притягательным для восприятия при присвоении объекту собственного имени. Кроме того, тот же самый эффект наибольшей притягательности при восприятии географических объектов можно обнаружить, сравнивая семантические поля между собой. В пределах одного и того же семантического поля частотность топонимических лемм демонстрирует разнообразную степень притягательности атрибутов от наивысшей (высокий ранг частотности леммы) к средней (средний ранг частотности леммы) и наименьшей (частотность леммы равна 1).

При осуществлении концептуализации местоположения объекта существует несколько моментов, считающихся важными для данного процесса. Во-первых, в самой природе человека заложена способность к локализации одних объектов по отношению к другим. Местоположение физических объектов

фиксируется на психофизиологическом уровне и описывается лингвистически только с референцией к другим объектам, находящимся по соседству с первыми. Во-вторых, было установлено, что способ локализации человеком одних физических объектов по отношению к другим включает признание своего рода асимметричного соотношения между объектом, который хотят локализовать, и тем, по отношению к которому осуществляется нахождение первого. Человек может обратить внимание и признать асимметрию в отношении размера, содержимого, опоры, ориентации, порядка, направления, расстояния, движения, или комбинации всего перечисленного выше. Следовательно, возможное пространственное соотношение, например, между поляной и лесом устанавливается тогда, когда поляна находится в лесу. Как правило, лес по размеру больше поляны, тем самым отвечая условиям асимметрии и делая возможным определить местонахождение поляны. Пространственное размещение двух сущностей может быть описано лингвистически разнообразными способами, каждый из которых конструирует свое объяснение локализации, осуществленной говорящим. Человек описывает место события, первоначально устанавливая локальные соотношения объектов с близлежащими, а далее – по мере удаления [Svorou 1994: 6–8].

Объекты – это интегрированные целостности со своими собственными физическими границами, которые как правило лексикализируются в языке; например, для человека естественным отграничением от среды обитания является кожа, для рек, озер, каналов и т.д. – берега, для гор – стороны, склоны, снеговая линия, для леса – опушка, для стола – край, для льда – кромка. Как было отмечено Джакендорф [Jackendorf 1991: 32], основным условием, определяющим существование границы, является то, что граница имеет на одно измерение меньше того, что она отграничивает: линия может быть ограничена точкой, пространство – линией, а объем – поверхностью.

Локализация географических объектов нашла свое отражение в алтайских топонимах через систему лексических единиц, используемых в качестве компонентов названий. Они указывают на локализацию в единицах визуального расстояния, а также сторон света. Значение некоторых топонимов выглядит как развернутое описание. Ведущими атрибутами, привлекавшими к себе внимание при установлении местонахождения объекта, а затем закрепленными в алтайских именах, стали лексемы-леммы: *үсти* ~ *үстиги* ~ *үстү* ~ *үстү*⁻⁸³ 'верхний'; *алды* ~ *алты* ~ *алтыгы*⁶⁹ 'нижний'; *орто* ~ *ортогы* ~ *ортон*²³ 'средний'; *ара* ~ *ара*-8 'промежуток, расстояние; межа'; *баишка*⁴ 'другой, иной, чужой; отдельно'; *ойто*⁴ 'назад, обратно'; *ары*³ 'по ту сторону'; *адак*² 'нижний'; *одош*² 'противоположный'; *оң*² 'правый'; *өрб*² 'верхний'; *түндүк*² 'северный'; *берги*¹ 'находящийся на этой стороне, ближайший'; *јанан*¹ 'назад, обратно'; *јуук*¹ 'близкий'; *кайра*¹ 'назад, обратно'; *көббө*¹ 'край, окраина'; *озогы*¹ 'находящийся впереди'; *сол*¹ 'левый'; *тебенек*¹ 'нижний; находящийся внизу'; *төмөн*¹ 'низ, внизу'; *тышкары*¹ 'наружный, снаружи'; *улай*¹ 'один за другим'; *учал*¹ 'начало'. Все лексемы/леммы помечены индексом суммарной частотности, исходя из общего количества лексических единиц (1841), образующих 3135 алтайских топонимов. Из общего количества географических названий, использованных в исследовании в качестве базы данных (3135), исключены повторяющиеся и перенесенные топонимы. Как видно из приведенного выше списка (полные списки топонимов, в составе

которых зафиксированы тополексемы упомянутые в статье, [см.: Молчанова 1979; 1982; 1998]), наиболее частотные лексемы служат для обозначения таких атрибутов, как «расположение наверху₈₅», «расположение внизу₇₃», «расположение в середине₂₃», «расположение на расстоянии₈» и «расположение сзади, с тылу₆».

Любопытно сравнение с наиболее частотным монгольским набором лексем со значением «расположение в пространстве», используемым в монгольских географических именах [Haltod 1966]. Общее количество топонимов, зафиксированное в книге М. Хальтода, 13644 (исключены повторяющиеся и перенесенные географические названия). Они образованы ротацией 6129 лексем. Высокочастотные единицы в группе «расположение в пространстве» представлены следующим составом *baraγun*₅₂₈ '1. правый, 2. западный, 3. запад'; *jegün*₄₈₉ '1. левый, 2. восточный, 3. восток'; *aru*₂₁₄ '1. спина, задняя часть, северный (тенистый) склон горы, 2. расположенный на противоположной стороне'; *emüne*₂₀₇ '1. перед, 2. передняя часть, 3. юг'; *dumda*₁₀₇ '1. средний, 2. средняя часть'; *derege*₉₇ '1. высокий, 2. над'; *öber*₉₃ '1. передний, 2. юг, 3. южный, 4. передняя часть'; *juka*₇₉ '1. край, 2. кромка, граница, 3. сторона'. Как видно из приведенного перечня, монголы в составе географических имен отдают предпочтение лексемам, обозначающим 'правый/западный', 'левый/восточный', 'задний/северный' и 'передний/южный'.

Таким образом, ось локальной ориентации у алтайцев направлена от высокого к низкому, у монголов – к сторонам света. Теория и практика восприятия констатируют особую притягательность для человеческого восприятия верха и верхних частей предметов. В этом плане показательно присутствие названий частей тела человека в географических именах алтайцев. Здесь снова преобладает верх, который ассоциируется с головой и ее частями, за которой следует перед, представленный лицом и его частями. Последнее место по частотности в алтайских топонимах занимают лексемы со значением задней части тела человека.

Кроме того, географические объекты Горного Алтая локализованы через другие географические объекты посредством фиксации имен последних в именах первых, таким образом, собственное имя фона используется для присвоения имени наблюдаемому объекту, например: *Абаканның-Паиы* (гора) 'исток реки Абакан'; *Аюутының-Ажузы* (горный проход) 'горный проход места Аюты'; *Боронтылу-Орой* (река) 'вершина с или имеющая место Боронты'; *Чулчының-Бажы* (озеро) 'вершина реки Чулчи' и другие.

Помимо сказанного выше, категория локализации представлена в алтайских топонимах набором лексем, указывающих на местожительство человека, а также места обитания животных: *кышту* ~ *кышту*₋₁₃ 'зимовье; место, где находятся зимовки и зимние пастбища'; *жайлу* ~ *жайлу*₋₉ 'летнее жительство, летник (летняя юрта, летнее кочевье), летнее пастбище'; *аал* ~ *айыл*₅ 'селение'; *конуш* ~ *конуш*₋₄ '1) остановка на ночлег, 2) место расположения аила'; *турлуз* 'стоянка пастухов'; *юрт*₁ 'осенне-весенне-летняя стоянка, место, на котором может стоять скот; место поселения, поселок; местожительство, жилище, юрта'; *одыру*₋₁ 'место, где разводится огонь; пепел от костра'; *туркун*₁ 'стоянка'; *уйа* ~ *уйа*₋₇ 'гнездо, берлога, логово'; *тебее* ~ *тебее*₋₄ 'стоянка животных у солончака в жаркие дни'; *туру* ~ *турук*₄ 'местопребывание зверей; стоянка; пастбище для скота; стадо зверей'; *турлуз* 'местопребывание, логовище

зверей; стойбище'; *күзүле* ~ *күзүле-2* 'осеннее стойбище'; *күрке*₁ 'яма для хранения скота зимой'.

Человек описывает не только размещение объектов в пространстве, но также и направление их движения. Перемещение в пространстве воспринимается как имеющее направленность. Восприятие направленности движения происходит всегда относительно фона, на котором это движение осуществляется. Движение – это восприятие периодических изменений пространственных отношений, таких как изменение местоположения, ориентации, очертания объектов, или изменение угла зрения под которым происходит наблюдение. Асимметрия, о которой упоминалось выше, возникает во всех ситуациях движения по отношению к стабильной окружающей среде. Движущиеся объекты являются центром внимания, на них сфокусированы многие высказывания в дискурсе. То, как движение описывается лингвистически, отражает, с одной стороны, релятивистский, зависящий от перспективы способ восприятия движения, а, с другой, – различную степень спецификации в деталях этого движения. Так, среди алтайских тополексем немалое место принадлежит единицам, обозначающим «действия и состояния», а среди них – «движение» и «средства передвижения»: *түш-7* '1) спускаться, 2) падать, 3) тонуть, 4) терять'; *чык-5* '1) выходить, появляться, 2) взбираться'; *ас-4* 'заблудиться, сбиться с пути'; *бер-3* '1) послать, 2) дать'; *сок-3* 'бить, ударять'; *тут-3* '1) держать, 2) ловить, 3) управлять'; *дөкпө-2* 'не пролить, не разлить, не вылить'; *көдүр-2* 'поднимать'; *кыс-2* 'давить, жать'; *теш-2* 'продырявить, проткнуть'; *чап-2* '1) рубить, 2) делать'; *чачыл-2* 'рассыпаться, разбрызгиваться'; *эттир-2* 'заставить делать'; *азырат-1* 'заставить кормить, питать, воспитывать'; *ал-1* 'брать'; *алба-1* 'не брать'; *аңда-1* 'охотиться на зверя'; *арт-1* 'навьючить, класть на спину'; *ат-1* 'стрелять, застрелить'; *ачылба-1* 'не открыться'; *аи-1* 'переваливать через что-либо'; *бар-1* 'уходить, уезжать'; *бас-1* 'ступать, шагать'; *бириктеге-1* 'объединиться, соединиться'; *бөли-1* 'разделить, делить'; *буула-1* '1) привязывать, 2) отнять'; *бүт-1* 'вырастать'; *жажын-1* 'прятаться, скрываться, укрываться'; *жалат-1* 'заставить слизать, вылизывать'; *јаг-1* 'разодрать, растерзать'; *жел-1* 'бежать'; *жет-1* 'достигать чего-либо, доходить, догонять'; *јогол-1* 'исчезнуть, потеряться, погибнуть, пропасть'; *јул-1* 'вырывать, выщипывать, выдергивать'; *јуул-1* 'собираться, объединяться в одно целое'; *јык-1* 'свалить, повалить'; *јырт-1* 'рвать, раздирать, разрывать' и другие, а также *сал* ~ *сал-13* 'плот'; *абра-1* 'телега, арба, повозка'; *самолет*₁; *терген*₁ 'телега'.

Считается, что человек на практике знакомится с трехмерными объектами, но удерживает в сознании только двухмерные абстрактные их образы, так как пространственное восприятие на доэмпирическом уровне не воспринимает глубину, а потому и трехмерность. В топонимах алтайцев представлены следующие измерения: длина, ширина, глубина, высота с их противопоставленностями, например: *узун* ~ *узун-16* 'долгий, длинный'; *чичке* ~ *чичке-16* 'тонкий, узкий'; *јалбак*₁₃ 'плоский, широкий'; *терең*₈ 'глубокий'; *бийик* ~ *бостуг*₆ 'высокий'; *кызыы*₆ 'узкий, тесный'; *тар*₆ 'узкий, тесный'; *коо*₄ 'высокий, стройный'; *туура*₄ 'широкий'; *јабыс* ~ *јабыс-3* 'низкий'; *кызык*₃ 'тесный, сжатый'; *тапчы*₃ 'тесный, узкий'; *адак*₂ 'неглубокий, мелкий (о воде)'; *чөйбөк*₂ 'продолговатый, вытянутый в длину'; *кең* ~ *кеңи*₂ 'широкий, просторный, обширный'; *кызам*₂ 'тесный, узкий'; *кыска*₂ 'короткий'; *эн* ~ *ээн*₂ 'широкий,

просторный'; *калыңда*₋₁ 'утолщать, уплотнять'; *колым*₁ 'глубокий'; *ондаг*₁ 'мелкий'; *октук*₁ 'та, что поднята вверх'; *би*₋₁ 'подняться, вырасти'; *сөб*₁ 'длинный'; *сыргалчак*₁ 'сильно омельвший'; *теп*₋₁ 'подняться'; *узак*₁ 'далекий, долгий, длинный'; *чакырым*₁ 'верста; расстояние, на которое можно слышать'; *шуң*₁ 'глубокий'; *эс*₁ 'высокий'.

Противопоставленность в топонимии данной группы складывается из следующих атрибутов: «узкий₃₄ / широкий₂₁», «тесный₂₃ / просторный₄ / обширный₂», «длинный₂₂ / короткий₂», «тонкий₁₆ / толстый₁», «высокий₁₃ / низкий₃», «глубокий₁₀ / неглубокий₂ / мелкий₂». Наиболее притягивающими среди атрибутов размерности, приписываемых географическим объектам, наделяемым собственными именами и закрепленными в них, оказываются «узкий₃₄», «тесный₂₃», «длинный₂₂», «широкий₂₁», «тонкий₁₆», «высокий₁₃» и «глубокий₁₀».

ЛИТЕРАТУРА

Молчанова О.Т. Топонимический словарь Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1979.

Молчанова О.Т. Структурные типы тюркских топонимов Горного Алтая. – Саратов, 1982.

Haltod M. Mongolosche Ortsnamen.– Wiesbaden, 1966.

Jackendorf R. Parts and boundaries // *Cognition*, N 41. – Elsevier Science Publishers. B.V., 1991. – P.9–45.

Molchanova O.T. A Grammar of Turkic Place-names in the Mountain Altai. – Szczecin, 1998.

Svorou S. A Grammar of Space. – Amsterdam; Philadelphia, 1994.

Langendonck Van. Proper names and proprial lemmas // *Proceedings of the 21st International Congress of Onomastic Sciences.* – Uppsala, 2005.

Уважаемые коллеги!

24 апреля 2009 г. Татарский тюркологический центр и Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет проводят тюркологический симпозиум «Тенишевские чтения–2009». В ходе заседаний будет рассмотрен широкий круг вопросов, касающихся изучения письменных памятников и их филологической интерпретации, методов и методики исследования тюркоязычных памятников, проблем истории языка, общетюркского состояния и развития современных тюркских языков, языковых контактов и взаимовлияний и т.д.

Планируется публикация материалов до начала симпозиума. Возможны различные способы участия и представления выступлений. Для ознакомления с условиями участия, подготовки текстовых и др. материалов, а также с возникшими предложениями обращайтесь в Оргкомитет симпозиума (420021. г.Казань, ул Татарстан, 2. ТГГПУ, кафедра татарского языкознания, Хакимзянову Ф.С.).

Контактный адрес: e-mail: farid.khakim@lgmail.com; тел.: *раб.*– (843)-2924-213; *дом.* (843)-2685-808; сот. 89050226187 (проф. Хакимзянов Фарид Сабирзянович).

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

«ДУША» В РУССКОМ И ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

Е.М. Напольнова

Как известно, в соответствии с «языковой моделью человека», являющейся одной из составляющих языковой картины мира (ЯКМ), считается, что у человека имеется ряд органов и субстанций – материальных (видимых) и нематериальных (воображаемых). К последним в русском языке, как и в других индоевропейских языках, относятся *душа* и *дух*. В отношении их Е.В.Урысон, подробно исследовавшая русскую языковую модель человека, указывает: «Будучи сверхъестественными, они, тем не менее, вполне аналогичны сущностям материальным – душа аналогична обычным человеческим органам, а дух – субстанциям, находящимся внутри тела человека» [Урысон 2003: 72].

В турецком языке, как и в русском, также существует два понятия – *can* и *ruh*. Как же они соотносятся между собой и похожи ли они на своих «русских собратьев»?

Е.В.Урысон выделяет ряд особенностей «русской души» [Урысон 2003: 21–27]. Душа – это представляемый орган человека, который, подобно материальным органам, может испытывать боль, – но боль эта не физическая (*душа болит* за кого?), – является средоточием внутренней жизни (т.е. всего того, что не связано с физиологией и интеллектом) человека, его самых глубинных чувств и желаний (*В глубине души он понимал, что им придётся расстаться*), и наделён способностью предчувствовать (*Я душой чувствую, что он вернётся*). Душа «мыслится как некое невидимое средоточие жизни в человеке – ... то, что, находясь внутри тела, делает человека живым» [Урысон 2003: 24]. «С религиозной точки зрения душа связывает человека с высшим духовным началом» [Урысон 2003: 24]. Она не подвержена смерти и распаду, как тело.

Хотя заимствованное в турецкий язык из персидского слово *can* принято переводить на русский язык словом *душа*, эти две сущности в разных ЯКМ имеют свою специфику. В турецкой языковой модели человека *can*, так же как и в русской, представляется невидимым нематериальным органом, безусловно необходимым для того, чтобы человек жил, и смерть, соответственно, является «отделением» *can/души* от тела: *Can çikmayınca huy çikmaz* 'Горбатого могила исправит' (букв. 'Пока не выйдет душа, не выйдет и характер'), *can alıp can vermek* 'агонизировать' (букв. 'брать душу и отдавать душу'), *can çekişmek* 'агонизировать' (букв. 'перетягивать душу'), *canı gelip gitmek* 'терять сознание' (букв. 'душа приходит и уходит'), *canından bezmek /bikmak/usanmak* 'устать от

жизни' (букв. 'испытывать скуку от своей души'). *Can/душу* у человека отбирает Бог: *canını almak* 'забрать душу' (о Боге) – ср.: рус. 'отдать Богу душу'; *Allah canını almasın* 'Чтоб тебя!' (букв. 'Пусть Аллах не заберёт твою душу'). Вопрос о том, что, в соответствии с турецкой ЯКМ, происходит с душой после смерти, рассматривается ниже.

В русском языке существительное *душа* связано с глаголом *дышать* [Урысон 2003: 23], что подтверждается архаизмами, приводимыми В.Далем: «душа – ямочка на шее, над грудной костью, под кадыком» и «душка – часть шеи против глотки и пониже, сама ямочка на горле» (цит. по: [Урысон 2003: 23]), этимологически связанными с глаголом *удушить*, а в турецком между этими двумя понятиями никакой связи не прослеживается. «Турецкая» *can/душа* дислоцирована в другом месте: в народном языке существует выражение *can evi* 'место ниже сердца' (букв. 'дом души'), а грудину в народе именуют также *can tahtası* букв. 'доска души', т.е. 'кость, защищающая душу' [TS]. Первое из двух приведённых выражений используется также в переносном смысле: *can evinden vurtmak* 'нанести удар в самое чувствительное место' (букв. 'ударить в дом души'), сопоставимое с русским *дать под дых*. Если русская *душа* под воздействием испуга стремится спрятаться в укромное место (*душа ушла в пятки*), то *can* предпочитает покинуть своего хозяина, вылетев наружу через рот: *canı ağzına gelmek* 'испугаться' (букв. 'его душа приблизилась ко рту' – ср. *kalbi ağzına geldi* букв. 'его сердце приблизилось ко рту'). От чрезмерной усталости *can* также устремляется вверх: *canı burnunda* 'усталый, удручённый' (букв. 'душа в/на носу').

Хотя в турецком языке, как и в русском, *can* представляется как средоточие жизни в человеке, оно не соотносится с духовной сущностью, внутренним миром, самыми сокровенными желаниями и помыслами человека, а носит сугубо материальный характер, являясь своего рода сгустком жизненной энергии: *Sende hiç can yokmuş* 'Ты совсем обессилел' (букв. 'В тебе, оказывается, совсем нет души'), *can gelmek* 'оживать, оживляться, набираться сил' (букв. 'приходит душа'), *canlanmak* 'оживать, оживляться, набираться сил' (букв. 'одушевляться'), *can kalmamak* 'обессилеть' (букв. 'не осталось души'). Эта энергия восстанавливаема (*canı yerine gelmek* 'отдохнуть, набраться сил', букв. 'душа вернулась на своё место'; *cana can katmak* 'придавать сил' (букв. 'прибавлять душу к душе') и носит сугубо материальный характер, что видно из таких выражений как *Can boğazdan gelir* 'восстанавливать силы' (букв. 'Душа приходит через горло', т.е. с пищей), *can beslemek* 'есть, пить и ни о чём не беспокоиться' (букв. 'кормить душу').

Во многих выражениях со словом *can* последнее практически выступает в значении 'жизнь': *canını kurtarmak* 'спасти жизнь' (букв. 'спасти душу' – в отличие от русск. *спасти душу* кого?, где речь идёт о бессмертии души), *can kurtaran* 'спасатель' (букв. 'спасающий души'), *can simidi* 'спасательный круг' (букв. 'круг/бублик <для> души'), *canını feda etmek* 'отдать свою жизнь за кого?' (букв. 'пожертвовать своей душой'), *canından bezmek* 'устать от жизни' (букв. 'устать от души'), *cana kastetmek* 'покушаться' на кого? ('покушаться на душу' кого?), *cana kıymak* 'убивать' (букв. 'посягать на душу'), *canı pahasına* 'ценой (чьей?) жизни' (букв. 'ценой (чьей?) души'), *Kedinin yedi canı var* 'У кошки семь жизней' (букв. 'У кошки семь душ'), *canını bağışlamak* 'подарить жизнь (человеку, которого собирался убить)' (букв. 'подарить душу'), *canı ile oynamak* 'играть в игры с жизнью' (букв. 'играть в игры с душой').

Различные значения слова *can* отчётливо видны в значениях лексем *canlı* (букв. 'с душой') и *cansız* (букв. 'без души'):

В турецкой ЯКМ *can* отчётливо выделяется как центр желаний человека, но не самых глубинных и потаённых, как в русском языке, а вполне обыденных и материалистических. Русскому выражению *мне (не) хочется* чего? в турецком регулярно соответствуют такие выражения, как *canım istiyor/istemiyor* (букв. 'моя душа хочет/не хочет'), *canım çekti* ('душа тянет' что?): *canım gezmek istemiyor* 'мне не хочется гулять', *canım dondurma çekti* 'мне захотелось мороженого' и т.п.

Can является центром некоторых эмоциональных состояний человека – это скука, беспокойство и душевное беспокойство: *canı sıkılmak* 'испытывать скуку, скучать' (букв. 'душа сжимается'), *can sıkıcı* 'скучный' (букв. 'сжимающий душу'), *can sıkıntısı* 'скука, беспокойство', *Canımı sıkıyorsun* 'Мне это надоело' (букв. 'Ты сжимаешь мне душу'), *Canım sıkma* 'Не расстраивайся' (букв. 'Не сжимай свою душу'); искренность: *candan yürekte* 'искренне, от всего сердца' (букв. 'от души, от сердца'); терпение, выдержка: *Canım buna dayanamıyor* 'Я не могу этого выдержать' (букв. 'Моя душа не может выдержать этого'), *canı tez* 'нетерпеливый' (букв. 'его душа быстрая').

Can также является центром болевых ощущений, главным образом физической боли: *Canım acıyor* 'Мне больно' (букв. 'Моя душа болит'; имеется в виду физическая боль в отличие от русск. *У меня душа болит* за кого?), *can acısı* 'боль' (букв. 'боль души'), *canı pek* 'нежный, чувствительный' (букв. 'у него много души'), *canı tatlı* 'нежный, чувствительный' (букв. 'его душа сладкая'), *Canı yok mu?* 'Разве ему не больно?' (букв. 'У него нет души?'), *canını acıtmak* 'причинять физическую боль' (букв. 'делать душе больно'), *canını yakmak* 1) 'применять физическое наказание', 2) 'наносить материальный ущерб' (букв. 'жечь душу' в отличие от русск. *Воспоминания жгли его душу*).

Как и русская *душа*, турецкое слово *can* может использоваться, хотя и редко, в качестве счётного слова для людей: *Benimle beraber dört canız* 'Вместе со мной нас четверо душ'.

Важность *can/души* для человека видна как из высокой разработанности этого концепта в турецком языке, так и из того, что эта лексема выступает также в значении 'самый, самый важный, главный': *can alıcı* 'самый важный' (букв. 'забирающий душу'), *can damarı* 'самое важное, жизненно важное' (букв. 'сосуд/жила души'), *can dostu* 'закадычный друг'¹ (букв. 'друг души'), *can düşmanı* 'злейший враг' (букв. 'враг души').

Слово *can* очень активно используется в качестве обращения: *canım (benim)* 'душа моя', *canımın içi* букв. 'нутро моей души', *canım ciğerim* букв. 'моя душа, мои лёгкие/печень'².

canlı:

1) живой	1) мёртвый
2) полный сил	2) бессильный, безучастный,
безжизненный
3) одушевлённый	3) неодушевлённый

¹ В выражениях *can dostu* и *закадычный друг* прослеживается интересный параллелизм – в обоих языках речь идёт о душе: в турецком это слово называется непосредственно, а в русском указывается место «за кадыком», т.е. там, где, как считалось, находилась «душа» или «душка».

² В турецкой ЯКМ эмоциональными функциями наделяется ряд физических и виртуальных органов человека.

<i>canlı müzik</i> ‘живая музыка’	<i>cansız beden</i> ‘мёртвое тело’
<i>canlı para</i> ‘наличные деньги’	<i>cansız saç</i> ‘безжизненные волосы’
<i>O hala canlı</i> ‘Он всё ещё жив.’	<i>cansız manken</i> ‘манекен’ (тур. <i>manken</i> имеет значения манекен и манекенщик /манекенщица’).
<i>Çok canlı bir adam</i> ‘Он полон сил.’	
<i>canlılar</i> ‘живые организмы’	

Всё вышеизложенное позволяет сделать вывод, что в турецкой ЯКМ концепту *can* отводится особое место, отражающее представление о том, что этот важнейший невидимый внутренний орган, предполагаемое место которого чётко зафиксировано во фразеологических выражениях, отождествляется с жизненной силой, наполняющей человека при жизни и покидающей его в момент смерти. Как и русская *душа*, турецкая *can* предстаёт как центр некоторых эмоциональных состояний человека, однако турецкая *can* гораздо более «земная», чем русская *душа*; она никак не связана с этическими идеалами, не является средоточием внутреннего мира человека, а взамен этому является центром болевых ощущений и обыденных желаний человека.

Как в русском языке слова *дух* и *душа* обозначают нечто близкое друг к другу, так и в турецком принято считать, что близки по значению слова *can* и заимствованное из арабского *ruh*.

В отличие от русского *духа* и *души*, слово *ruh* этимологически не связано с воздухом и дыханием. *Ruh* в отличие от *can* не имеет определённого местоположения в теле человека и представляется не органом, а некой субстанцией, нематериальной составляющей человека, покидающей его тело в момент смерти и продолжающей жить вне тела: *ruhunu teslim etmek* ‘умереть’ (букв. ‘вручить/сдать свою душу’ – ср.: рус. ‘отдать Богу душу’), *ruhunu şad etmek* букв. ‘обрадовать его душу’ (об умершем), *Ruhu şad olsun* (пожелание) букв. ‘Пусть обрадуется его душа!’ (об умершем), *ruh çağırma* ‘вызывать духов’ (букв. ‘звать дух’), *ruh göçü* ‘переселение душ’.

Эта нематериальная субстанция настолько чувствительна к малейшим колебаниям внешней среды, что обмануть её труднее, чем органы чувств: *ruhu bile duymaz* ‘он даже не почувствует’ (букв. ‘даже его душа не почувствует’).

Ruh – это также психическая сущность человека, противопоставленная его материальной сущности и зафиксированная в ряде устойчивых сочетаний, связанных с психологией: *ruh bilgini/bilimi uzman* ‘психолог’ (букв. ‘учёный/специалист духа’), *ruh hastası* ‘душевнобольной’, *ruh hekimi* ‘психотерапевт’ (букв. ‘врач духа’), *ruh saplığı* ‘психические отклонения’ (букв. ‘отклонения духа’), *ruhen ve bedenen sağlıklı bir adam* ‘человек, здоровый психически и физически’ (букв. ‘телесно’ – ср.: русск. *В здоровом теле здоровый дух*). Психическое состояние человека может изменяться (*ruhani sükûnet* ‘душевное спокойствие’, *ruhi bunalım* ‘душевный кризис’), и в русском языке наряду с выражениями, включающими слова *дух*, *душа*, *душевный* и *духовный* (*душевное спокойствие*, *подъём духа* и др.), для обозначения такого состояния существует специальное слово – *настроение*, а в турецком это изменение

связывается именно с состоянием его *ruh/düxa* – *ruh hali* ‘настроение’ (букв. ‘состояние духа’): *Bu ruh hali ile oraya gitmeni tavsiye etmem* ‘Я не советую тебе в таком настроении идти туда’.

Эта нематериальная субстанция является носителем духовного начала человека (*ruhi hayat* ‘духовная жизнь’). Человек, имеющий тонкую психическую организацию и принимающий всё, что происходит вокруг него, близко к сердцу, именуется *ruhlu* ‘душевный, эмоциональный’ (букв. ‘с душой’, в отличие от *canlı* ‘живой, одушевлённый’) или *ince ruhlu* букв. ‘с тонкой душой’, а об неземном, грубом человеке говорят *ruhsuz* ‘бездушный’ (в отличие от *cansız* ‘неживой, мёртвый, неодушевлённый’). Духовность человека связывается также с религиозными представлениями о его сущности, и поэтому прилагательное *ruhani* имеет значение ‘духовный, клерикальный, церковный’ (*ruhani lider* ‘духовный лидер’).

Необходимо подчеркнуть, что слово *ruh*, в отличие от *can*, является атрибутом только человека (за исключением, пожалуй, выражения *salt ruh* ‘абсолютный дух’, которое, являясь философским термином, не показательно с точки зрения «наивной анатомии»). Если в русском языке духами называют и бесплотных существ, населяющих нематериальный мир и периодически являющихся человеку в видимой форме (*дух реки, дух леса*), то в турецком для них используется специальный термин – *cin* ‘джин’.

Словом *ruh* обозначается также особая атмосфера, настрой, вдохновлённость одного человека или коллектива: *amatör ruhu* ‘влюблённость в своё дело’ (букв. ‘любительский дух’), *ruh kazandırmak* ‘придать душу’ чему?, *üniversite ruhu* ‘университетский дух’.

За пределами «языковой модели человека» лёгкость, летучесть, неуловимость субстанции *ruh* позволили этому слову приобрести значение ‘эфир’, близкое значению ‘запах’ слова *duh* в русском.

«С точки зрения <русской> «наивной анатомии» человек состоит из двух частей – души и тела» [Урысон 2003: 22], *duh* также противопоставляется телу: *в здоровом теле здоровый дух*. В турецком обе эти сущности также имеют свои устоявшиеся пары, но они отличны друг от друга: *canla başla çalışmak* ‘трудиться изо всех сил’ (досл. ‘работать с душой и головой’), *ruhen ve bedenlen sağlıklı çocuk yetiştirmek* ‘вырастить духовно и физически (букв. ‘телесно’) здорового ребёнка’. Как показывает проведённый нами в рамках исследования турецкой ЯКМ анализ, *baş* ‘голова’ символизирует самого человека, его психическое и физическое здоровье, его жизнь. Если считать, что слово *can* имеет главное значение ‘жизнь, жизненная сила’, то можно утверждать, что в первом из приведённых выражений нет никакого противопоставления, а имеет место характерное для турецкого языка парное использование близких по значению лексем (ср.: *kan ter içinde olmak* ‘сильно устать’ (букв. ‘быть в крови и поту’), *canım ciğerim* ‘мой дорогой’ (букв. ‘моя душа, мои лёгкие/печень’). Во втором выражении, действительно, душа в значении ‘духовное начало’ или ‘психологическая сущность’, как и в русском языке, противопоставлена физическому телу.

В отношении того, что происходит с душой после смерти человека, языковой материал показывает следующее. Когда речь идёт о душах, попадающих в рай (*cennet*), используется не слово *can*, а исключительно *ruh*: *Bu üç adım ruhu cennete yönlendirir*³ ‘Эти три шага направляют душу в рай’, *Ruhu*

³ Приведённые в этом параграфе примеры взяты из интернета.

cennette yüreği Kudüs'te 'Его душа в раю, а сердце в Иерусалиме', *Böylece ruhun Cennetin kapılarından içeri girebilmesi için ...* 'Таким образом, для того, чтобы душа могла пройти через врата рая ...'. В отношении душ, отправленных в ад (*cehennem*), как правило, также используется только *ruh*: *Bir ruh Cehennem'e bir kere girince bir daha çıkmaz* 'Душа, однажды попав в ад, больше не выходит оттуда', *Cehennem'e belli bir sürede ne kadar ruh giriyor, ne kadar ruh çıkıyor ...* 'Сколько душ попадает в рай и сколько выходит <оттуда> за определённый срок ...', *ruhun cehennemde azap görmesi* 'муки, которые терпит душа в аду').

Примеры со словом *can* единичны и не показательны: *Canın cehenneme* букв. 'Твоя душа – в ад' (проклятие, аналогичное русскому *Пошёл к чёрту!*) – в этом случае речь идёт о душе ещё живого человека; *Cehennem'in bölgelerinde can, yerin üç hakimi önünde dururdu ...* 'Где-то в аду душа представляла перед судьями Земли (т.е.судящими Землю)' – речь идёт о древнегреческой мифологии и душе только что умершего человека. Таким образом, становится ясно, что, в соответствии с турецкой ЯКМ после смерти человека именно его *ruh/ душа*, а не *can*, отправляется в ад или в рай.

В таблице, представленной ниже, мы попытались схематично показать основные качества, приписываемые в двух языках соответствующим воображаемым сущностям (см. табл. 1).

Таблица 1.

Лексемы	CAN	ДУША	RUH	ДУХ
Воображаемый орган	x	x		
Воображаемая субстанция			x	x
Центр внутр. жизни человека		x		
Центр обыденной жизни	x			
Сосредоточие жизненных сил	x	x		
Синоним жизни	x			
Связь с дыханием		x		x
Восстановимость	x			
Физическая боль	x			
Нравственные переживания		x		
Бессмертие	x	x		
Беспокойство (эмоциональное состояние)		x		
Искренность (эмоциональное состояние)	x	x		
Скука (эмоциональное состояние)	x			
Терпение	x			
Функция органа чувств		x	x	
Продолжение жизни после смерти		x	x	x
Психическая сущность человека			x	x
Духовное начало человека			x	x
Противопоставленность физическому телу		x	x	x
Атрибут только человека		x		x
Счетное слово	x	x		
Обозначение бесплотных существ			x	x

Как видно из таблицы, между русским понятием *душа* и турецким *can* существует большое количество различий, часто не позволяющих использовать их в качестве эквивалентов при переводе с одного языка на другой: *А что мы знаем о турецкой душе, истории, менталитете? – Peki, biz Türklerin manevi yaşamları, tarihleri ve mentaliteleri hakkında ne biliyoruz?* (букв. 'А что мы знаем о духовной жизни ...' – из двуязычного журнала). *Can* представляется некоей жизненной силой, наполняющей человека при жизни и покидающей его в момент смерти. В отличие от *души*, переселяющейся в другой мир, *can* на этом фактически прекращает своё существование.

И напротив, по многим параметрам русская *душа* сближается с турецким *ruh*, но и в этом случае полного тождества не наблюдается. Обе они бессмертны и являются носителем духовного и психического начала человека, но *душа* мыслится носителями языка как некий воображаемый орган, а *ruh* (как и русский *дух*) – как воображаемая субстанция.

ЛИТЕРАТУРА

Урысон Е.В. Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике // *Studia philologica*. – М. 2003.

TS – *Türkçe sözlük*. – Ankara, 1988.

В Тобольске прошла XII Всероссийская научно-практическая конференция «Сулеймановские чтения» (29–30 мая 2009 г.), организованная Департаментом образования и науки Тюменской области, Комитетом по делам национальностей и Тюменской области, Национально-культурной автономией сибирских татар и татар, проживающих в Тюменской области, Всемирным конгрессом татар, Администрацией г.Тобольска и Тобольским гос. педагогическим институтом им. Д.И.Менделеева. Общей темой конференции, носящей имя сибирско-татарского поэта Булата Сулейманова, в этом году была выбрана тема «Национальное образование и диалог культур в полиэтническом пространстве». В ее работе приняли участие ученые вузов России, республик Татарстан, Башкортостан, Дагестан, Каракалпакстан, а также аспиранты и соискатели, учителя, студенты, работники музеев, журналисты и общественные деятели.

Были организованы секции а) языка, б) литературы, в) истории и культуры, г) педагогики, психологии и методики.

К началу конференции был издан сборник материалов конференции «XII Сулеймановские чтения» (Тобольск: Тобольский гос. пединститут им. Д.И.Менделеева, 2009, 217 с.). Желающие ознакомиться или приобрести данный сборник могут обратиться издателю в г.Тобольск (626150).

г.Тобольск, ул Знаменского, 58 ТГПИ им. Д.И.Менделеева)

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ
В СОВРЕМЕННОМ ТУРЕЦКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ*Е. Ларионова*

История турецкого кинематографа, который в наши дни является одним из наиболее динамично развивающихся в мире, началась с 1920-х гг., когда на первой турецкой киностудии «Кемаль-Фильм» выпускали в среднем по две картины в год. Отметим, что несколько первых турецких фильмов явились инсценировками романов известных турецких писателей, среди них «Огненная рубашка» (Ateşten Gömlek, 1923) Халиде Эдип Адывар, «Вот так девушки» (Sözde kızlar, 1925) Пеями Сафа. К середине 1970-х гг. объем кинопроизводства, достигнувший двухсот картин, мог сравниться лишь с объемом индийского Болливуда (сети киностудий в Бомбее). Правда, основную массу отснятого материала представляли боевики, комедии или сентиментальные мелодрамы о несчастной любви, сюжеты и сценарии для которых заимствовались с Запада. Содержание большей части фильмов копировалось, при этом сюжет четко вписывался в характерную для Турции действительность, происходило так называемое «склонение на местные нравы»: герои получали турецкие имена, а действие переносилось в турецкий город или деревню с характерными для них атрибутами. В качестве примера назовем комедию «Я влюбился» (Aşık oldum, 1985) с участием Шенера Шена и Япрак Оздемироглу – римейк американского фильма «Женщина в красном» (The Woman In Red, 1984), отправной точкой для которого, в свою очередь, стала французская кинолента «И слоны бывают неверны» (Un Elephant Ça Trompe Epornement, 1975) с Жаном Рошфором в главной роли. Сюжетно турецкий фильм полностью совпадает со своими французским и американским предшественниками. С виду счастливая семейная жизнь главного героя омрачена кризисом среднего возраста: он безумно влюбляется в сногшибательную красотку и тратит все свое свободное время на преследование предмета своего обожания, попадая при этом в комичные ситуации. Турецкая версия отличается от предыдущих лишь национальными реалиями.

Постепенно, с начала 1980-х гг., количество кинематографической продукции стало переходить в качество, о чем свидетельствуют сравнительно небольшие объемы кинопроизводства (в среднем 10 картин в год) на фоне международного признания картин турецких режиссеров. Пальмовая Ветвь Каннского фестиваля была присуждена фильмам «Дорога» (Yol) Йылмаза Гюнея

в 1981 г. и «Отчуждение» (Uzak) Нури Бильге Джейлана в 2003 г.; в 2005 г. Золотой Медведь Берлинского кинофестиваля достался турецкому режиссеру из Германии Фатиху Акыну за фильм «Головой о стену» (Duvvara Karşı); в 2006 г. картина «Сердечная рана» (Gönül Yarası) Явуза Тургула получила награду на 3-м Ежегодном Королевском международном кинофестивале в Нью-Йорке, а также была номинирована на премию «Оскар» в номинации «Лучший иностранный фильм».

В среде молодых турецких режиссеров наблюдается отход от фильмов с любовной и детективной тематикой, появление которых было обусловлено влиянием европейского и, в большей степени, американского кинематографа. Турецкий кинематограф фокусируется на проблемах нравственного характера, выдвигая героев, занятых духовным поиском и сталкивающихся с необходимостью сделать нелегкий выбор, зачастую обусловленный господством косных обычаев в человеческом сознании. Так, например, в центре фильма «Дорога» (Yol) – нравственные муки обманутого мужа, честь которого, в соответствии с применяемой в этой местности многовековой практикой, может быть восстановлена только смертью жены. Он, не в силах противостоять многовековым обычаям, оказывается, хотя и косвенно, причиной гибели женщины, которую искренне любит.

Другой тематической доминантой турецкого кинематографа становится особенно актуальная для второй половины XX в. проблема адаптации турок (как бытовой, так и мировоззренческой) к европейскому образу жизни, что связано с массовой миграцией турок в Европу (прежде всего, в Германию) в 60–70 гг. XX в. Так, герои фильма «Головой о стену» оторваны от родины, от собственных традиций. Свобода, к которой они стремятся в Германии, оборачивается для них одиночеством; они не могут полностью приспособиться к немецкому образу жизни, и это приводит к попытке самоубийства обоих героев в самом начале фильма.

Национальная самобытность этих и многих других фильмов во многом характеризуется активным обращением турецкого кинематографа к фольклорному материалу. Выявлению фольклорных элементов, определению их роли и особенностей включения в картины современных турецких режиссеров и посвящена данная статья.

Одним из самых востребованных фольклорных жанров в турецком кинематографе является народная песня *тюркю*. Интересно, что до 70-х гг. XX в. для турецких фильмов было характерно привлечение народных песен лишь в качестве фона, для усиления эстетического воздействия на зрителя и создания определенного колорита, экзотики и атрибутики турецкой действительности.

В настоящее же время, когда фольклор занимает определенную нишу в укреплении фундамента национального сознания, *тюркю* становится самостоятельным художественным элементом многих кинокартин, как, например, в фильме «Сердечная рана» Явуза Тургула.

Режиссер фокусирует внимание зрителя на проблемах семьи и положения женщины в современной Турции. После многих лет, проведенных на юго-востоке страны, учитель Назым (Шенер Шен) возвращается домой в Стамбул, где вынужден трудиться водителем такси. Однажды он подвозит работающую певицей в «*тюркю эви*»¹ Дюнью (Мельтем Джумбюль), с которой позже они

¹ *Тюркю эви* («Дом тюркю») – традиционное место отдыха мужской части населения Турции, где под песни народного певца *озана*, играющего на *сазе*, вечерами собираются

становятся друзьями. Назым стремится помочь красивой молодой женщине и ее дочери сбежать от агрессивного и жестокого бывшего мужа, который буквально одержим идеей любыми средствами вернуть непокорную жену в семью. Любовь Назыма и Дюньи, которая остается в рамках дружеских отношений, наполнена чувством безысходности, как бы предупреждающей трагический финал фильма – гибель героини от рук собственного мужа. Все перипетии экранного действия разворачиваются в музыкальном сопровождении тюркью современного турецкого ашыка Нешета Эрташа². Общему настроению фильма созвучна песня на курдском языке «Ты – инжировое дерево» (İncir ağacı)n³, связанная с кульминационным моментом кинокартины. Все остальные тюркью, исполненные уже на турецком языке, гармонично вплетаются в сюжетную линию и передают зрителю всю противоречивую гамму чувств, испытываемую двумя мужчинами к одной женщине.

В фильме «Головой о стену», где речь идет о фиктивном браке двух турецких эмигрантов – сорокалетнего Джахида (Бирол Юнель) и юной Сибель (Сибель Кекилли), которые не смогли избежать любви, трактуемой режиссером как удар «головой о стену», режиссер Фатих Акын использует традиционные песни тюркью в качестве связующего композиционного элемента между эпизодами фильма: тюркью исполняются ансамблем на берегу Босфора и отделены от основного действия фильма. С их помощью кинокартина четко структурируется, и создается впечатление ритмически продуманного целого: шесть раз ее течение прерывается исполнением музыкального ансамбля, причем композиционно песенные вставки распределяются по три – до кульминации (момент, когда оба героя понимают, что любят друг друга и герой совершает убийство любовника героини, приводящее возлюбленных к долгой разлуке) и после. Эти музыкальные отрывки симметрично обрамляют главную песню фильма «Плачь, любовь моя» (Ağla Sevdam)⁴, символизирующую обретение, потерю любви и надежду на ее продолжение.

Традиция исполнения народных песен тюркью, а в некоторых случаях и просто музыкального проигрыша между частями основного действия, восходит, с одной стороны, к собственной народной драматической традиции турок, с другой – к традициям античного театра. Тюркью были популярны в турецкой народной

турки, которые, подпевая, пьют раки (турецкую анисовую водку) и закусывают *чыг кофте* (блюдо, которое готовится путем долгого переминания в руках сырого мясного фарша с красным острым перцем). Многие из подобных традиционных «домов» в настоящее время превратились в заведения ресторанного типа с обязательным исполнением *тюркью*.

² Нешет Эрташ (род. 1938) – продолжатель одной из богатейших песенных традиций турок – традиции странствующих певцов-ашиков. Нешет Эрташ не только исполнитель собственных произведений, но и интерпретатор традиционной ашыкской музыки, способствующий ее распространению в самой Турции и за ее пределами.

³ Песня на курдском языке выбрана режиссером фильма неслучайно. У турок считается, что грустная курдская песня своей особой атмосферой способна довести человека до слез. На это указывает и диалог героев после песни. Назым, который знает курдский язык и понимает, о чем поется в песне, спрашивает у Дюньи: «Если ты не знаешь курдского, почему же ты плачешь?». На это Дюнья отвечает: «Разве обязательно знать курдский, чтобы плакать над этой тюркью?».

⁴ Песня написана композитором Атиллой Оздемироглу, исполняется Юсуфом Ташкыном и знакома зрителям по фильму «Тяжелый роман» (Ağır Roman, 1997).

драме, представляли собой «выходные» монологические произведения, которые часто служили для самохарактеристики героев⁵. Привлечение тюркю характерно и для драматических произведений 60-х гг. XX в. Халдуна Танера, Ферхана Шенся и других авторов, что во многом было обусловлено влиянием на турецкую драматургию «эпического» театра Бертольда Брехта⁶. Однако лирический характер песенных вставок фильма Фатиха Акына, заставляющих зрителя сопереживать героям, позволяет говорить не о беспристрастных критических суждениях «эпического хора» Брехта⁷, а скорее о традиции аристотелевского драматического театра с его «стоячими песнями», или стасимами, апеллирующими к зрительским чувствам и исполнявшимися хором в перерывах драматического действия, но не входившими в его состав.

Итак, включение народных песен тюркю в оба рассмотренных нами фильма усиливает эмоциональное воздействие и призвано заставить зрителя сопереживать любви мужчины и женщины. Любовь, как и народная песня, вечна, и только она может противостоять абсурдности и жестокости современного мира. Тюркю, меняя содержание и тональность, ритмически организуя, а иногда и структурируя экранное действие, становятся самостоятельным художественным элементом кинокартин.

Другим излюбленным фольклорным жанром, привлекаемым в кино, является сказка. Достаточно вспомнить многочисленные инсценировки народных сказок, среди которых почти одноименные фильмы о Кельюоглане⁸, появившиеся один за другим до 1980-х гг.: «Кельюоглан» (Keloğlan) в 1948-м и 1965-м г., «Кельюоглан и семь гномов» (Keloğlan ve Yedi Cüceler) и «Кельюоглан среди нас» (Keloğlan Aramızda) в 1971 г., «Кельюоглан и Джан Кыз» (Keloğlan ile Can Kız) в 1972 г., «Кельюоглан за работой» (Keloğlan İş Başında) в 1975 г., «Я – странный Кельюоглан» (Ben Bir Garip Keloğlanım) в 1976 г. Снимая эти фильмы, режиссеры преследовали цель сохранить образцы народного фольклора и создать пласт ориентированного на детскую и подростковую аудиторию «воспитательного» кино.

В наши дни турецкие режиссеры обращаются лишь к некоторым элементам сказочной поэтики. Привлечение жанра сказки во многом обусловлено тем, что она представляет собою определенную аллегорическую форму, с помощью которой легко показать несовершенства и нелепости современной действительности⁹.

⁵ См., например, пьесы теневого театра «Карагёз». Обычно представление теневого театра начиналось с появления на сцене Хадживата, одного из главных персонажей, который напевал *семай* – песню, состоящую из четырех полустиший.

⁶ Бертольд Брехт – создатель «эпического театра», нацеленного на сохранение дистанции между зрителем и сценическим действием, стремящегося пробудить мысль зрителя, а не его эмоциональное сопереживание.

⁷ Брехт вводит в свои пьесы хоры и сольные песни, так называемые зонги, которые комментируют события на сцене, оценивают их, способствуют выработке у публики критических суждений.

⁸ Кельюоглан, или Плешивый парень, – излюбленный герой турецких сказок; бедняк, который благодаря своей отзывчивости, доброму нраву и смекалке почти всегда женится на дочери султана.

⁹ Благодаря своей аллегоричности сказка является излюбленным жанром литературы именно в переломные моменты жизни общества. К сказке как аллегорической форме выражения своих идей неоднократно обращались и турецкие писатели:

В качестве примера рассмотрим комедийный фильм режиссера Тайфуна Гюнейера «Кельоглан против Черного Принца» (Keloğlan Kara Prense Karşı, 2005), являющийся образцом развлекательного «массового» кино. В этой «сказке для взрослых» (юмор этой кинокартины понятен скорее взрослой, чем детской аудитории) режиссер, изображая действительность в пародийном ключе, что, в первую очередь, проявляется в высмеивании бытовых поведенческих стереотипов, исключает из сказочной поэтики некоторые ее составляющие. Именно с этой целью он обращается к открытой практически для любых заимствований и цитат сказке, привлекая персонажей не только турецкой, но и европейской фольклорной и литературной традиций: наряду с эпизодами, где присутствуют Кельоглан и Джанкыз, падишах, садразам¹⁰, джинн¹¹ и дэв¹², в сюжетную канву фильма вплетаются эпизоды с персонажами турецкого теневого театра – Карагёзом и Хадживатом, героем анекдотов – Насреддином Ходжой, а также Золушкой, Белоснежкой, Робинот Гудом и др. Помимо этого режиссер создает абсолютно новаторские персонажи, отсылающие зрителя к реалиям современной действительности: Макарена¹³ и Кылбил¹⁴.

Основной сюжетный конфликт фильма, как и в традиционной сказке, разворачивается между Кельогланом и его антагонистом – Черным Принцем, желающим стать главным героем всех сказок и мечтающим о торжестве сил зла; это противостояние отражено в заглавии фильма. Сказочное действие развивается по всем законам традиционной волшебной сказки: от недостачи (сложная задача, которую предстоит выполнить Кельоглану) до ее ликвидации через преодоление героем трудных задач. Падишах Доброй страны и его жена полны решимости отдать свою единственную дочь Джанкыз за Кельоглана. Однако принцесса не стремится выйти замуж, и падишах вынужден придумывать для Кельоглана новые задачи: поймать огромную змею, обитающую в озере, и снять с нее кожу, срезать и принести когти десяти тигров из леса и др. Сюжет фильма строится вокруг одного из подобных заданий. На этот раз Кельоглану, его верному другу Джанкушоглу и ослу Катыроглу¹⁵ предстоит снять золотой кушак с пояса дэва. Вместе с героями на поиски приключений отправляется переодетая в мужское платье влюбленная в Кельоглана соседская девушка Балкыз. Препятствия героям чинят Черный Принц и его верный охранник Кылбил.

Сабахаттин Али в сборнике «Стекланный дворец» (1945–1946); Яшар Кемаль в сказке-притче «Слон-султан и краснобородый муравей-хромоножка» (1975) и др.

¹⁰ Садразам – главный визирь, советник падишаха.

¹¹ Джинн – добрый или злой дух. Подробнее о джиннах и других мифологических персонажах турецкой волшебной сказки см.: Стеблева 2002.

¹² Дэв – чудовище огромных размеров, людоед, враждебно относящийся к человеку; летает по воздуху, съедает по целому, а иногда и по несколько баранов за раз, спит по сорок дней.

¹³ Макарена – танцевальный хит группы Los Del Rio, вышел в 1996 году.

¹⁴ Игра слов: Кылбил («Волосатый Бил») – помощник Черного Принца. С одной стороны, персонаж противопоставлен Кельоглану («Плешивому парню»), а с другой – это одновременно отсылка к названию шумевшей картины Квентина Тарантино «Убить Билла» – Kill Bill.

¹⁵ Осел – излюбленный комический и сатирический персонаж турецкого фольклора и литературы. Достаточно вспомнить Насреддина Ходжу, который постоянно путешествует на осле, а также классику турецкой литературы: «Поэму об осле» Шейхи, «Умерший ишак» Азиза Несина и др.

Несмотря на формальное сходство с традиционной сказкой, в фильме постоянно прослеживается отход от нее: падишах стремится отдать свою дочь за Кельоглана, что противоречит основному принципу народной сказки, в которой высшей наградой для простого парня из народа становится включение в падишахскую семью. Герой народной сказки всеми силами стремится добиться расположения падишаха, а принцесса, заочно влюбленная в героя, помогает ему своими подсказками. В данном фильме из сказки сознательно удаляются элементы сказочной поэтики, при этом используется мотив так называемого «перевертывания».

Таким образом, сказка для Тайфуна Гюнейера – это всего лишь форма, в которую обличена пародия на действительность с ее отношениями между людьми. Реальная жизнь, в свою очередь, становится пародией на сказку. Так, Черный Принц, чтобы попасть в свой дворец, должен пройти через металлоискатель, при этом каждый раз охранники останавливают его, поскольку «звенит» боевой меч героя и др.

В целом, все приемы данного фильма соответствуют жанру комедии и формату «массового» кино. Жанровая форма сказки при этом узнаваема по некоторым свойственным для нее чертам-маркерам: здесь действует своеобразный закон сказки, когда ее черты активны в структуре других жанров¹⁶.

Еще один пример обращения турецкого кинематографа к сказочной поэтике представляет собой мелодраматическая картина «Рассказывай, Стамбул» (Anlat İstanbul, 2004), получившая приз Стамбульского кинофестиваля 2005 года как лучший фильм. Фильм, созданный содружеством пяти режиссеров (Юмит Юнал, Кудрет Сабанджы, Селим Демирделен, Юджель Йолджу, Омюр Атай), состоит из пяти новелл, в которых пять обычных жителей Стамбула становятся героями известных европейских сказок: Дудочник, игрою на инструменте спасающий деревню от мышей¹⁷, Золушка, Красная Шапочка, Спящая Красавица, Белоснежка, Принц на белом коне. Однажды ночью, когда по Стамбулу проносится страшная весть об убийстве Короля – главы стамбульской мафии, герои попадают в круговорот событий, прочно связанных между собою. Музыкант, играющий в оркестре на кларнете, узнает об измене своей молодой жены с квартальным фотографом, уходит из дома и превращается в «Дудочника». «Белоснежка», дочь убитого Короля, пытается скрыться от расправы мачехи и встречает восьмого гнома – девушку-карлицу, с которой они вместе спасаются в подземельях (канализационных шахтах) мегаполиса. Торговец из обувного магазина влюблен в проститутку-трансвестита «Золушку» и предлагает ей совместный побег в полночь с вокзала Хайдарпаша. «Принц на белом коне» – курд, приехавший в Стамбул на поиски заработка и случайно ставший свидетелем расправы над Королем. «Спящая красавица», притворяясь сошедшей с ума молодой женщиной, всеми силами пытается воспрепятствовать продаже своего дома – особняка на берегу Босфора, который стремится купить Король. Отсидев в тюрьме по ложному обвинению, «Красная шапочка», турчанка немецкого происхождения, встречается в международном аэропорту с коварным Волком, ее бывшим возлюбленным, главой еще одной стамбульской преступной группировки и одновременно убийцей Короля.

¹⁶ Овчинникова Л.В. Литературная сказка XX в. Мир – Герой – Автор. – Южно-Сахалинск, 2000. – С. 27.

¹⁷ Персонаж европейской сказочной традиции, знакомый русскому читателю, в частности, по книге С. Лагерлеф «Путешествие Нильса с дикими гусями» (М., 1992).

Все новеллы объединяются благодаря сквозным персонажам, т.к. главный герой собственной сказки становится второстепенным персонажем других сказок-новелл. Во взаимоотношениях персонажей прослеживаются традиционные сюжетные ходы, поскольку герои здесь встречаются парами: Красная Шапочка – Волк; Белоснежка – Гном; Спящая Красавица – Принц на белом коне и т.п. Композиционно фильм строится по типу обрамленной повести, или «рассказа в рассказе» – вид композиции, характерный для таких восточных сборников сказочной прозы, как «Панчатантра», «70 рассказов попугая», «1001 ночь» и др. Все истории включаются одна в другую, у каждой – свой рассказчик, при этом обрамляющей новеллой становится та, в которой рассказчицей является маленькая девочка – не родившаяся, погибшая в результате аборта дочь «Красной шапочки». Она живет только в мечтах своей матери, поэтому способна без ограничений путешествовать по ночному Стамбулу, переносясь из одного дома в другой и становясь свидетельницей людских драм. В конце фильма все герои встречаются и принимают решение покинуть Стамбул – город, сделавший их несчастными.

Отметим, что стилистически этот фильм сближен с традиционной сказкой. На это указывает язык рассказчиков, отличающийся сказочной формульностью: каждая новелла начинается с традиционного для турецких народных сказок зачина – *текерлеме*¹⁸ «Было – не было» (*Big varmıŝ, big yokmuŝ*), а само повествование ведется в неопределенном прошедшем времени¹⁹.

Таким образом, сказка здесь становится формой, в которую облачаются реальные людские истории, служит средством универсализации и обобщения, а сказочные персонажи предстают некими общечеловеческими архетипами. Обобщение достигает предельной емкости, при этом происходит своего рода нивелирование, переход архетипа в собственную противоположность: намеренно «не сказочный» финал кинофильма разрушает привычные и ожидаемые сказочные ходы. «Стамбул полон сказок, и все сказки похожи одна на другую», – говорит маленькая девочка, рассказывая о драматических судьбах героев фильма. Жизненная правда зачастую разрушает мифы и стереотипы, и в этом смысле картина глубоко реалистична: мелодраматическая конструкция сюжета о Золушке, к примеру, терпит крах уже в силу того, что эта Золушка, оказавшись в Стамбуле – «городе сказок», вынуждена зарабатывать себе на жизнь, продавая собственное тело; желанный принц оказывается работником самого обыкновенного обувного магазина, а в конце он погибает, попав под машину, и пр. Жанр кинокартины обуславливает драматизацию материала, которая особо ощутима на контрасте между ее сказочной формой и реалистичным содержанием.

Совершенно особое место занимает картина «Почему убили Хадживата и Карагёза?» (*Hacıvat Karagöz Neden Öldürüldü?*, 2005) режиссера Эзеля Акая. В основе фильма лежит существенно переосмысленная легенда о жизни и смерти Хадживата и Карагёза – главных персонажей традиционного теневого театра «Карагёз», который пользовался в Турции особой популярностью и народной любовью²⁰.

¹⁸ *Текерлеме* – традиционная присказка рифмованного характера, предшествующая турецкой сказке, по содержанию небылица.

¹⁹ Неопределенное прошедшее время – время на *-mıŝ*, которое обычно используется в турецких сказках, преданиях, легендах и анекдотах.

²⁰ Карагёз – традиционный турецкий театр, наиболее ранние упоминания о котором относятся к концу XIV в. Представления театра реалистически воссоздавали быт и

Режиссер опирается на наиболее авторитетную версию возникновения теневого театра в Турции, согласно которой Хадживат и Карагёз, прототипы театральных персонажей, работали на строительстве мечети, но так забавляли окружающих, что возведение здания практически прервалось, и весельчаки были казнены по гневному приказу султана Орхана. Томимый угрызениями совести из-за своего скоропалительного решения султан, чтобы развеять свою печаль, призывает к себе шейха Кюштери, считавшегося впоследствии святым покровителем театра. Именно шейх Кюштери показывал тени умерших Хадживата и Карагёза с помощью пабучей²¹ самого султана Орхана²².

Знакомство же героев фильма происходит в Бурсе XIV в. Хадживат, служащий посланником между многочисленными анатолийскими правителями, покупает у Карагёза, туркменского переселенца, попавшего в Бурсу со своей матерью, большую корову. Забавные перепалки, постоянно происходящие между героями, вызывают смех у окружающих, и вскоре их приглашают на площадную сцену для увеселения публики по вечерам, при этом ловкому и умному Хадживату долгое время удается скрывать от Карагёза сам факт их участия в оплачиваемых зрителем представлениях.

Сама легенда в картине существенно трансформируется. Формально Хадживата и Карагёза казнят за их якобы причастность к замедлению строительства (их обвиняют в том, что они сняли поддерживающие конструкции только что залитого раствором минарета мечети и таким образом он был разрушен), на поверку же оказывается, что героев оклеветали, а глубинные причины убийства гораздо сложнее и связаны с обличением пороков «власть имущих», о которых, шутя, во всеулышание заявляют Хадживат и Карагёз: мечеть не строится потому, что строители не могут сварить раствор; он не варится потому, что ингредиенты для варки, прежде всего, яйца, съедают на обед строители. Социальная заостренность представлений теневого театра, на которой фокусируются создатели фильма, не раз подчеркивалась и исследователями традиционной турецкой драмы²³.

Герои фильма становятся заложниками интриг в окружении султана Орхана. Для наглядности обоснования конфликта в картину вводится история о некоем крупном алмазе, который, поделенный на части, выступает в качестве взятки для «затыкания ртов» всем тем, кто вовлечен в незаконные дела в городе (кадий²⁴, начальник строительства мечети, глава охраны султана и др.). Карагёз и Хадживат предстают обличителями беззаконий, творящихся в Бурсе, и это становится причиной расправы над героями, а также ответом на вопрос, вынесенный в заглавие.

Не исключено, что картина содержит не только скрытое обращение к зрителю, так как некоторые поднятые здесь проблемы, например, о

нравы турецкого города, отличались злободневностью и социальной заостренностью [Боролина, 1987: 133–134]

²¹ Пабучи – кожаная обувь.

²² Легенда приведена, в частности, известным венгерским ученым-тюркологом Игнацем Куношем [Kunos 1889].

²³ На социальную значимость и критический характер пьес «Карагёза» указывали русские дипломаты К.М. Базили, М. Чайковский, исследователи Н.М. Мартинович, Э.Б. Шапольо и др. Именно из-за своей социальной и политической заостренности история теневого театра на Ближнем Востоке (в т.ч. и в Турции) знает немало случаев жестокой расправы над актерами, сжигания кукол, запрещения представлений.

²⁴ Кадий – духовный судья в Османской Турции.

корыстолюбии, взяточничестве и др., актуальны и для современной действительности (в том числе и турецкой), но также и намек на ограничение политических свобод в Турции второй половины XX – начала XXI вв., а расправа с Хадживатом и Карагёзом за их «острый» язык связана с нашумевшими убийствами некоторых турецких общественных деятелей, произошедших в последние десятилетия. К их числу можно отнести убийство журналистов Абди Ипекчи, Угура Мумджу и др., статьи и высказывания которых отличались политической заостренностью.

В фильме контаминируются многие элементы народной драмы. Так, в картине представлены основные ее типажи: Хадживат, выступающий под маской «грамотея», и Карагёз – «простачек», с характерными для них атрибутами (например, дубинка Карагёза, которую он постоянно держит при себе, только и дожидаясь случая, чтобы ею воспользоваться и др.). Неизменными остались два из четырех обязательных композиционных элементов народной драмы. Первый представляет собою пролог «мукаддеме», состоящий из выхода Хадживата и исполнения им семаи. Современные аранжировки традиционных семаи, в том числе и такой известной, как «Не люби девять возлюбленных» (*Sevme dokuz yar*), инкорпорируются в фильм не как часть театрального представления, а в качестве закадрового сопровождения, выступающего наряду с тюркью и агытами²⁵ своеобразным «фоном», на котором разворачиваются основные события кинокартины. Имеет место здесь и второй неизменный композиционный элемент представления – диалог между Хадживатом и Карагёзом, в конце которого Карагёз побивает Хадживата палками.

Интересно, что режиссер фильма сохранил художественный язык традиционных представлений с обязательным «речевым конфликтом», обусловленным разным уровнем воспитания и образования героев: утонченный, изящный, пересыпанный арабскими и персидскими словами язык Хадживата противопоставлен здесь грубому, полному бранных слов, языку Карагёза. Упомянем также общую стилизацию речи всех действующих лиц фильма, сохраняющей многие грамматические и фонетические явления более ранней формы турецкого языка – анатолийско-турецкого.

Обращает на себя внимание конфликт двух драматических традиций: европейской, представленной труппой греческих актеров²⁶, и народной турецкой в лице Хадживата и Карагёза. Если пьесы греческих актеров непонятны простому народу и даже знати, то представления с участием Хадживата и Карагёза находят прямой отклик и симпатию зрителей. Таким образом, в фильме выражается мысль о чуждости, непонятности европейской культуры турецкому народу и о необходимости укрепления собственных драматических традиций.

²⁵ Агыт – плач, жанровая песенная форма.

²⁶ Данный конфликт отражает реальную историческую ситуацию: известно, что греческие актерские труппы долгое время давали представления на территории Анатолии. Так, И.В. Боролина отмечает, что греческие актеры разыгрывали пантомиму во дворце Сельджукидов в середине XII в., при дворе Османов в конце XIV в., а на одном из празднеств XVI в. стамбульские греки ставили на Атмейданы развернутые пантомимы, почерпнутые из античной мифологии и христианской житийной литературы. При этом интересно, что западное искусство оказало значительное влияние на зрелищную культуру турок: в своих представлениях – *таклидах* («подражание») турки унаследовали от греческих мимов не только отдельные приемы и виды танцев, но и некоторые типажи и сюжеты [Боролина 1970: 391].

Отметим также режиссерскую находку в обосновании возможной версии возникновения традиционного театра «Карагёз»: фигуры героев фильма отбрасывают тени на стене, когда те выступают перед публикой в темное время суток²⁷.

Обращение режиссера к фольклорному материалу, с одной стороны, служит цели популяризовать легенду о возникновении традиционного театра в Турции, с другой же – является формой, в которую облачено авторское обращение к зрителю, непосредственно связанное с современной действительностью (проблемы влияния западной культуры на турецкую; политических свобод в Турции и др.).

Как видно, фольклорные элементы широко привлекаются современным турецким кинематографом, при этом характер и объем их включения обусловлены спецификой исходных жанров. Наиболее активно осваиваются кинематографом небольшие по объему песенные фольклорные жанры (тюркю, семай, агыт), так как они могут инкорпорироваться в кинокартину без каких-либо существенных изменений. Более крупные по объему фольклорные жанры, как, например, сказка или некоторые жанровые разновидности народной драмы, при перенесении на кинематографическую почву теряют некоторые жанровые составляющие, разрушаются как жанровое целое, но тем не менее узнаваемы по отдельным составляющим – элементам (персонажи, сюжетно-композиционные ходы, стилистика), которые обусловлены жанровыми особенностями самих кинокартин (комедия, мелодрама). Следует также отметить, что привлечение фольклорных элементов преследует в современном турецком кинематографе различные цели (создание определенного национального колорита; пародия на современную действительность, популяризация фольклорного материала и др.).

На наш взгляд, повышенное внимание молодых турецких режиссеров к национальным традициям и включение элементов фольклора в эстетическое пространство кинокартин связано с общей тенденцией усиления национального самосознания, которое в условиях активной глобализации и агрессивного вторжения в турецкую культуру американских и европейских кинематографических традиций становится ядром самосохранения турецкой нации.

Интересно в этом отношении отметить известное сходство в развитии турецкого кинематографа XX в. и турецкой литературы XIX в., освоение европейского материала для которой явилось определенной эволюционной стадией и, по выражению отечественного тюрколога И.В.Боролиной, «было поставлено на службу одной из важнейших задач – укреплению национального самосознания, развитию собственной национальной культуры» [Боролина 1975: 74].

ЛИТЕРАТУРА

- Боролина И.В.* Турецкая литература // Литература Востока в средние века. – М., 1970.
- Боролина И.В.* Турецкая литература // Литература Востока в новое время. – М., 1975.
- Боролина И.В.* Хрестоматия по турецкому фольклору. – Ч. II. – М., 1987.
- Овчинникова Л.В.* Литературная сказка XX в. Мир – Герой – Автор. – Южно-Сахалинск, 2000.
- Стеблева И.В.* Очерки турецкой мифологии: По материалам волшебной сказки. – М., 2002.
- Kunos Ignaz.* Özsmán-török népköltési gyűtemeny. – Т. II. – Budapest, 1889.

²⁷ В народном же театре игра теней отображается на белом освещенном экране, за которым и располагаются кожаные фигурки главных персонажей.

СООБЩЕНИЯ И ОБЗОРЫ

ПОДХОД К ОПИСАНИЮ ТУРЕЦКОГО
СЛОВОПРОИЗВОДСТВА*А. И. Чайковская*

В статье, посвященной турецкому словообразованию, предложен более точный – с позиций автора – вариант его системного описания. В ходе преподавания турецкого языка на восточном отделении ТЛУ (г.Таллинн) обнаружилось, что студенты очень заинтересованно отнеслись к данной проблематике, выбирая ее для курсовых и дипломных работ, а затем в той же области была выполнена и магистерская работа. В процессе руководства исследовательскими работами у нас выработался определенный подход к систематизации явлений словопроизводства, то видение тематики, которое ниже излагается.

Как известно, российская тюркология в своем теоретическом развитии, тесно взаимодействуя с общим языкознанием, одновременно многое черпает из русской лингвистики. Не будет преувеличением утверждать, что в данном случае теоретические позиции системного описания словообразования наиболее полно разработаны именно в русской лингвистике. В большой мере они могут быть применены при изучении других языков, в том числе и турецкого.

Некоторое затруднение в этом направлении вызвала идентификация самого предмета словообразования как области лингвистической науки в ее соотношении с морфемикой. Будучи тесно между собой связанными, эти сферы не вполне последовательно дифференцируются, что весьма осложняет системность описаний (ср. определения в БЭСЯ 1998: 313, 467; Русская 1980: 127, 133). Поэтому ниже мы будем исходить из следующих определений.

Морфемика – раздел языкознания, занимающийся изучением морфемной структуры имеющихся в языке слов; в морфемике на исходном уровне используются приемы морфологического анализа. В рамках морфемики выявляются все элементы слов, обладающие собственной грамматической семантикой и/или функцией, устанавливаются дифференциальные признаки таких элементов и условия их функционирования. Основными понятиями морфемики являются "морфема / морф", "корень слова = корневая морфема", "словоформа", а также "аффикс" со всеми позиционными разновидностями (префикс, суффикс, инфикс, интерфикс, конфикс, трансфикс, циркумфикс, постфикс и "окончание").

Словообразование как раздел языкознания занимается выявлением и описанием словообразовательной системы языка и базируется на изучении отношений словообразовательной мотивации между однокоренными словами, используя приемы словообразовательного анализа. Основными операционными

элементами выступают "основа слова" (основа базовая // исходная, производная, производящая и т.п.) и "словообразовательный формант".

Словообразование, как и другой раздел – морфология, находится в зависимом от морфемики положении, поскольку морфологический анализ словоформы с необходимостью должен предшествовать словообразовательному на стадии выявления однокоренных слов (о соотношении морфемного и словообразовательного анализа [СМРЯ 1986: 3–4], о соотношении словообразовательной структуры слова и его морфемного состава [Тихонов 1990: 30]). Соположение указанных разделов грамматики можно представить в виде следующей схемы:

Данная спецификация позволяет заключить, что турецкое словопроизводство изучалось почти исключительно с позиций морфемики: к настоящему времени произведена доскональная инвентаризация словообразовательных аффиксов, проведено описание семантики каждого аффикса в плане синхронии или диахронии, в некоторых работах – сравнительно с другими тюркскими языками. Такие описания в форме отдельных разделов содержатся во всех полных грамматиках турецкого языка, независимо от языка описания и места издания: это и фундаментальное исследование акад. А.Н.Кононова, и турецкие издания: Muharrem Ergin. *Türk Dil Bilgisi*; Tahsin Banguoğlu. *Türkçenin Grameri*; Zeynep Korkmaz. *Türkiye Türkçesi Grameri*", и труды Geoffrey Lewis'a и Jaklin Kornfilt. Из специальных исследований по тюркскому словообразованию необходимо отметить первые обстоятельные работы Э.В.Севортяна [1962; 1966], посвященные словообразованию в азербайджанском языке, а также фундаментальный труд Марселя Эрдала [Erdal 1991] по древнетюркскому словообразованию.

В грамматиках турецкого языка последнего времени словообразование представлено в целом традиционно: словообразовательные аффиксы делятся на 4 группы по признаку лексико-грамматической принадлежности производящих и производных основ к классу имен или глаголов и описываются далее по группам в алфавитном порядке. Различия наблюдаются в исходных положениях, содержании описаний, а также в количестве описываемых аффиксов.

М.Эргин в "*Türk Dil Bilgisi*" (2002) в своем описании исходит из трех позиций: звука (*Sesler*), слова (*Kelimeler*) и синтаксической конструкции (*Kelime gurupları ve cümleler* "словосочетания и предложения"). В составе слова он различает образуемые звуками слоги (*heceler*), корни (*kökler*) и аффиксы (*ekler*), но дополнительно вводит понятия "вспомогательные звуки" (*yardımcı sesler*), что соответствует понятию интерфикса, и "основа" (*gövde*). Аффиксы он делит в зависимости от их функции на словоизменятельные (*çekim ekleri*) и словообразовательные (*yapım ekleri*), а последние описывает по одному, поделив на 4 группы: 1) аффиксы образования имен от имен, 2) аффиксы образования глаголов от имен, 3) аффиксы образования имен от глаголов, 4) аффиксы образования глаголов от глаголов. В поаффиксном описании принимается во внимание этимология словообразовательных морфем, дается перечень их фонетических вариантов, отмечается продуктивность/непродуктивность, указывается (к сожалению, очень нерегулярно) семантика аффикса и везде обязательно приводятся примеры соответствующих производных слов. Историко-этимологические

справки в некоторых параграфах даются более обстоятельные, с привлечением данных из языков: "Eski Türkçe, Eski Anadolu Türkçesi и Batı Türkçesi" (напр. пп. 280, 282, 283), в других же описаниях отсутствуют вообще (напр. пп. 286–305).

Примерно ту же схему описания словопроизводства находим в грамматике Т.Банглуоглу (1998), который в структуре слова различает корень и аффиксы, но добавляет к ним нечто, называемое kökenler, что по описанию соответствует понятию gövde в книге предыдущего автора и может переводиться как "основа", но обязательно с тем уточнением, что турецкие грамматиканы понимают под своими терминами не любую основу, а только один ее вид в нашем понимании – производную основу первой степени мотивации [Banguoğlu 1998: 149–150]. Подтверждением тому служит еще одно дифференцируемое автором понятие – üremeler, поясняемое им как последующие производные более высоких ступеней мотивации, образующиеся при дальнейшем присоединении словообразовательных аффиксов к первичным производным kökenler. Таких ступеней может насчитываться вплоть до пяти (с. 150), т.е. в турецком слове возможны шесть ступеней мотивации. Примечательно также, что Т. Банглуоглу, в отличие от М.Эргина, не признает наличия в структуре турецкого слова вспомогательных звуков (yardımcı sesler), объясняя подобные явления вариативностью аффиксов (ekleme şeklinin değişmesi) (с. 75–76, 150). Далее производные делятся на уже известные 4 группы и рассматриваются в соответствии со словообразовательным формантом – аффиксом. Во внимание принимаются различный характер этимологической структуры корней (6 типов) и продуктивность аффиксов (4 класса: canlı, çok verimli; canlı, az verimli; cansız, üremeler bırakmış; dilimizde iz bırakmamış ekler) (с. 156–158). Автор четко различает два пути образования слов: деривацию – Üretim и словосложение – Birleşim. Сложные слова он делит на две группы – с именным и с глагольным основанием, анализируя их далее в соответствии с характером синтаксической связи и состава компонентов. Все посвященные словообразованию параграфы богато иллюстрированы примерами из диалектов, современного литературного языка и памятников.

Особый интерес представляет новая, огромная по объему, книга Зейнеп Коркмаз "Türkiye Türkçesi Grameri (Şekil Bilgisi)" (2003, 1224 с.), где проведен обстоятельный анализ структуры турецкого слова. Раздел грамматики, названный Şekil Bilgisi, автор определяет как "...bir dilin kök kelimelerini, eklerini, köklerle eklerin birleşme yolları, eklerin anlam ve görevlerini, türetme ve çekim özelliklerini ve şekille ilgili öteki konularını inceleyen gramer dalıdır", а его базовыми единицами считаются корень и аффикс слова: "Şekil bilgisinin temel öğeleri kelime kökleri ve ekleridir" [Korkmaz 2003: 5]. В качестве иноязычных соответствий термину Şekil Bilgisi автор называет арабское ilm-i sarf, английское Morphology, немецкие Formenlehre, Morphologie и французское morphologie, из чего можно заключить, что речь идет о морфемике как основе словообразования и морфологии. Словообразование определяется как türetme, осуществляемое с помощью словообразовательных аффиксов (yapım ekleri), присоединение которых к корню слова приводит к образованию именных или глагольных основ (ad ve fiil gövdeleri). Далее автор называет 6 структурных классов слов – I. Basit (yalın) kelimeler (kök kelimeler), II. Türemiş kelimeler, III. Birleşik kelimeler, IV. Kalıplaşmış kelimeler, V. Deyimleşmiş kelimeler, VI. Alıntı kelimeler, – что несколько противоречит утверждению несколькими строками ниже о наличии в турецком языке всего 3 структурных типов слова: простых, производных и сложных: "Türemiş ve birleşik adların dışında kalan bütün kelimeler basit kelime grubuna girer"

[Korkmaz 2003: 30]. Следуя традиции, словообразовательные аффиксы описываются далее по одному в четырех вышеназванных категориях. Содержание поаффиксных описаний в целом дается аналогично предыдущим авторам, но с обязательным указанием семантики формантов. Всего описывается $55 + 78 + 25 + 26 = 184$ турецких и 4 иноязычных аффикса (для сравнения: в грамматике Т.Банглуоглу приводится соответственно $53 + 54 + 19 + 26 = 152$, а в книге М.Эргина – $43 + 42 + 12 + 20 = 117$). Особую ценность работы З.Коркмаз составляют разделы, посвященные образованию сложных основ с классификацией соответствующих структурных типов по частям речи (*Birleşik Adlar*, *B. Sıfatlar*, *B. Zarflar*, *B. Zamirler*, *B. Bağlaçlar*, *B. Ünlemler*, *B. Fiiller*) и структуре словосочетания (*Ad Tamlaması kalıbındaki B. Adlar*, *İsnat Grubu Kalıbındaki B. Sıfatlar*, *Yaklaşma Fiilleri*, *Uzaklaşma Fiilleri* и т.п., всего 31 разновидность), а также обстоятельное освещение явлений, связанных с лексикализацией, грамматикализацией, образованием фразеологизмов и адаптацией лексических заимствований.

При исследовании морфемики слов проф. З.Коркмаз выделяет способ словопроизводства, который она называет “*kalıplaşma*” – “принятие формы, застывание”, что в определенной мере соотносимо с понятием лексикализации, когда словоформа, имеющая в своем составе, например, словоизменятельный аффикс, обретает в таком виде новое лексическое значение и начинает функционировать как новое самостоятельное слово. Но к этой категории автор относит все явления изменения обычных функций и семантики не только аффиксов, но и структурных типов слов. В последнем случае это понятие соотносимо уже не с лексикализацией, а с грамматикализацией, поскольку речь идет об образовании составных глаголов, конструкций, в которых глагол теряет свое обычное самостоятельное лексическое значение и обретает функцию вспомогательного элемента. Автор отмечает, что это явление тесно связано с образованием фразеологизмов, когда все или некоторые компоненты словосочетания меняют свою семантику (например, *can at-*, *gönül al-*, *eteği zil çal-*, *ağzına kilit vur-*, *saçına sakalina ak düş-*, *kendi başına ayakta dur-*). Коркмаз приводит немалое количество примеров подобных явлений, классифицируя их более чем в 20 типах составных основ (с. 153–157) и 30 деривационных типах (с. 160–174). Среди них такие примеры, как *dış-arı // iç-eri*, *aksi-ne*, *kış-a (kışın) // yaz-a (yazın)*, *yeni-den*, *top-tan*, *açık-tan açığ-a*, *tanı-dık (bilinen, tanınan kimse)*, *yi-yecek (yenecek nesne)*, *can-dan (samimi)*, *vakt-i-n-de*, *yol-u-n-da (doğru, iyi)*, *bir-i (kimse)*, *çoğ-u*, *can-ım*, *han-ım*, *güzel-im*, *efendi-m (yanıt ünlemi)*, *ye-miş (meyve, incir)*, *gel-ir (varidat)*, *çık-ar (menfaat)*, что несомненно демонстрирует лексикализацию грамматических форм слова на разных диахронических уровнях. Но сюда же отнесены и примеры типа *yılan-cık (bir hastalık)*, *tatar-cık (küçük bir sinek türü)*, *kızıl-ca (kızıla çalan bir çeşit buğday)*, *kara-man (bir cins koyun)*, где слово, состоящее из корня и словообразовательного аффикса, обретает новое значение, не связанное с семантикой составляющих его морфем, хотя в приведенных примерах некоторую аналогию метафоризации все же нельзя исключить.

В объемном труде Ж.Корнфилд “*Turkish*” (1997, 575 с.), издание которого было подготовлено и осуществлено в рамках серии “*Descriptive Grammars*”, руководимой Б.Комри, словообразованию посвящен подраздел *Derivational morphology*. Деривация представлена как механизм образования слов одного класса от слов другого или того же класса (части речи) при помощи продуктивных деривационных морфем с сопутствующими примерам указаниями их семантики. При этом различаются аффиксы, участвующие в производстве имен существительных,

глаголов, прилагательных и наречий от основ, принадлежащих к одному из тех же 4-х классов слов. Описание ведется по этим четырем классам с одним дополнительным параграфом, где с приведением примеров сообщаются некоторые иные возможности образования наречий – от числительных, местоимений, звукоподражательных слов (с. 466-467). В 5-ю группу объединены другие возможности, куда включены разного рода конструкции с послелогоми (*onun için, bu yüzden, bundan başka, tatile çıktıktan beri, tatile çıkana kadar*), с аффиксом-энклитикой *-dır* (*uzun zamandır konuşmadık*), обороты с *diye* (*ömrümde bilgisayar diye hiç bir şey görmedim*), с *olarak* (*dükükânda kitap olarak hiç bir şey yok*), с *-ye pazaran, -den itibaren*, а также отдельные формы сложных слов, составные глаголы, парные слова, повторы и пр., выделенные и характеризующие в основном как словосочетания с позиций синтаксиса (с. 467–482).

В европейских грамматиках турецкого языка словообразование рассматривалось в рамках морфологии. Так, в книге Г.Льюиса "Turkish Grammar" (1967) материал, относящийся к словообразованию, можно найти в разных разделах морфологии, хотя автор и посвящает словообразованию отдельную главу, названную *Word-formation*. В ней рассматривается формирование отглагольных субстантивов (существительных и прилагательных), отыменных глаголов, сложных и составных слов, включая аббревиатуры, лексические повторы, парные слова и словосочетания, состоящие из звукоподражательного слова и глагола (с. 219–236). Сюда он включает 28 типов аффиксальной деривации и 16 типов сложного словопроизводства. Часть материала, не будучи специально выделенной, но касающаяся словопроизводства, представлена в других главах, посвященных отдельным частям речи (напр., с. 146–152 – отглагольные глаголы, с.168–174 – имена действия и др.). Описание ведется от формы к значению, с хорошим иллюстративным материалом.

В результате можно сделать вывод, что в области турецкого словообразования наиболее описанной оказалась сфера аффиксальной деривации, хотя во всех работах наблюдение велось на уровне одной (обычно, первой) ступени мотивации. В этом отношении исследовательские работы к началу XXI в. по сути не отличаются от описаний арабоязычных трактатов XIV в. Ситуации многоступенчатой деривации, более сложные соотношения производных и производящих основ остаются неизученными, нет и единого подхода к самим понятиям корня, основы, производности (мотивации) основ, соотношению сложного производного слова и словосочетания.

Предлагаемый в данной статье подход к описанию турецкого словопроизводства имеет целью систематизировать понятийный аппарат и схему наблюдения, привести базовые понятия в соответствие с общелингвистическими и уравновесить их между собой, чтобы избежать внутренних противоречий. Модель описания теоретически нейтральна, т.е. не увязана конкретно с идеологией какой-либо частной теории из числа разрабатывавшихся во 2-й половине прошлого века, но она опирается на ряд исходных понятий, разработанных в русской лингвистике [Русская 1980] и реализованных А.Н.Тихоновым в его двухтомном словаре (1990).

Наш основной понятийный аппарат следующий.

- **основа** слова (исходная или базовая, производящая и производная или мотивирующая и мотивированная) – часть словоформы, которая остается неизменной при изменении грамматической формы слова (*göz-e, göz-ü, göz-ler-im-de* – основой данной изменяемой словоформы является корень *göz-* "глаз"; *göz-cü-yüm, göz-cü-ler, göz-cü-de* – основой слова является дериват первой ступени

мотивации göz-cü "наблюдатель; глазник (глазной врач)", включающий корневую морфему в качестве исходной основы göz- и словообразовательный аффикс -cü, выступающий здесь в качестве словообразовательного форманта; göz-cü-lük-te, göz-cü-lüğ-ü, göz-cü-lüğ-e – основой слова является göz-cü-lük/ğ "наблюдение, дозор; профессия глазного врача", дериват третьей ступени мотивации, куда входит корневая морфема göz- в качестве исходной основы, göz-cü- – производящая основа, состоящая из корня и деривационного аффикса, и -lük/ğ – второй деривационный аффикс, словообразовательный формант данного слова.

Отметим, что минимальная базовая основа равна одной корневой морфеме, т.е. корню слова, в отличие от турецких грамматик, где основой gövde / köken считается производная основа в противопоставлении корню kök.

- **словообразовательный формант** – минимальный формально-семантический элемент, отличающий производную основу от ее производящей; в турецком языке это в основном деривационный аффикс, но при иных способах производства слов-композигов, отличных от аффиксальной деривации, в этой функции могут использоваться другие языковые средства: определенный порядок связи составляющих слово компонентов; ударение; интерфиксы; определенная система флексий; произвольное, независимое от морфемного членения усечение морфем (при аббревиации); сочетание нескольких разноуровневых формантов.

- **словообразовательная модель** – формальная схема построения производных слов в зависимости от части речи производящей основы, словообразовательного форманта и части речи производной основы; словообразовательные модели выявляются в зависимости от грамматического класса мотивирующей и мотивированной основ и после установления форманта, описываются в соответствии со способом словообразования по определенной схеме.

В случае аффиксальной деривации модель описания следующая:

N-формант - N (например: N - /-CI / > N: göz-cü, göz-lük-çü);

N-формант - V (например: N - /-LE- / > V: göz-le-, baş-la-);

V-формант - N (например: V - /-mA / > N: gözle-me, başla-ma);

V-формант - V (например: V - /-t- / > V: gözle-t-, başla-t-)

(при полном описании включаются и другие части речи);

- **способ словообразования** – единица классификации, объединяющая производные, характеризующиеся одним классом (типом) словообразовательного форманта; в турецком языке можно выделить несколько различных способов образования слов: кроме традиционно наблюдаемых аффиксации и словосложения, также аффиксально-сложный, редупликация, калькирование, аббревиация, транспозиция (конверсия) (подтверждается данными бакалаврских работ);

- **словообразовательный тип** – объединяет производные основы по признаку общности словообразовательных моделей и способа словообразования; словообразовательные модели можно сгруппировать в несколько типов:

- 1) исходная основа, равная одной корневой морфеме + C-формант, равный одному C-аффиксу (производные типа göz-cü, göz-lük, göz-e, gün-ey);

- 2) исходная основа, равная одной корневой морфеме + C-формант, равный двум C-аффиксам (iyi-leş-, akıl-lan-);

- 3) производящая основа, равная одной корневой морфеме и одному C-аффиксу + C-формант, равный одному C-аффиксу (göz-le-m, göz-le-yici);

- 4) производящая основа, равная одной корневой морфеме и двум C-аффиксам + C-формант, равный одному C-аффиксу (iyi-leş-me, akıl-lan-ma);

5) производящая основа, равная одной корневой морфеме и трем С-аффиксам + С-формант, равный одному С-аффиксу (düz-el-t-ici-lik, düş-ün-ce-li-lik);

- К-морфема + К-морфема
- К-морфема + К-морфема + С-аффикс
- К-морфема + С-аффикс + К-морфема
- К-морфема + Г-аффикс + К-морфема
- К-морфема + С-аффикс + К-морфема + С-аффикс
- К-морфема + Г-аффикс + К-морфема + С-аффикс;

• **словообразовательная цепочка** – ряд однокоренных слов, находящихся в отношениях последовательной мотивации; начальным, исходным звеном цепочки является немотивированное слово (göz – gözet – gözetil – gözetilmek);

• **словообразовательное гнездо** – совокупность слов с тождественным корнем, упорядоченная в соответствии с отношениями словообразовательной мотивации (пример ниже);

• **словообразовательная мотивация** – отношение между двумя однокоренными словами, лексическое значение одного из которых либо определяется через значение другого, либо тождественно значению другого, но слова принадлежат к разным грамматическим классам и отличаются грамматическим значением своей части речи;

• **словообразовательная система** – совокупность всех словообразовательных единиц языка в их взаимосвязи и взаимодействии как часть общей языковой системы; это совокупность словообразовательных типов в их взаимодействии, а также совокупность словообразовательных гнезд.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ГНЕЗДО СЛОВА GÖZ 'ГЛАЗ'

Способ аффиксальной деривации

göz глаз

göz-cü наблюдатель, надсмотрщик; глазной врач

göz-cü-lük наблюдение, надзор; профессия глазного врача

göz-de фаворит, любимчик; любимый, модный

göz-de-lik положение фаворита, статус любимчика

göz-en привлекательный, симпатичный

göz-et- присматривать

göz-et-ici надзиратель

göz-et-il- быть под присмотром, быть учитываемым, соблюдаемым

göz-et-il-mek нахождение под присмотром

göz-et-im наблюдение, надзор

göz-et-le- следить, выслеживать

göz-et-le-me наблюдение, слежка

göz-et-le-mek выслеживание

göz-et-le-n- находиться под слежкой

göz-et-le-n-mek нахождение под слежкой

göz-et-le-yici наблюдатель, дозорный, разведчик

göz-et-me присматривание, забота, уход

göz-et-mek присматривание, ухаживание

göz-et-tir- заставить присматривать

göz-et-tir- me акт принуждения присматривать
 göz-et-tir-mek принуждение присматривать
 göz-gü зеркало
 göz-le- ждать, поджидать
 göz-le-ği место засады
 göz-le-k точка наблюдения
 göz-le-m наблюдение
 göz-le-m-ci наблюдатель, обозреватель
 göz-le-me-le- брать под наблюдение
 göz-le-m-le-me ведение наблюдения
 göz-le-m-le-mek взятие под наблюдение
 göz-le-me 1. выжидание, наблюдение; 2. блинчики, оладьи
 göz-le-me-ci продавец блинчиков
 göz-le-mek поджидание, выжидание
 göz-le-men наблюдатель, летчик-наблюдатель
 göz-le-n- находиться под наблюдением
 göz-le-n-me положение под наблюдением
 göz-le-n-mek быть под наблюдением
 göz-le-yici наблюдатель
 göz-lü имеющий (какие-л.) глаза
 göz-lü-lük зоркость
 göz-lük очки
 göz-lük-çü оптик; человек, продающий очки
 göz-lük-çü-lük оптика, мастерская по ремонту очков
 göz-lük-lü носящий очки, в очках
 göz-sel глазной, зрительный
 göz-süz безглазый, слепой
 göz-süz-lük слепота
 göz-ük- виднеться, показываться
 göz-ük-me стать видимым

Словосложение

Аффиксально-сложный способ

göz-açık-lığ-ı бдительность
 göz-ağrı-sı любовь, возлюбленный
 göz-ak-ı белок глаза
 göz-al-ıcı ослепительный, яркий, броский
 göz-al-ıcı-lık яркость, броскость
 göz-alt-ı наблюдение, надзор, слежка
 göz-bağ-cı колдун, фокусник
 göz-bağ-cı-lık колдовство; фокус
 göz-bağ-ı чародейство; глазная повязка
 göz-bebeğ-i зрачок глаза; любимый человек, свет очей
 göz-dağ-ı устрашение, угроза
 göz-demir-i становой якорь
 göz-diş-i глазной зуб
 göz-ev-i глазная впадина
 göz-karağ-ı веко
 göz-kırp-an мигательный

göz-pınar-ı внутренний угол глазной щели, глаза
 göz-taş-ı медный купорос
 göz-ü-aç ненасытный, алчный, завистливый
 göz-ü-açık расторопный, зоркий
 göz-ü-kağa бесстрашный
 göz-ü-pek храбрый, отважный
 göz-ü-pek-lik бесстрашие, отвага
 göz-ü-tok нежадный, довольствующийся малым

Впервые подобные образцы словообразовательных гнезд составила наша магистрант Инна Осипчук и показала их в своей магистерской диссертации "Именное словообразование в турецком языке" (Таллинн, 2004). Таким образом, положено начало исследовательской работе в этом направлении, которое предполагается разрабатывать дальше.

Системный подход позволяет выявить динамику языковых процессов и установить такие элементы системы как словообразовательные модели, типы, словообразовательные форманты и значения, построить цепочки и гнезда, проследить в них закономерности различного сочетания аффиксов и других формантов, описать явления синонимии, полисемии и омонимии морфем.

В теории языкознания не раз высказывалось мнение, что средства наблюдения, выработанные при изучении языка одного типа, в применении к изучению явлений иного типа могут исказить действительную картину его самобытности. В данном случае можно отметить факт положительного влияния такого опыта, когда применение схемы системного описания, выработанной при исследовании русского языка, оказалось весьма плодотворным в отношении языка и типологически и генетически иного строя, каким является турецкий, способствуя раскрытию богатства и красоты его словообразовательной системы.

ЛИТЕРАТУРА

- БЭЯ – *Большой энциклопедический словарь: Языкознание*, 1998. – М.: Большая Рос. энциклопедия.
- Кононов А.Н. *Грамматика современного турецкого литературного языка*. – М.:Л.: Изд-во АН СССР, 1956.
- Русская грамматика*. – Т.1. – М.: Наука, 1980.
- Севортян Э.В. *Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке: Опыт сравнительного анализа*. – М.: Изд-во вост. лит-ры, 1962.
- Севортян Э.В. *Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке: Опыт сравнительного исследования*. – М.: Изд-во вост. лит-ры, 1966.
- СМРЯ – *Кузнецова А.И., Ефремова Т.Ф.* *Словарь морфем русского языка*. – М.: Русский язык, 1986.
- Тихонов А.Н. *Словообразовательный словарь русского языка*. –Т.1. – М.: Русский язык, 1990.
- Banguoğlu T. *Türkçenin Grameri*. – Ankara: Ankara Üniversitesi Basımevi, 2000.
- Erdal M. *Old Turkic Word Formation. A Functional Approach to the Lexicon*. – Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1991.
- Ergin M. *Türk Dil Bilgisi*. – İstanbul: Bayrak, 2001.
- Korkmaz Z. *Türkiye Türkçesi Grameri (Şekil Bilgisi)* – Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları 827, 2003.
- Kornfilt J. *Turkish*. – London and New York: Routledge, 1997.
- Lewis G.L. *Turkish Grammar*. – Oxford: Oxford University Press, 1967.

ИЗУЧЕНИЕ ОМОНИМИИ В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

Ф.С.Хакимзянов

Явление омонимии довольно широко началось изучаться с 20-х годов XX в., когда при отсутствии семантических связей между некоторыми словами (говоря современным языком, лексико-семантическими вариантами), обладающими тождественной формой, стали говорить об одноименности. Несмотря на это, до сих пор существуют различия взглядов в определении омонимов, их видов, взаимоотношения омонимии и полисемии [подробнее см.: Большой 1998: 344–345]. Особенно разнообразны толкования омонимов, как свойства языковых выражений, имеющих несколько значений, на сайтах Интернета.

Не ставя перед собой цель всестороннего изучения проблемы омонимии (а у нас цель довольно скромнее – рассмотреть данный вопрос в рамках татарского языкознания) все же приведем несколько примеров из учебников по русскому языку, т.к. они наиболее доступны для всех, а русское языкознание часто выступало образцом для подражания. Так, например, в справочнике М.Т.Баранова, Т.А.Костяевой, А.В.Прудниковой «Русский язык: Справочные материалы» [Баранова 1989: 23], который ориентирован на среднюю школу, омонимами называются «слова одной и той же части речи, одинаковые по звучанию и написанию, но разные по лексическому значению». Видимо, из-за узкоориентированности здесь речь идет лишь о лексических омонимах, хотя другие слова, совпадающие по каким-либо другим параметрам типа замо́к ~ замо́к, труд ~ трут и т.д., указываются лишь как «другие слова».

В учебнике же для вузов под ред. П.А.Леканта «Современный русский литературный язык» [Лекант 1996: 13–16], хотя авторы основное внимание уделяют на лексические омонимы (разделяя их на полные и неполные, т.е. частичные), делают примечание, что «от лексической омонимии следует отличать случаи так называемой относительной омонимии: омофоны, омоформы и омографы» [там же: 14]. Раз речь идет о словах-омонимах, действительно, между ними не может быть никакой ассоциативной связи, т.к. они соотносятся с явлениями действительности, никак между собой несвязанными. Вопрос полноты-неполноты омонимов, на наш взгляд, несколько запутывает проблему. Даже при признании омонимами (абсолютными или применив иной термин) лишь лексические омонимы, опираясь на их созвучии, тождественности написания и различия значений, по мнению некоторых ученых, полными могут только те, которые будут совпадать во всех грамматических формах, а неполными – у которых система грамматических форм совпадает лишь частично. Появляется и дополнительное условие – принадлежность к одной и той же части речи. Рассуждая логически, если мы берем для анализа с целью определения их

омонимичности два или несколько слов, перед нами находятся только лишь эти материалы. Значит, мы должны рассуждать в синхроническом плане, не делая выводов, исходя из их происхождения, и придерживаясь конструкции слова, имеющего определенное, конкретное лексическое и грамматическое значение. Какие еще имеются грамматические значения, пусть даже в пределах одной грамматической категории – это задача другого плана.

Что же касается татарского языкознания, в 1931 г. М.Бактиков [1931: 64–65], рассуждая о формировании языка из междометий, упоминает и слова, одинаковые по оформленности, но имеющие различные значения. Автор отмечает, что такое однозвучие чаще всего наблюдается между именем и прилагательным, а также между именем и глаголом. В подтверждение этому составляет таблицу, где указывает причину омонимичности слов.

В 1941 г. ученый-литератор Г. Сагди [1941] в своем учебнике для средних школ по теории литературы дает сведения и по омонимии слов. Он пишет, что «среди слов в речи имеется много слов, одинаковые по своему звуковому оформлению, но передающие совершенные иные значения» и, подтверждая сказанное, приводит ряд примеров.

В 1954 г. Институтом языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР был опубликован труд Ш.А.Рамазанова «Очерки по татарскому языку» на татарском языке [Рамазанов: 1954]. В книге, являющейся сборником его различных трудов, на стр. 93–132 помещена статья «Словарный состав современного татарского языка (лексика и фразеология)». Если учесть то, что ученый скончался в 1948 г., можно предположить написание данной статьи до этого периода. Ш.Рамазанов [1954: 126–127], говоря о словарном составе литературного языка, касается и проблемы омонимов. Он называет их «отдельными словами, состоящими из одних и тех же звуков» и дает следующее определение: «Если представленные в одной лексической единице значения полностью отличаются друг от друга, в таком случае это будет не одним словом, а, исходя из различия значений, будут совершенно другими словами – омонимами» [там же: 126]. Омонимы он разделил на основные (т.е. корневые) и производные (корень + аффикс), на что составители его трудов тотчас откликнулись репликой, что вопрос существования омонимии с формообразующими аффиксами пока не доказана [там же: 127, прим.], что позволяет предположить, что в татарском языкознании того времени в основном речь велась о лексических омонимах. А между тем, автор обратил свое внимание лишь на структурное различие, он вообще не затрагивает виды омонимии, в его определении неудачным можно считать лишь выражение «представленные в одной лексической единице», речь идет о разных лексических единицах. Правда, если бы автор вел речь о языковых знаках, тогда не было бы и претензий, поскольку язык – семиотическая система с жестким соотношением между означаемым и означающим.

В 1954 г., когда В.Н.Хангильдин написал очерки по татарской морфологии, обращает внимание и на то, что аффиксы, состоящие из одних и тех же звуков, применяясь в различных значениях, могут выполнять функции как словообразовательных, так и словоизменяющих формантов. Он называет их «созвучными аффиксами» (омонимами) [Хангильдин 1954: 29; 1959: 33]

В течение ряда лет вопрос омонимии и омонимичности поднимается лишь при изучении словарного состава языка. В 1959 г. же Х.Р.Курбатов [Курбатов 1959: 85–90], обратив внимание и на возможность грамматических форм образовывать омонимы, опираясь на труды Л.А.Булаховского, В.В.Виноградова, Е.Е.Шендельса и др., поднял вопрос о грамматических омонимах в татарском языке. Вначале он высказал свое мнение вообще об омонимии и выделил в татарском языке три

группы омонимов: 1) лексические, 2) лексико-грамматические и 3) грамматические (морфологические и синтаксические) омонимы. Он определяет лексические омонимы как слова с совершенно другими значениями, одинаковыми не только по произношению (или звучанию), но и с точки зрения грамматики, относящиеся к одной и той же части речи [там же: 86].

Лексико-грамматические омонимы же, по мнению автора, те омонимичные слова, которые относятся к различным частям речи и отличающиеся с точки зрения грамматики. Однако, строчкой выше, говоря о лексических омонимах, он замечает, что «в других случаях эти же слова (т.е. лексические омонимы. – Ф.Х.) могут быть и лексико-грамматическими омонимами» [там же: 86]. Видимо, то, к одной и той же или к различным частям речи относятся омонимичные слова, и определяет вид омонима. Однако часть речи, по сути, это грамматическая категория, и, являясь системообразующей, определяет лишь категориальный признак слова, а не значение. Например, в татарском языке *яз* «весна» и *яз* (точнее, следует указать как *яз-*) «писать» относятся к различным частям речи – к имени существительному и глаголу. При различии лексического значения, эти слова оформлены одинаковым формантом, т.е. они имеют нулевую морфему. На наш взгляд, в такой ситуации все же их следует считать лексическими омонимами, а не лексико-грамматическими (грамматические значения у них совпадают). Здесь примечателен один факт: автор и вспомогательные глаголы причисляет к лексико-грамматическим омонимам, но ведь они не образуют часть речи!

Грамматическими омонимы Х.Р.Курбатовым подразделяются на оморфемы и омомодели. Под первым видом имеется в виду оморфемы (хотя автор так их не называет), разные по значению слова, совпадающие по звучанию в отдельных грамматических формах. Это могут быть падежи в нулевой форме (*Озын кичтә утлар яна жылы өйдә, Кызчыгына сөйли әкият карт әби дә.* Г.Тукай. 'Длинной ночью горят огни в теплом доме, И старая бабушка рассказывает сказки своей девчужке'; здесь "әби" и "әкият" хотя формально в именительной падеже, но выполняют функции именительного и винительного падежей), формант *-ка/-кә*, который в одних случаях является показателем направительного падежа, в других – образует новые слова; формант *-и*, который может образовывать и имена, и прилагательные. Таким образом автор перечисляет ряд оморфем, подтверждая свои мысли примерами.

Омомодели же выявляются в синтаксической структуре языка, когда в предложении разные члены предложения или предложения оформляются одним и тем же формантом [там же: 91–93].

Эти же идеи Х.Р.Курбатов повторяет и в другой работе, вышедшей на русском языке [Курбатов 1961: 307–311].

Р.Шакирова [1963: 152] хотя и посвящает свое исследование лексическим омонимам, их происхождению, касается и других вопросов, связанных с этой проблемой. Она выступает сторонницей разделения лексических омонимов (а по ее мнению, это «созвучные два или несколько слов») на: 1) омонимы, относящиеся к одной и той же грамматической категории и 2) омонимы, относящиеся к различным грамматическим категориям. Примечательно то, что автор избегает употреблять термин «лексико-грамматические омонимы».

Исследователь отмечает образование *грамматических* омонимов (параллельно применяет и термин «оморфемы») при помощи аффиксов, имеющих два или несколько значений.

По мнению Р.Шакировой, большинство омонимов в татарском языке сформировалось путем расщепления значений. В то же время в языке, наряду с образованием омонимов, параллельно наблюдается тенденция и к освобождению от омонимии. В языке, например, много омонимов из-за субстантивации прилагательных и глаголов, омонимия увеличивается и из-за фонетических изменений. Автор попутно касается и появления омоформ, основывающихся на отношении различных грамматических форм слова и строения омонимов (делит традиционно на основные и производные).

В 1965 г. был издан коллективный труд на татарском языке “Современный татарский литературный язык”, где имеется подраздел об омонимах (автор К.С.Сабилов) [Хазерге 1965: 27–34]. Автор постарался изложить здесь накопленные в татарском языкознании теоретические знания и практические разработки в данной области, поэтому, хотя и затрагивает вопрос омоформ, омографов и омофонов, основное внимание уделяет на лексические и лексико-грамматические омонимы. Это ощущается и по его определению омонимов, когда он считает омонимами слова, отличающиеся по значению, но тождественные по произношению и написанию [там же: 29]. Опираясь на традицию, К.С.Сабилов выбирает критерий отнесенности к одному или нескольким частям речи основным принципом для разделения лексических и лексико-грамматических омонимов. Исследователь обращает внимание и на то, что лексические омонимы в большинстве случаев произошли из одного корня (это касается, прежде всего, имен, прилагательных и глаголов), т.е. тем самым делается намек на связь с полисемией. Поэтому остается актуальной и проблема отделения полисемии от явления омонимии, потому что язык находится в постоянном движении (говоря словами В.Гумбольдта, язык – это само движение) и на сегодняшний день (а мы определяем омонимы, исходя из состояния сегодняшнего дня) имеются слова, находящиеся на стадии четверть омонимичности или полу омонимичности.

В языкознании омонимичность предлагается определять путем сравнения их синонимов, К.С.Сабилов поддерживает такую методику и предлагает ее использовать. Он также придерживается разделения омонимов на корневые и производные, т.е. составляющие основу слова.

В те годы в русской лексикологии было популярно разделение омонимов на полные и частичные виды. Придерживаясь этого, К.С.Сабилов омонимы татарского языка предлагает делить так же на полные и неполные (частичные). Положительным следует считать, относительно полное рассмотрение путей образования омонимов, которые по мнению автора, следующие: 1) происходя из одного корня, отдаление значений в ходе исторического развития, 2) изменение произношений и написаний из-за фонетических изменений, 3) случайная схожесть с заимствованиями, 4) омонимичность диалектных и литературных лексем.

В 1969–1971 гг. в Москве был издан двухтомный труд “Современный татарский литературный язык” [Современный 1969], в 1-ом томе которого К.С.Сабилов [там же: 55–58] освещает вопрос формирования омонимов: это может быть семантическая эволюция слова или случайное совпадение звукового состава. Автор, хотя и не употребляет термина «лексические омонимы», ведет речь именно о них.

К.С.Сабилов подчеркивает, что в татарском языке имеются *омоформы*, *омофоны* и *омографы*. Как он пишет, омоформы возникают тогда, когда слова с тождественным звуковым составом присутствуют в разных частях речи в какой-либо морфологической форме. Наиболее распространены омонимия имени и формы повелительного наклонения 2-го лица един.числа (*чык* ‘роса’ и ‘выйди’); имени и глагола в изъявительном наклонении (*ага* ‘дядя’ и ‘течет’, калдык ‘остаток’ и ‘остались’, *сулу* ‘дыхание’ и ‘внудить’, – должно быть ‘высыхание’, это имя действия).

– Ф.Х.); имени и прилагательного (*тын* ‘дыхание’ и ‘тихий’); имени и местоимения или частицы, глагола и прилагательного, глагола и наречия, глагола и модального слова. Все же следует сказать, что перевод имени действия как инфинитив (это в татарском языкознании присутствует и в настоящее время) и на основе этого констатировать какую-либо модель не совсем научно (см. у К.С.Сабирова как омонимия имени и глагола: *дию* ‘демон’ и ‘сказать’ – однако это имя действия ‘сказание’, ‘говорение’). Все представление этого вида как омоформы, а не как омоморфемы (которые по сути лишь образуют омоформы) следует считать шагом вперед.

К.С.Сабиров кроме того дает свое понимание омофонов и омографов, подкрепляет свои суждения примерами из татарского языка (например: *ат ала* ‘покупает коня’ ~ *атада* ‘называется’ и *карамá* ‘вязь’ ~ *кара́ма* ‘не смотри’).

С.М.Ибрагимов в статье, опубликованной в 1970 г., основное внимание обращает на синтаксические синонимы, но в то же время высказывается и о синтаксических омонимах, которых определяет как словосочетания, обороты или предложения, имеющих несколько значений при тождестве синтаксической структуры [Ибрагимов 1970: 211]. Приведем один из его примеров: *Капитан Гатин өстәле белән яншигә торган кәнәфигә утырды*. А.Расих ‘Капитан Гатин сел на софу, стоящей рядом с его столом’. Это предложено можно понять тройко: 1) какой-то капитан сел на софу, стоящей рядом со столом какого-то Гатина, 2) капитан Гатин сел на софу, стоящей рядом с его столом, 3) некто сел на софу, стоящей рядом со столом капитана Гатина. Значит, здесь налицо явление омонимии.

Автор предлагает делить синтаксические омонимы на положительные и отрицательные виды и аргументирует это рядом примеров (подробнее см.: [Хакимзянов 2004а]).

В эти же годы начинает изучать омонимию в татарском языке и Б.С.Салимгараева (Б.С.Газизова), которая в 1971 г. завершает свое исследование и в 1972 г. защищает его в качестве кандидатской диссертации [Салимгараева 1971; Салимгараева 1972]. У нее выходят труды и о лексических омонимах, и о лексико-грамматических омонимах татарского языка, и о путях образования омонимов [Салимгараева 1971а; 1971б; 1972; 1972а; 1982]. Омонимию в татарском языке она охарактеризовала следующим образом: «В татарском языке омонимами называют слова, аффиксы и различные конструкции, одинаково звучащие, но передающие различные значения» [Салимгараева 1972: 52]. На первый взгляд, вроде нет места для возражений. Если не считать, конечно, употребления выражения *яңгыраш* ‘звучание’, который больше подходит для определения сущности омофонов. В некоторых западных языках имеются слова, оформленные разными знаками, но читающиеся и звучащиеся одинаково, ср. англ. *right* ~ *write* [raɪt], *for* ~ *four* [fɔː], *knight* ~ *night* [naɪt], *flower* ~ *flour* [flaʊə], франц. *pot* ~ *peau* [po] и т.д. и это является больше вопросом орфографии. Если решение вопроса увяжем лишь со звучанием, говоря иначе, возьмем звучание основным принципом для определения омонимии, будем вынуждены признавать ее фактом речи, однако речь каждого индивида своеобразна, и, если, например, татарское слово *суз* ‘слово’ одни, согласно произносительным законам татарского языка ауслатный согласный оглушают (получается омонимия со словом *сүс* ‘пакля’), то некоторые сохраняют звонкое звучание. Значит, звучание не может быть определяющим критерием. Возможно, мы здесь сталкиваемся с неудачным переводом на татарский язык русского слова “звучание” в определении “Омонимы (от греч. *homos* – одинаковый и *опута* – имя) – разные по значению, но одинаково звучащие и/или пишущиеся единицы языка (слова, морфемы и др.)”.

Что касается самих омонимов, то Салимгараева Б.С., отметив неконкретность критериев классификации омонимов в татарском языке, исходя

из лексико-семантических и грамматических значений, делает особый упор на нераскрытие сущности лексико-грамматических омонимов. Все же, опираясь на существовавшее в то время тенденцию, делит омонимы на лексические, лексико-грамматические и грамматические. По мнению автора, лексическими омонимами могут называться только те, которые относятся к одному и тому же грамматическому классу и совпадают по своему звуковому оформлению во всех грамматических формах [Салимгарева 1982, 7]. Естественно, она придерживалась одного из господствующего мнений того времени. Однако, когда определяется омонимичность слов, рассматриваются конкретные слова, в конкретной грамматической форме, поэтому другие формы этих слов не должны учитываться, совпадение каких-либо форм в парадигме не может выступать критерием омонимичности, тем более лексической.

Останавливаясь на путях формирования лексических омонимов, Б.С.Салимгарева подробно описывает 8 видов, на основе которых возникают омонимы. Одним из видов считается субстантивация имени действия, что противоречит теоретическим постулатам автора о сущности лексического омонима: например, *улчау* 'взвешивание' и *улчау* 'весы', *сынау* 'испытание' и *сынау* 'экзамен' не относятся к одному грамматическому классу (даже оставляя в стороне вопрос насколько они удалились от многозначности). Спорно принятие переносного значения одного слова лексическим значением другого конкретного слова, ср.: *төлке* 'лиса' и *төлке* 'хитрый (о человеке)'. Возникновение переносного значения ведет к полисемии и между парами сохраняется ассоциативная связь. Это относится и к таким словам, приведенным автором в качестве омонимов, как *бугаз* 'горло' и географический термин 'пролив', *итэк* 'подол (платья)' и 'подошва (горы), предгорье', мал 'скот' и 'богатство'.

Говоря о лексико-грамматических омонимах (иногда они называются и омоформами), автор, как было указано и в «Современном татарском литературном языке» [Хэзерге 1965], отметив, что представление компонентов только разных грамматических классов недостаточно, вносит добавления. Во-первых, созвучные слова должны совпадать и в разных грамматических формах. во-вторых, лексико-грамматические омонимы в татарском языке могут представлять и одну часть речи. Отсюда делается вывод, что «слова, совпадающие между собой в разных грамматических формах будут лексико-грамматическими омонимами (омоформами). Однако омоформами могут быть и слова, совпадающие лишь в какой-нибудь одной грамматической форме, а необязательность этих слов быть из разных частей речи следует считать определенным шагом вперед.

В части определения грамматических омонимов (т.е. омоморфем и омомоделей) автор придерживается положений, которые уже фигурировали в предыдущих публикациях ученых и он всецело следует за ними.

В 1967 г. Г.Х.Әхәтов опубликовал статью об омонимах в татарском языке, основные мысли нашли отражение и в его учебнике [Әхәтов 1967: 37–40; 1975: 21–26]. Вначале он заявляет, что омонимами могут быть «слова, одинаково произносимые, но имеющие различные значения», т.е. в основном ведет речь о лексических омонимах. Опираясь на лексико-семантические и грамматические значения, омонимы делятся на 4 группы, которые называются как лексические (корневые слова и относятся к одной части речи; однако уже в своих примерах автор отходит от второго условия, см.: *сыз* 'черти' ~ *сыз* 'уходи' — раз эти слова в форме повелительного наклонения, они не могут быть корневыми, а лишь совпадают

с корнем), лексико-грамматические (относятся к различным частям речи; однако в примерах *сузлекча* 'словарик' ~ *сузлѣкча* 'по-словарю', *кодачя* 'сватья' ~ *кодѣча* 'по-свату' омонимия образуется из-за различия места ударения), грамматические (омоморфемы и омомодели), фразеологические (в прямом значении и как фразеологический оборот) омонимы.

Ввиду того, что данная работа представлена как учебное пособие, автор сделал попытку осветить обширный круг вопросов по омонимии и остановился на типах лексико-грамматических омонимов (выявил около 20-ти типов), на группах омонимов (здесь упомянуты и омоформы, и омофоны, и омографы), на их структурных особенностях, на образовании омонимов. Вспоминая его определение об омонимах остается впечатление, что автор омонимами признает лишь лексические омонимы, а другие, видимо, считает смежными с омонимией явлениями, хотя об этом и не высказывается.

Специалист по истории литературного языка В.Х.Хаков [1977: 3–9] одну из своих работ посвящает выявлению семантико-стилистических особенностей омонимичных и многозначных слов, где отмечает, что некоторые значения слов могут исчезнуть, слова могут перейти и в разряд омонимов. Он рассматривает и применение омонимов в литературных произведениях (особенно в каламбурах).

Здесь, видимо, нелишне будет отметить и статьи Р.Губаева, опубликованные в журнале "Магариф". Вначале в 1978 г. он издал свою статью об омофонах, в которой высказал свое видение об омофонах и с доказательными примерами указал 17 моделей этого явления [Гобѣев 1978: 39–40]. Затем он публикует статью о лексико-грамматических омонимах [Гобѣев 1981: 21–23], омоформах [Гобѣев 1983: 20–23] и омографах [Гобѣев 1985: 21–24], фразеологических омонимах [Гобѣев 1997: 18–20]. Эти работы в основном выполнены в русле других исследований, существовавших в татарском языкознании в то время, иногда автор нечетко разделяет лексико-грамматические омонимы от омоформ и омографов.

Говоря об омонимии слов, нельзя не упомянуть и имени Ф.С.Сафиуллиной, автора многих учебников, в которых даются сведения и об омонимах. Статус учебника предполагает освещение определенных сторон этой проблемы, в чем они схожи с учебником Г.Х.Ахатова. В своей специальной работе по татарской лексикологии Ф.С.Сафиуллина [1999: 42] омонимам дает такое определение: "Омонимнар – бертөрле аваз составына ия булган төрле сүзләр, икенче төрле эйткәндә – аваздаш сүзләр", т.е. это разные слова, тождественные по звуковому составу. Хотя автор призывает не путать омонимию с многозначностью, в этом определении получилось как раз то, от чего призывает избегать (это же повторяется и в других работах [Сафиуллина 1993; Сафиуллина, Зәкиев 2002]). Он пропустил упомянуть о необходимости различия значений этих слов.

Здесь представлены все виды омонимов (кроме фразеологических), затронут вопрос появления омонимии. К сожалению, в учебнике нашли отражение и некоторые нерешенные вопросы и неточности, например, автор традиционно относит к лексическим омонимам корневые слова, относящиеся к одной части речи и иллюстрирует это примерами *кушу* 'присоединение' и 'веление', *ишү* 'делать гребки' и 'разрушение', которые не являются корневыми [Сафиуллина 1999: 28]. По нашему мнению, необходимо продумать критерий отделения лексических омонимов от лексико-грамматических (вообще, стоит ли их так называть?).

В татарском языкознании омонимами признаются явления в более широком понимании этого слова, однако в определении иногда смешиваются понятия абсолютных и относительных омонимов. Здесь хочется привести определение Х.Х.Салимова, которое, на наш взгляд, наиболее точно характеризует сущность омонимов; омонимия – "мәгънәләре төрле булган ике яки берничә тел берәмлегенң аваз составы ягыннан тәңгәл килүе" [Салим 2001: 49]. Здесь учтены и необходимость

различия значений, и звуковое тождество. Данная точка зрения созвучна и с определением, принятым в языкознании [Большой: 344–345].

С нашей стороны также была предпринята попытка классификации омонимов, придерживаясь более широкого понимания явления мнимости, включая и абсолютных омонимов, и омонимического употребления в речи разнообразных видов [Хәкимҗан 2004]. В результате омонимы были нами разделены на следующие виды: 1) лексические омонимы, 2) грамматические омонимы (или омоформы), 3) фонетические омонимы (или омофоны), 4) графические омонимы (или омографы), 5) фразеологические омонимы, 6) синтаксические омонимы (омомодели, омосинтагмы). С целью придания завершенности системе к ним можно присоединить и морфологические омонимы (омоморфемы) со стилистическими омонимами (омостилемами).

ЛИТЕРАТУРА

- Бактиков М.* Төрләчә мәгънә аңлаткан бер үк сүзләр төркеме//«Мәгариф» ж., 1931, №7–8.–С.64–65.
- Баранов М.Т., Костяева Т.А., Прудникова А.В.* «Русский язык: Справочные материалы». – М.: Просвещение, 1989.
- Большой энциклопедический словарь: Языкознание/Гл.ред. В.Н.Ярцева.* – М.: НИ «Большая Рос. Энциклопедия», 1998.
- Гобәев Р.* Татар телендә омофоннарның ясалыш үзенчәлекләре//“Совет мәктәбе” ж. – Казан, 1978, №3. – Б.39–40.
- Гобәев Р.* Телдәге лексик-грамматик омонимнар//“Совет мәктәбе” ж. – Казан, 1981, №10. – Б.21–23.
- Гобәев Р.* Телебездә омоформалар//“Совет мәктәбе” ж. – Казан, 1983, №10. – Б.20–23; №11. – Б.19–20.
- Гобәев Р.* Телебездә омографлар//“Совет мәктәбе” ж. – Казан, 1985, №7. – Б.21–24.
- Гобәев Р.* Фразеологик омонимнар//“Мәгариф” ж. – Казан, 1997, №7. – Б.18–20.
- Ибраһимов С.М.* Татар телендә синтаксик синонимнар һәм омонимнар//Вопросы тюркологии. – Казань, 1970. – Б.207–218.
- Курбатов Х.* Татар телендә грамматик омонимнар//Татар теле һәм әдәбияты [ТЭТИ СССР ФА КФ]. – 1-чыг. – Казан: Татар.кит.нәшр., 1959. – Б.85–93.
- Курбатов Х.Р.* Грамматическая омонимия в современном татарском языке//Памяти В.А.Богородицкого (к столетию со дня рождения; 1857–1957): Учен. зап-ки КГУ. – Т.119, кн.5, 1959. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1961. – С.307–311.
- Рамазанов Ш.А.* Татар теле буенча очерклар. – Казан: Таткнигоиздат, 1954. – 200 б.
- Салимгараева Б.С.* Омонимы в современном татарском языке: Афтореф. дис. ... канд.филол.наук. – Уфа, 1972. – 15 с. По словам А.Г.Каримуллина, данный втореферат был опубликован и под ее девичьей фамилией Газизова.
- Сафиуллина Ф.С.* Хәзерге татар әдәби теле: Югары уку йортларының әзерлек факультетлары һәм абитуриентлар өчен. – Казан: Казан ун-ты нәшр., 1993. – 284 б.
- Сафиуллина Ф.С.* Хәзерге татар әдәби теле: Лексикология. Югары уку йортлары студентлары өчен. – Казан: Хәтер, 1999.
- Сафиуллина Ф.С., Зәкиев М.З.* Хәзерге татар әдәби теле: Югары һәм урта уку йортлары өчен д-лек. – Тулыл. 2 нче басма.– Казан: Мәгариф, 2002.
- Сәгъди Г.-җан.* Әдәбият теориясе. – Казан: Татиздат, 1941.– 122 б.
- Сәлим Х.* Тел гыйлеме терминнары сүзлеге. – Алабуга, 2001.– 88 б.
- Сәлимгәрәва Б.С.* Хәзерге татар телендә омонимнар: Дис. ... канд.филол.наук. – Уфа, 1971.– 212 б.;
- Сәлимгәрәва Б.С.* Татар телендә лексик омонимнар//Татар телен, әдәбиятын уку методикасы мәсьәләләре. – Уфа, 1971а. – Б.79–81;

Салимгәрәева Б.С. Татар телендә лексик-грамматик омонимнар//Татар телен, әдәбиятын укыту методикасы мәсьәләре. – Уфа, 1971б. – Б.82–85.

Салимгәрәева Б. Татар телендә омонимнарның барлыкка килү юллары//Татар теле мәсьәләләре: Башкорт дәүләт университетының гыйльми язмалары. – 45-чыг. Филол. фәннәре сериясе, №18. Уфа, 1972. – Б.52–60.

Салимгәрәева Б.С. Татар телендә омонимнарның барлыкка килүенә карата//«Сов. мәктәбе» ж. – Казан, 1972а, №5. – Б.26.

Салимгәрәева Б.С. Татар телендә омонимнар. – Уфа: Башкорт дәүләт ун-ты, 1982.

Современный русский литературный язык/Отв. ред. М.А.Лекант. – М.: «Высшая школа», 1996.

Современный татарский литературный язык: Лексикология, фонетика, морфология. – М.: Наука, 1969. – 384 с.; Т.2: Синтаксис. – М.: Наука, 1971. – 312 с.

Фомина М.И. Современный русский язык: Лексикология. – Изд. 4-ое, исправ. – М.: Высшая школа, 2001.

Хаков В.Х. Күп мәгънәле сүзләрнең һәм омонимнарның семантик-стилистик үзенчәлекләренә карата//Исследования по татарскому языку. – Изд-во Казан. ун-та, 1977 – С.3–9.

Хангильдин В.Н. Татар теле грамматикасы: Морфология буенча очерклар. – Казан: Таткнигоиздат, 1954. – С.29; *его же.* Татар теле грамматикасы. – Казан: Татар.кит. нәшр., 1959. – С.33.

Хәзерге татар әдәби теле. – Казан, 1965.

Хәкимҗан Ф. Татар тел белемендә омонимнарны өйрәнү//Татар телен өйрәнү. – Казан: Humanitara, 2004а. – С.55–77.

Хәкимҗан Ф. Омонимлык һәм омонимнарны төркемләү//Ученые зап-ки ТГПИ – Казань, 2004, №12. – С.16–25.

Шакирова Р. Лексик омонимия һәм аларның этимологиясе//Татар теле һәм әдәбияты [ТӘТИ]. – 2-чыг. – Казан, 1963. – С.152–157.

Әхәтов Г.Х. Татар телендә омонимнар//«Башкортостан укытусыһы» ж. – Өфө, 1967, №1. – Б.37–40.

Әхәтов Г.Х. Хәзерге татар телендә лексикасы: Югары уку йортларының татар теле һәм әдәбияты бүлекләрендә читтән торып укучы студентлар өчен кулланма. – Уфа, 1975. – 132 б. Эти же мысли повторяются и в другой его работе, см.: *Әхәтов Г.Х.* Татар телендә лексикасы: Педагогия институтлары һәм колледжлары өчен кулланма. – Казан: Татар.кит.нәшр., 1995. – 94 б.

Прошлогодний выпуск ежегодника "Языковые уровни и их анализ (на материале языков разных систем)" (Казань, 2008) был посвящен 70-летию академика АН РТ, доктора филологических наук, профессора, заведующего кафедрой татарского языкознания ТГГПУ Рузала Абдуллазяновича Юсупова.

В сборнике, наряду с различными исследованиями, выполненными на материале тюркских, славянских, индо-европейских языков, нашли отражение и такие работы как: Конрад Попп (г.Икике, Чили) "К вопросу о структурных сходствах между отдельными языками коренных жителей Южной Америки и тюркскими", А.Валиева-Хайруллина (г.Алгарве, Португалия) "Common wealth Horizon of Bulgar Ethnological and cultural Development Reflected by the Role of the Norse", А.Г.Серткайа (г.Стамбул, Турция) "О копиях «Сирадж-уль Кулюб» и его хорезмско-золотоордынский вариант" и др.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

**ПРОЕКТ «ДОКУМЕНТАЦИЯ, КАТАЛОГИЗАЦИЯ,
ДЕШИФРОВКА И ПУБЛИКАЦИЯ ДРЕВНЕТЮРКСКИХ
РУНИЧЕСКИХ ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКОВ РЕСПУБЛИКИ
АЛТАЙ (РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ)»**

(совместный российско-немецкий проект,
грант РФФИ– ННИО_а № 07-06-91555)

Л.Н.Тыбыкова, И.А.Невская

Предметом исследования в данном проекте являются рунические памятники Алтая, датируемые примерно VIII–XI веками нашей эры. Памятники тюркского рунического письма VIII–XI в. к настоящему времени представляют собой довольно значительную по объему и ценную в лингвистическом и историческом отношении часть обширного письменного наследия тюркоязычного мира. Несколько сотен надписей, написанных так называемым тюркским руническим письмом на скалах и камнях, а также частью на предметах обихода, были открыты в Монголии, на территории всей Южной Сибири, в Китае, Казахстане и Киргизии уже более двухсот лет назад. Наиболее изученными являются всемирно известные орхонские (Монголия) и енисейские (Тува и Хакасия) рунические памятники. Далее на запад, по всей степной территории Евразии вплоть до Венгрии были найдены сотни надписей, сделанных подобной письменностью и до сих пор еще не расшифрованных.

Особенно много внимание и российские и зарубежные тюркологи уделили руническим памятникам Монголии,

которыми занимались такие выдающиеся ученые, как В.Томсен, В.В.Радлов, П.М.Мелиоранский, В.Банг, С.Е.Малов. В последние годы XX в. енисейские памятники изучаются И.В.Кормушиным и И.Л.Кызласовым. В результате накоплен значительный корпус текстов енисейской и орхонской письменности тюрков, а также опыт их расшифровки, достаточно хорошо изучен их графический фонд.

В последние десятилетия значительный шаг вперед был сделан и в изучении древнетюркского языка учеными нашей страны, а также Германии, Турции, Японии и Китая. Публикации значительных корпусов текстов, написанных не только рунической, но и другими видами письменности (уйгурской, манихейской, согдийской), частично вошедших в электронный корпус, который опубликован в Интернете на сайте <http://vatec2.fkidgl.uni-frankfurt.de> (проект VATEC, одним из руководителей которого был проф. М.Эрдал, а координатором И.А.Невская, руководитель и участница и данного проекта), дали материал для глубоких исследований словарного состава древнетюркского языка и

его грамматического строя. Обобщающие труды проф. М.Эрдала, руководителя данного проекта с немецкой стороны, внесли существенный вклад в изучение грамматики древнетюркского языка (Old Turkic Word Formation, Wiesbaden: Harassowitz, 1991; A Grammar of Old Turkic, Wiesbaden: Harassowitz, 2004).

Всеми этими исследованиями рунические памятники Алтая почти не затрагивались, хотя они и были найдены почти за 100 лет до открытия руники в Монголии. Первооткрывателями памятников рунического письма на Алтае были Г.И.Спасский и В.В.Радлов. Значительный вклад в изучение древнетюркской эпиграфики Алтая внесли такие известные ученые, как А.П.Окладников, К.Сейдакматов, Н.А.Баскаков, Э.Р.Тенишев, В.М.Наделяев, И.Л.Кызласов, Д.Д.Васильев, В.Д.Кубарев, С.Г.Кляшторный, которые в разное время находили памятники и делали попытки их расшифровки.

Алтайские рунические письмена являются на сегодняшний день наименее изученными в лингвистическом плане памятниками рунического письма в Сибири; они вызывают жаркие дискуссии среди рунологов и тюркологов. В последние десятилетия именно на территории Горного Алтая обнаруживаются всё новые и новые памятники рунического письма. Ныне общее количество их приближается к 90. Большинство рунических памятников Алтая всё еще не расшифровано. Все они, уже известные и вновь открытые, не были документированы с помощью современных технических средств и до сих пор не каталогизированы, что препятствует организации их охраны. Западные ученые вообще не имели возможности исследовать рунику Алтая *de visu*, т.к. большинство надписей находится в приграничных районах с Монголией. Благодаря данному совместному проекту эти специалисты впервые получили такую возможность.

В наши дни актуально зафиксировать и сохранить для науки эти бесценные

памятники рунического письма, т.к. многие надписи уже безвозвратно потеряны из-за взрывных работ при строительстве дорог, обвалов скал и камней при землетрясениях или испорчены современниками. Незавершенность разработок в области прочтения многих кратких надписей Горного Алтая происходит из-за плохой сохранности некоторых из них, а также из-за наличия ряда знаков, нетипичных для древнетюркских рунических памятников Монголии и Южной Сибири.

Письменность тюркских рунических памятников характеризуется большой вариативностью используемых графем. Обилие вариантов отдельных знаков и наличие дополнительных «нетипичных» рун позволяет не только дифференцировать весь фонд тюркской руники, но и выделять различные школы письма. Однако комплексного исследования всего графического фонда памятников тюркской рунической письменности Горного Алтая в сопоставительном аспекте и в контексте недавних успехов в изучении памятников родственного письма в Монголии, Хакассии и Тувы, а также самого древнетюркского языка еще не проводились. Поэтому предложенные прочтения и интерпретации алтайских памятников вызывают много вопросов и не могут считаться окончательными.

Систематическая работа по исследованию руники Алтая началась в 2002 году в рамках программы Правительства Республики Алтай по развитию алтайского языка. Эти работы велись под руководством Л.Н.Тыбыковой группой тюркологов и археологов. Постоянными участниками этих работ помимо Л.Н.Тыбыковой были И.А.Невская и В.А.Кочеев. С 2006 г. к этой работе подключились тюркологи Германии в рамках совместного научного проекта, финансируемого ННИО и РФФИ. Несомненно, что Алтай по сравнению с другими территориями является наиболее перспективным регионом для поиска новых памятников рунического письма. Если до начала

работ в этом направлении в рамках правительственной программы находились в основном случайно при проведении археологических работ, то благодаря просветительской работе участников данного проекта в поиск надписей включилось алтайское население, в результате к нам поступают постоянно известия о новых находках. Целый ряд рунических надписей был найден уже в ходе работ по программе Алтайского Правительства и работ по этому проекту в 2002–2006 гг. археологами В.Д.Кубаревым и В.А.Кочеевым. Эти надписи являются на сегодняшний день одними из самых больших и хорошо сохранившихся текстов не только на Алтае, но и в Южной Сибири в целом.

Впервые в рамках данного проекта все эти памятники документируются современными техническими средствами и каталогизируются. Создается электронный корпус, который будет доступен посредством Интернета как всем тюркологам России, так и зарубежным ученым. Нужно отметить, что это будет первый электронный фонд древнетюркских рунических надписей Российской Федерации, где рунические надписи одной из её территорий будут представлены целиком. Пробная версия сайта находится по адресу: www.altay.uni-frankfurt.de.

Палеографические исследования в рамках проекта позволят уточнить графический фонд тюркского рунического письма, что даст возможность верифицировать чтения всех рунических текстов Южной Сибири и Евразии в целом.

Расшифровка алтайских памятников осуществляется ведущими специалистами в этой области под руководством известного тюрколога и специалиста по древнетюркским языкам проф. Марселя Эрдала. У него большой опыт международного сотрудничества, в том числе и с участием российских ученых в рамках программ DFG и РФФИ. Его перу принадлежат многочисленные публикации древнетюркских текстов, написанных различными видами письма. Особенно важное место среди них зани-

мают памятники рунического письма и исследования по грамматике древнетюркского языка. Он начал заниматься руническими памятниками древнетюркской письменности в 1971–1973 гг. в качестве сотрудника проекта по изданию материалов, собранных в Хакасии почти сто лет назад датскими учеными. Эти материалы находились в архиве Вильгельма Томсена, которому удалось первым расшифровать рунический алфавит. В недавнее время памятники Хакасии были изданы, но материалы В.Томсена не потеряли своей актуальности, так как памятники тюркской письменности в результате техногенного и природного воздействия очень сильно в последние годы пострадали. Марсель Эрдал с 1999 г. по 2003 г. руководил научным проектом создания электронного фонда памятников древнетюркской письменности, куда, однако, не вошли рунические надписи. Таким образом, алтайский проект дополняет существующий фонд древнетюркских текстов (<http://vatec2.fkildg1.uni-frankfurt.de>). В 2006 г. ученый принимал участие в экспедиции, организованной в рамках республиканской программы «Сохранение и развитие алтайского языка» Алтай, по документации памятников Алтай.

В рамках «Республиканской программы сохранения и развития алтайского языка» Правительства Республики Алтай были проведены четыре экспедиции по исследованию рунических надписей древнетюркской эпохи. Целью экспедиций являлась паспортизация, мониторинг и копирование известных рунических надписей, а также поиск новых памятников. Часть известных надписей была скопирована, снята на цифровую технику, было проведено определение точных координат с помощью GPS, что позволяет нанести на карту точное месторасположение памятников. В ходе экспедиции выяснилось, что на камнях писали не только рунами, но и старомонгольским письмом. Так как эти районы труднодоступны, то было решено фиксировать любые надписи, которые

встречались ученым.

Письменная культура Алтая оказалась достаточно разнообразной, и в последние годы были найдены не только письменные памятники на камнях, но и рукописи буддийского содержания, спрятанные в горных пещерах. Район распространения рунических памятников Горного Алтая охватывает в основном центральные районы (Онгудайский, Кош-Агачский и Усть-Канский).

За время проведенных в 2002–2006 гг. экспедиций было задокументировано 52 надписи, в результате чего Правительство Республики Алтай имеет теперь данные для организации мероприя-

тий по охране памятников истории и культуры. Полученный материал нужно верифицировать, в том числе, чтобы его можно было опубликовать в цифровом виде с нужным разрешением в Интернете..

В 2007 и 2008 гг. экспедиционная работа продолжалась. В результате были задокументированы все известные сохранившиеся памятники рунического письма Алтая. На данном этапе идет работа по созданию электронного корпуса рунических текстов Алтая, по прочтению и подготовке каталога руники Алтая. Ведутся палеографические исследования с привлечением данных всех известных памятников древнетюркской руники.

ХРОНИКА

КОНФЕРЕНЦИЯ MegaLing–2008

С 22 по 28 сентября 2008 года в Крыму (Партенит, Украина) прошла Международная научная конференция, посвященная 90-летию образования Национальной Академии наук Украины и 90-летию Таврического национального ун-та им.В.И.Вернадского. Организаторами конференции выступили Национальная Академия наук Украины, Министерство образования и науки Украины, Украинский языково-информационный фонд НАН Украины, Таврический национальный ун-т им. В.И.Вернадского, Институт русского языка им. В.В.Виноградова РАН, Санкт-Петербургский государственный ун-т, Харьковский национальный ун-т радиозлектроники, Таврический гуманитарно-экологический институт. Данная конференция проводится с 2005 г. и имеет широкий научный резонанс, привлекает внимание ученых ближнего и дальнего зарубежья: на каждой из конференций принимает участие более 100 ученых, регулярно издаются сборники материалов конференции.

В этом году в работе конференции приняли участие ученые из Украины, России, Республики Беларусь, Польши, Финляндии, Эстонии, Грузии. Обсуждался следующий круг тем: когнитивия в мультидисциплинарном спектре, корпусная лингвистика, интеллектуальные системы обработки языка, электронные словари и лексикографические системы, юридическая лингвистика и лингвистическая экспертиза, прикладная социолингвистика, лингвистика Интернета, информационно-коммуникативные

технологии в образовании, науке и бизнесе. Работа конференции была направлена на решение этих приоритетных проблем современного языкознания. В программу было включено 100 докладов ученых из Института русского языка им. В.В.Виноградова РАН (Россия), Фракийского ун-та им. Демокрита (Греция), Франкфуртского ун-та (Германия), Регенсбургского ун-та (Германия), Варшавского ун-та (Польша), Опольского ун-та (Польша), Грузинского языково-информационного фонда (Грузия), Тартуского ун-та (Эстония), Минского гос. лингвистического ун-та (Беларусь), Варшавского ун-та (Польша), Уральского гос. ун-та им. А.М.Горького, Института языкознания Министерства образования и науки Республики Казахстан (Казахстан), МГУ им. М.В.Ломоносова, Института языкознания Российской академии наук, Российского гос. ун-та (Москва), Московского гос. пед. ун-та, Московского гос. ин-та электроники и математики, Санкт-Петербургского гос. ун-та, Санкт-Петербургского экономико-математического ин-та РАН, Казанского гос. ун-та, Татарского гос. гуманитарно-педагогического ун-та, Новосибирского гос. технического ун-та, Волгоградского гос. ун-та, Пензенской гос. технологической академии, Киевского национального ун-та им. Шевченко, Национальной Академии наук Украины, Украинского языково-информационного фонда НАН Украины, Таврического национального ун-та им. В.И.Вернадского, Харьковского национального ун-

та радиозлектроники, Таврического гуманитарно-экологического ин-та и других украинских вузов.

С приветственным словом на конференции выступил член-корреспондент НАН Украины, директор Украинского языково-информационного фонда НАН Украины *В.А.Широков*. На пленарном заседании были прочитаны следующие доклады: *Ю.Д.Апресян* (Институт русского языка им. В.В.Виноградова РАН, Москва) «О проекте активного словаря», *В.А.Широков* (Украинский языково-информационный фонд НАН Украины, Киев) «Лексикографическая система словаря украинского языка», *Г.Ю.Богданович* (Крымский научно-методический центр управления образованием АПН Украины и ТНУ им. В.И.Вернадского, Симферополь, Украина) «Социолингвокультурная ситуация: Специфика презентации лексикографического материала». Большой интерес вызвал доклад *Ю.Д.Апресяна*, который был посвящен изложению теоретических основ активного словаря русского языка. В докладе *В.А.Широкова* «Лексикографическая система словаря украинского языка» кратко излагались основы базовой концептуальной схемы, применяемой в большинстве работ Украинского языково-информационного фонда НАНУ, в т.ч. и в создании национальной словарной базы Украины.

На секцию «Когниция в мультидисциплинарном спектре» было представлено 13 докладов. Обсуждались проблемы философии языка, ряд докладов был посвящен успехам когнитивной лингвистики и когнитивного литературоведения. Например, доклад *М.Ю.Мухина* (Екатеринбург, Россия) «Частотный спектр как вид представления концептуальной системы автора» был основан на материале сопоставительного анализа частотности слов знаменательных частей речи в произведениях известных русских писателей XX в.

В секции «Корпусная лингвистика» было 7 докладов. Доклад *Е.А.Каневского* «Семантика прилагательного и ее зависимость от существительного» (Санкт-Петербург, Россия) был посвящен вопросам определения семан-

тики прилагательных, образо-ванных от существительных, в частности, относительных прилагательных. В последнее время в обществе наблюдается значительный интерес к проблемам сохранения письменного культурного наследия. Представляются перспективными направления, связанные с переизданием старинных книг, созданием лингвистической базы памятников. Целью доклада *Ф.Ш.Нуриевой* (Казан. гос.ун-т, Россия) «Составление словаря тюркских памятников XIII–XVII вв» было представить анализ принципов отбора рабочего материала для словаря тюркских памятников и описание его структуры. *Э.Х.Кадирова* (Татар. гуманитарно-педагогический ун-т, Россия) в докладе «Лингвистические исследования по словарям писателей (XVI–XVII вв.)» представила результаты своих наблюдений, которые были сделаны в ходе работы над словарем языка татарских поэтов XVI–XVII вв. В коллективном докладе *О.А.Невзоровой, В.Н.Невзорова и С.Г.Хакимовой* (Казань, Россия) были рассмотрены проблемы функциональной омонимии в русском языке.

На секции «Электронные словари и лексикографические системы» были представлены доклады, отражающие новые подходы к языковому материалу и словарному содержанию, новые лексикографические объекты, новые типы словарей. Большое количество выступлений было посвящено новым лексикографическим проектам.

В докладах, прозвучавших на секции «Лингвистика Интернета», был отражен широкий спектр изменений языка современных печатных и электронных СМИ: активное развитие рекламной функции текста; заметное влияние на язык СМИ экстралингвистических факторов.

Большинство докладов вызвало живую дискуссию, было задано много вопросов, в обсуждении приняли участие практически все ведущие специалисты, присутствующие на заседаниях секций. На заключительном заседании выступили руководители секций и члены оргкомитета, которые отметили высокий уровень заслушанных докладов, доброжелательность и про-

дуктивность дискуссий. Гости из других городов и стран выразили благодарность организаторам за прекрасную возможность обсудить актуальные лингвистические проблемы, высокий уровень организации. По мнению участников, содержание докладов и их

обсуждение показали актуальность заявленной тематики и перспективность проведения научных исследований в данном направлении, а также общий высокий научный уровень конференции.

Э.Х.Кадирова.

ДМИТРИЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2008

3 октября 2008 г. состоялись очередные Дмитриевские чтения, ежегодно проводимые кафедрой тюркской филологии Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В.Ломоносова. На этот раз чтения были посвящены 110-й годовщине со дня рождения Н.К.Дмитриева (1898–1954)¹.

Член-корреспондент АН СССР, действительный член АПН РСФСР, проф. Н.К.Дмитриев был выдающимся языковедом и филологом-тюркологом первой половины XX в., педагогом, организатором и творцом науки, после гибели акад. А.Н.Самойловича в 1938 г. – главой новой тюркологической школы, главным разработчиком лингвистических основ методики обучения неродному языку в НИИ национальных школ АПН РСФСР.

Ученый «полевого склада», получивший в свое время двойную подготовку, славяноведную и тюркологическую, как писал о нем А.Н.Самойлович, «благодаря своим исключительным языковым способностям вел одновременное исследование ряда тюркских языков – турецкого, азербайджанского, гагаузского, туркменского, крымско-татарского, башкирского, татарского,

кумыкского, и эти обширные познания сделали его особенно ценным работником всесоюзного масштаба, пользующимся заслуженной известностью и среди зарубежных тюркологов» (читайте: тюркологов. – Г.Б.). Уже после смерти Н.К.Дмитриева в записке от 22.12.1955 г., направленной в оргкомитет по чествованию памяти ученого, В.А.Гордлевский написал: «Учитель гордится своим учеником, который обогнал его, едва усвоив элементарные знания».

Организатор особой школы тюркской диалектологии, Н.К.Дмитриев в результате многочисленных экспедиций, им возглавляемых, создал основной научный фонд для исследования различных тюркских языков и диалектов, прежде не изучавшихся или малоизученных. Исследование важнейших вопросов диалектологии и строя тюркских языков позволило ему разработать собственную грамматическую концепцию и при опоре на нее – принципы научного описания конкретного тюркского языка. Эти принципы применены им в тех его грамматиках (кумыкского и особенно полно – башкирского языков), которые стали эталоном такого описания. Опираясь на созданный им фонд языковых данных, Н.К.Дмитриев заложил научные основы сравнительной грамматики тюркских языков, которая была создана коллективом тюркологов Института языкознания АН СССР под его руководством, а частично – и при его участии.

Акад. И.И.Мещанинов считал Н.К.Дмитриева «одним из наиболее крупных исследователей теоретических вопросов тюркского языкознания». Научное творчество Н.К.Дмитриева фак-

¹ См. о нем: *Благова Г. Ф.* [Хроникальная записка] Институт языкознания РАН. Заседание отдела урало-алтайских языков, посвященное столетию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Н.К.Дмитриева (1898–1954)//*Восток*, 1999, № 2. – С.165–167; *Намиотова З.А.* [рец.] Николай Константинович Дмитриев. К 100-летию со дня рождения. – М., Наука. 280 с. // *Восток (Oriens)*, 2002, № 6. – С.162–164.

тически определило основные направления исследований в современном тюркском языкознании. Как показано в нашем обзоре «Научное наследие Н.К.Дмитриева в Архиве РАН», многие законченные и не законченные работы ученого все еще остаются неопубликованными. Из их числа на страницах журнала «Восток» увидели свет архивные эссе Н.К.Дмитриева о Л.З.Мсерианце («Восток». 1999, №6. – С.118–125) и безвременно почившей арабистке К.С.Кашталёвой (в замужестве Дмитриевой. – Там же 2001, № 6. – С.121 – 126).

Современное развитие тюркского языкознания, как указал в свое время Э.Р.Тенишев, было бы немыслимо без тех тюркологических кадров, поколения которых (в том числе и ныне действующих) вырастил Н.К.Дмитриев в результате интенсивной, целенаправленной научно-педагогической деятельности на восточном факультете МГУ и в качестве заведующего кафедрой тюркской филологии, руководителя восточного отделения филологического факультета МГУ.

В заседаниях лингвистической секции и секции литературоведения, которые проходили параллельно, приняли участие ученики Н.К.Дмитриева (выпускники 1948–1958 гг.) Э.А.Грунина, И.В.Боролина, Г.Ф.Благова (Институт языкознания РАН), Д.М.Насилов, Г.А.Горбаткина (Институт мировой литературы РАН) и ученики его учеников – член-корр. РАН А.В.Дыбо, Ю.В.Щека, М.М.Репенкова, Е.А.Оганова и др. Ниже представлен обзор докладов и сообщений, прозвучавших на заседании лингвистической секции.

В докладе заведующей отделом урало-алтайских языков Института языкознания РАН А.В.Дыбо, касавшемся тематики Turco-Slavica, отчасти Turco-Balkanica, внимание привлекает углубленное лингвистическое исследование древних тюркизмов в южнославянских языках – при известной перекличке с наблюдениями Н.К.Дмитриева, посвятившего свою диссертацию изуче-

нию тюркских народностей Балкан с их языком, литературой и духовно-материальной культурой. Сохранилось упоминание о его «большом труде о турецких заимствованиях в сербских народных сказках», а также начало статьи «Турецкие элементы в сербской народной поэзии», см. и его более позднюю этапную работу «О тюркских элементах русского языка».

А.В.Дыбо в своем докладе отводит важное место заимствованиям из дунайско-булгарского языка (VIII–IX вв.) в южнославянских языках. При этом она полагает, что заимствования в южнославянских языках происходили из того же источника, из которого слой болгаризмов проник в венгерский язык, где этот слой признается за поздний. Затрагивается также отражение болгарского вокализма, в частности, первичных долгот в венгерском и славянских языках. Выявлены заслуживающие отдельного изучения различные переходы и соответствия в вокализме сопоставляемых разносистемных языков.

Востребованным в начале XXI в. оказались мысли Н.К.Дмитриева о «фольклористике этнографического направления» и «фольклористике литературного направления», в тесной связи полевой работы тюркологов-лингвистов и фольклористов (при одинаковой необходимости владения лингвистическим методом). Как и другие лингвофольклористические заметки, сохранившиеся в научном архиве Н.К.Дмитриева, они получили развитие применительно к изучению тюркской антропонимики в докладе Г.Ф.Благовой «Н.К.Дмитриев и лингвофольклористический подход к проблемам антропонимии». Материалом послужили тюркские личные имена, включаемые ею в мифолого-ассоциативный блок непогоды (bulut 'облако', jaуmиr 'дождь', kar 'снег', boгan 'буря' и т. п.), с одной стороны, а с другой – имена, связанные с таким предметом материальной культуры, как пуговица (др.-тюрк. tuуma, ср.-уйг. toуma и т. п.). История пуговицы этнографами пока не изучалась, хотя в

хакасском эпосе пуговица на парадной одежде (у воротника) считается приметой совершеннолетнего юноши.

Э.А.Грунина в докладе «О проблемах современной турецкой диалектологии» напомнила, какие перспективные планы строил в 30-х гг. акад. А.Н.Самойлович в неопубликованном архивном обзоре «Изучение анатолийско-румелийско-турецкого языка» и какие надежды возлагал он на Н.К.Дмитриева как турколога. По мнению ученого, предполагавшего, что исследования будут производиться коллективными усилиями советских и турецких лингвистов, такую работу должен был бы возглавить Н.К.Дмитриев, «талантливый и энергичный ученик проф. В.А.Гордлевского». А.Н.Самойлович писал: «Я считаю нужным особо отметить широко развернувшуюся в послеоктябрьских условиях научную деятельность Н.К.Дмитриева, который приобрел своими трудами по анатолийско-турецкому языку и международную известность, и право на руководящую роль в этой лингвистической области у нас в Союзе. На него, таким образом, естественно падает и обязанность организовать как следует изучение в СССР анатолийско-турецкого языка во всем его обширном объеме, объединить для этого дела соответствующих специалистов и соответствующие научные учреждения Ленинграда, Москвы, Украины, Закавказья» (впервые опублик. в «Вопросы филологии». Вып. V. – М., 2003. – С. 28).

Э.А.Груниной были затронуты проблемы современной турецкой диалектологии. Те задачи, которые не удалось осуществить А.Н.Самойловичу, теперь выполняются современными турецкими диалектологами: их усилиями обследована и описана значительная часть турецкого диалектного пространства. В этой области, новой для турецкого языкознания, стали публиковаться монографические исследования, однако, задачи, намеченные А.Н.Самойловичем более 70 лет назад, все еще далеки от выполнения.

Тем не менее, благодаря собранному к настоящему времени материалу появляется возможность понять характер членения диалектного пространства турецкого языка, которое складывалось начиная с XI в. в процессе проникновения на территорию Анатолии разных волн кочевых родоплеменных объединений из среднеазиатского Двуречья. Тип возникавших диалектных зон определялся и природными условиями мест оседания. Изолированный характер некоторых диалектных единиц в горных районах восточной Анатолии рассмотрен на примере говора терекеме.

Имея в виду, что в центре научных интересов Н.К.Дмитриева оказались кыпчакские языки (в первую очередь башкирский и кумыкский, также их диалекты), Д.М.Насилов в своем докладе обратился к рассмотрению сведений, которые приводит Махмуд Кашгарский в словаре «Диван лугат=ат турк» относительно диалектных особенностей языка тюркских племен, объединяемых у него термином *кыпчак*. Сравнение фонетических, морфологических и лексических данных словаря показывает, что Махмуд Кашгарский фиксирует диалектные формы двух племенных группировок кыпчаков – северо-западной и северо-восточной. Язык последней группы сближается у Махмуда Кашгарского с особенностями языка *огузов* (по-видимому, эти кыпчаки были одним из родовых подразделений огузов, как об этом свидетельствуют данные истории). Западные кыпчаки, сведения о которых отрывочны и достаточно противоречивы, автору словаря были, очевидно, менее известны, но именно они характеризуются по языковым признакам как носители черт, сопоставимых с современными кыпчакскими диалектами.

Новому аспекту изучения тюркской категории склонения – с привлечением материала древнетюркских рунических памятников – был посвящен доклад М.Э.Дубровиной (кафедра тюркской филологии Восточного факультета

С.=Петербургского ун-та). Модель эволюции падежных форм, предлагаемая ею, противоположна той, которая прослеживается во флективных языках. Грамматические падежи флективных языков (винительный и родительный) в модели общетюркской категории падежа материального показателя не имели, их содержание выражалось соположением слов как максимально экономичным грамматическим способом выражения служебной информации. Так называемый основной падеж, который исследователи традиционно обнаруживают в парадигме категории склонения по аналогии с именительным падежом европейских языков, для тюркских языков не имеет места. Репрезентация логического субъекта действия вообще, очевидно, не нуждается в специальном грамма-тическом выразителе.

А.И. Чайковская (доцент, Таллинский педун-т) рассказала о работе над анонимным памятником XV в. "Ал-Кавāнн ал-куллийа ли-дабт ал-лугат ат-туркийя", относящийся к группе филологических сочинений мамлюкского периода и еще мало известного в отечественной тюркологической литературе. Особый интерес представляет тот факт, что автору удалось ознакомиться с этим памятником в оригинале, в всемирно известном книгохранилище Сулеймание в Стамбуле. Текстологический анализ рукописи составил содержание доклада.

В докладе *К.Н. Бичелдей* (Москва, профессор Московского городского педун-та) затрагивались вопросы изучения интонации хакасского языка, а также интонационных особенностей его диалектов и говоров. В основу исследования положено конструирование наиболее важных ритмо=интонационных моделей. Выступивший в ходе дискуссии Ю.В.Щека отметил опасность абсолютизации так называемого принципа релевантности при изучении интонации, поскольку различные нюансы в мелодике, неуловимые оттенки речи могут часто выражать всю основную семантику и прагматику высказывания. Подчеркивалась также необходимость вернуться к

традиционному изучению музыки речи, ее не только мелодических, но и ладовых особенностей.

Доклад *И.Я. Селютиной* (Новосибирск, Ин-т филологии СО РАН) посвящено фонетическим процессам в языках народов Сибири (охвачено около сорока языков, диалектов и говоров – тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских, самодийских, обско-угорских, енисейских и палеоазиатских). Изучение этих процессов опирается на инструментальные исследования и направлено на разработку проблем типологии соответствующих фонологических систем, а также на выявление этнокультурных, в частности, языковых взаимодействий. Полученные результаты свидетельствуют, что границы фонетических и фонологических процессов могут не совпадать с границами языков и даже языковых групп. В результате различных этнокультурных контактов фонетические трансформации, вовлекая в преобразования какие-то части различных языковых семей, приобретают ареальный характер, вследствие чего различия между генетически родственными языками могут оказаться значительнее, нежели между языками, не имеющими общего корня, но входящими в один языковой союз.

Темой сообщения *Т.В. Лосевой-Бахтияровой* (Москва, ИСАА МГУ) явились имена собственные, связанные с названиями вооружения в тюркских языках. В данном явлении отражается проблема мотивации выбора собственных имен, которыми нарекают ребенка, желая видеть его крепким и непобедимым продолжателем рода. Наряду с широко известными именами, такими как *Кылыч* 'меч', 'сабля', *Темир* 'железо', *Балта* 'топор', *Ок* 'стрела' и др., в сообщении затрагиваются и антропонимы, возникающие вследствие метафоризации значения названий оружия, что было особенно свойственно древним и средневековым тюркским языкам.

В своем сообщении *М.М. Клычева* (Москва, кафедра языков стран Ближнего и Среднего Востока МГИМО) остановилась на трудностях обучения правильному туркменскому произно-

шению русскоязычной аудитории, особенностях реализации ряда туркменских согласных в различных фонетических позициях, вопросах отнесения тех или иных типовых реализаций к аллофонам одной фонемы или к различным фонемам. Наиболее адекватное, по ее мнению, отражение туркменской фонетики представлено в работах А.П.Поцелуевского [статью об этом ученом см.: «Восток (Oriens)». 2004, № 5. – С.122–135]. В ходе краткого обмена мнениями выражалась необходимость учета того, что, с одной стороны, всякое лингвистическое описание в известной степени условно и должно опираться на систему конкретных примеров и что, с другой, в преподавании туркменского языка как иностранного следует опираться на теоретический фундамент, разработанный, в частности, в российской тюркологии и отраженный в таких работах, как книга «Туркменский язык» Э.А.Груниной.

В докладе «К защите алтайской гипотезы и обоснованию генетического родства алтайских языков» заведующего кафедрой тюркской филологии ИСАА МГУ Ю.В.Щеки говорилось о том, что отрицание алтайской гипотезы представляется не случайным, а весьма объективным отражением неудовлетворительного положения в алтаистике [по словам В.И.Рассадиной, она «зашла в теоретический и методологический тупик»²]. При условии привлечения ши-

рокой междисциплинарной картины эволюции языков, опирающейся, в частности, на становление ритмо-просодических уровней речи, находят естественное объяснение: а) так называемые первичные долготы в ряде тюркских языков и монгольских языках как отражение синкопирования речи в алтайском праязыке, б) принципиальная несостоятельность противопоставления генетического родства и заимствования (суть праязыкового синкретизма состояла именно в постоянном взаимном обмене формами как внутри алтайских диалектов, так и между ними; этот обмен оказывается глубинной основой при процессах и более поздних, современных заимствований, т.к. современные заимствования выступают лишь продолжением именно дившегося многие десятки тысячелетий праязыкового синкретического единства) и в) генетическое единство как алтайских, так и урало-алтайских языков, которое в свете указанной общей теоретической картины является вполне доказанным и для которого просто нет никакой иной разумной альтернативы.

К настоящему времени издано 7 выпусков «Вопросов тюркской филологии», составленных из материалов ежегодных Дмитриевских чтений; материалы реферируемых чтений 2008 г. составят содержание очередного выпуска «Вопросов тюркской филологии».

*Г.Ф.Благова,
Ю.В.Щека*

ЮБИЛЕЙНАЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ

19–21 ноября в тысячелетней Елабуге, в стенах Елабужского госпедуниверситета прошла конференция, посвящен-

² В.И.Рассадин. Очерки по истории сложения тюркско-монгольской языковой общности. – Ч.1: Тюркское влияние на лексику монгольских языков. – Элиста 2007. – С. 6.

КОНФЕРЕНЦИЯ В ЕЛАБУГЕ

ная 55-летнему юбилею филологического факультета ЕГПУ. Тематика конференции была обозначена целенаправленно очень широко, т.е. как: «Актуальные проблемы филологии и методики ее преподавания в вузе и в школе». Тем самым организаторы поставили себе цель объединить большой круг словесников, для кого филология является не только основной специальностью, но и смыслом их жизни: вузовских препода-

вателей, ученых-лингвистов и литературоведов, методистов, школьных учителей.

Были заявлены следующие секции:

1. История языка и современная лингвистика. 2. Контактология и переводоведение. 3. Фольклористика и литературоведение. 4. Взаимовлияние и взаимообогащение литератур в современном мире. 5. Методика преподавания филологических дисциплин в вузе и в школе. 6. исследование и изучение языков и литератур народов РФ.

В своем вступительном слове ректор ЕГПУ, доктор исторических наук, проф. *А.М.Калимуллин* отметил, что «в этом юбилейном году (здание ЕГПУ как учебное заведение было построено ровно 110 лет тому назад) это уже 7-я конференция, проводимая факультетами нашего вуза, но самой массовой и почетной стала филологическая конференция.

Присутствие на конференции таких известных ученых России и Республики Татарстан, как *М.З.Закиев*, зав.отделом ИЯЛИ АН РТ, д.ф.н., акад. АН РТ (г.Казань); *Х.Ю.Миннегулов*, д.ф.н., проф. КГУ (г.Казань); *Ф.Г.Галимуллин*, д.ф.н., проф. ТГГПУ (г.Казань); *Хотопп-Рике Мисте*, Институт тюркологии Свободного ун-та Берлина (Германия); *Ф.С.Хакимзянов*, руководитель Татар. тюркологического центра, д.ф.н., проф. ТГГПУ (г.Казань); *А.Г.Шайхулов*, д.ф.н., проф. БГУ (г.Уфа); *А.А.Тимерханов*, д.ф.н., зав. отделом ИЯЛИ (г.Казань); *Н.Х.Шарыпова*, д.ф.н., проф. КГАУ (г.Казань); *Л.Р.Калимуллина*, докторант ун-та им.Гумбольдта (г.Берлин) и др., позволило заявить об очень высоком уровне проводимого мероприятия: об участии на конференции с заявками обратились 130 человек. В выпущенном по материалам конференции сборнике опубликованы тезисы докладов 122 авторов из 25 городов. Среди наших авторов представители Германии (4 доклада), Москвы, Уфы, Казани, Тюмени, Саранска, Ульяновска, Кирова, Ижевска, Набережных Челнов,

Бугульмы, Стерлитамака, Альметьевска, Менделеевска и др. Отрадно то, что значительная часть участников конференции – это выпускники юбиляра – филологического факультета».

Несомненно наибольший научный интерес вызвали выступления на пленарном заседании *М.З.Закиева* докладом «От морфонологии к лингвоархеологии»; *Х.Ю.Миннегулова* «Некоторые особенности татарской литературы Средневековья»; *Хотопп-Рике Мисте* «Татарские образы в немецкой литературе и школьных материалах в контексте исламофобии и ксенофобии. Тюркологическая перспектива»; *Д.А.Салимовой* «Русский язык в билингвальной аудитории: культурологический аспект»; *А.И.Разживина* «Поэма Н.М.Кугушева «Грановитая палата». Синтез документального и художественного»; *А.А.Тимерханова* «Стандартизация как нормативный компонент официально-делового стиля (на материале татарского, русского и английского языков)»; *Н.Х.Шарытовой* «Проблемы экологии языка в нефилологических вузах»; *Ф.С.Хакимзянова* «Применение функциональных языков в средневековых памятниках Волжской Булгарии».

В заочной форме со стендовыми докладами выступили такие известные ученые-профессора, доктора наук, как министр образования и науки Республики Татарстан акад. АН РТ *Н.М.Валиев* (Казань) «Годы общения с В.В.Кожинным: по страницам писем и книг»; *Т.Ф.Каратыгина* (Москва) «Семья в литературном пространстве. Взгляд библиотекаря», *И.С.Карабулатова* (г.Тюмень) «Психофизиологический подход к эволюции топосистемы в языковом сознании жителей региона», *Л.П.Водясова* (Саранск) «Сложное синтаксическое целое с номинативным зачином (на материале эрзя-мордовского языка)», *Ф.Г.Галимуллин* (Казань) «Литературные связи: прошлое и настоящее», *Ф.З.Яхин* (Казань) «Проблемы текстологии» и др. Стеновые доклады *И.И.Харисова*, докторанта Свободного университета Берлина (Германия) «К проблеме «формы» и «материала» в творчестве Марины Цветаевой», *М.Вайсбанда*,

главного редактора журнала «Партнер», *Б.Вайнблата*, зам. главного редактора (Дортмунд, Германия) «О русском языке в журнале, издаваемом вне России, на примере журнала “Партнёр”» привлекли внимание не только участников конференции, но и школьных учителей, студентов-филологов ЕГПУ.

Самые жаркие дискуссии вызвали и доклады, прочитанные на секционных заседаниях. Среди таковых следует выделить выступления д.ф.н., проф. БГУ *А.Г.Шайхулова* (Уфа) о языках золотоордынской цивилизации в евразийском контексте (когнитивные и идеографические аспекты реконструкции лексических систем языков алтайского сообщества), д.ф.н., проф. ТГГПУ *Ф.С.Хакимзянова* (Казань) о явлении омонимии и проблеме выделения омонимов; докторанта Университета им.Гумбольдта (Берлин) *Л.Р.Калимуллиной* о двуязычии и смене языка: социальные и экономические аспекты; к.ф.н., доц. КГУ *Г.Х.Глязетдиновой* (Казань) об особенностях функционирования производных существительных в русских памятниках XV–XVII вв. (на материале восточных заимствований); к.ф.н., доц. БГУ (Уфа) *Ф.С.Искужиной* об абзаце как композиционно-стилистической единице текста; к.пед.н., доц. ТГГПУ *А.Ф.Галимуллиной* (Казань) о работе с художественным переводом как методическом приеме; к.ф.н., доц. БГУ (Уфа) *З.Ф.Шайхисламовой* о роли курса “Основы татарской лингвокультурологии” в преподавании языка; к.ф.н., доц. НГПИ *А.М.Тарасова* (Наб.Челны) о национальной специфике пословиц и поговорок русского и английского язы-

ков; к.ф.н., проф. ЕГПУ *Т.А.Юлкиной* о местоимениях как средствах выражения текстового замещения; к.ф.н. доц. ЕГПУ *Л.Б.Бубековой* об истории развития конфиксальной глагольной синонимии; к.ф.н., доц. ТГГПУ (Казань) *Р.Ф.Фаттаховой* о коннотативном и национально-культурном компонентах фразеологических единиц татарского языка с количественным значением; преподавателя рус. языка *И.А.Обуховой* (Ульяновск) о полемике вокруг «смехового мира» Древней Руси; к.ф.н., доц. ЕГПУ *Р.М.Гайсина* об исповедальном дискурсе в прозе начала XX века; ведущего учителя *А.З.Нурмухаметовой* (Бугульма) о национально-региональном компоненте в содержании образования и др.

Таким образом, юбилейная конференция, в отличие от многих других, где собираются в основном специалисты одного профиля (ономасты, когнитологи, диалектологи, текстологи и т.д.), явилась мероприятием, объединившим и соединившим самые различные векторы филологического образования; форумом, который стал полезным для всех: и ученых-академиков, и вузовских преподавателей, и методистов-практиков, и социологов. Это и закономерно, ибо филология как одна из самых человеческих наук и как наука о самом загадочном феномене человеческого общества – о слове (языке) была и есть центральная, ядерная, парадигма современного научного пространства.

Д.А.Салимова.

РЕЦЕНЗИИ

А.Г.ШАЙХУЛОВ., Л.У.БИКМАЕВА, З.Р.САДЫКОВА. ТАТАР ТЕЛЕ
 ДИАЛЕКТЛАРЫНЫҢ ИДЕОГРАФИК СҮЗЛЕГЕНӘ МАТЕРИАЛЛАР

ИЗД-ВО РИО БашГУ.– УФА, 2005, Т.1, Ч.1. – 512 с.; Т.1, Ч.2. – 506 с.

После словарей тезаурусного типа П.М.Роже, Ш.Балли, Ф.Дорнзайфа, Р.Халлига – В.Вартбурга, Х.Кассареса и в отечественном языкознании стали изучать их опыт составления идеографических словарей, высказывались мнения об описании отдельных идеографических сфер, сочетаемости лексических единиц и т.д.

Совместный труд ученых-диалектологов Уфы и Казани, озаглавленный как “Материалы к идеографическому словарю диалектов татарского языка”, в истории тюркской диалектной лексикографии подготовлен впервые. Авторы, взяв за основу два диалектологических словаря татарского языка (Казань, 1969; Казань, 1993), обогатили фактологическую базу материалами из говоров татар, проживающих за пределами Республики Татарстан. Хотя работа названа и “Материалами”, по существу ее следует считать словарем тезаурусного типа. Взяв за основу 4 большие тематические группы (“познание”, “природа”, “человек”, “общество”), авторы классифицировали весь анализируемый материал располагая их внутри этих групп, тем самым создали схему (синопсис) лексико-тематической классификации когнитивных сфер.

Определенную ценность представляют данные в приложении статьи “Из истории составления зарубежных идеографических (тезаурусных) словарей

(ч.2, с.463–483), “Синопсис для идеографической классификации диалектальных единиц говоров и подговоров среднего и мишарского диалекта татарского языка” (ч.2, с.484–498), написанные на русском языке, что позволяет ознакомиться с проблемой и творческим кредо авторов-составителей читателям, не владеющим татарским языком.

Лексико-тематическая группа “Природа” (“Вселенная”) состоит из материального мира, разделенного на неорганический и органический подгруппы. Ради справедливости следует сказать, очередность и расположение подгрупп в данной лексико-семантической группе в двух частях этого тома существенно различается. В схеме, данной в приложении, под заголовком “Неорганический мир” (которого нет в самом словаре), например, приводится “Земля (планета) и виды земного пространства” с разделами “Земное пространство” (координаты), “Очертания (ландшафт) и строение земной поверхности (1) виды очертаний: а) степной, б) горный, в) лесной ландшафты; 2) виды строения земной поверхности (рельефа): а) положительный рельеф: *)возвышенные места и их части, б) ровный рельеф: ровные места; а) (видимо, описка, следует “б” – Ф.Х.) отрицательный рельеф: *)покатые места; *)углубленные места. 3) состав земной коры: а) верхний слой земной коры, б)недра

(полезные ископаемые). Далее идут разделы “Вода и виды водного пространства”, “Космос (небо): космическое и воздушное пространство. Природные явления. Климат, погода и виды погодных условий (метеорология). Времена года” и т.д. (ч.2, с.493–494). Из-за пропуска некоторых слов и неудачного применения типов цифр и выбора их расположения очень трудно разобраться в классификационных рубриках.

В словаре же (ч.1, с. XIII–XVII) данная группа озаглавлена как «Идеографическая парадигматика диалектальных единиц, относящаяся к когнитивной сфере природы (живая и неживая)». Далее по другому типу нумерации (2.1.; 2.1.1. и т.д.) даются подгруппы «2.1. Диалектные единицы, связанные с понятиями человек и окружающего его мира», внутри которой имеется «2.1.1. Физические свойства материи (а. Плотно, б. Жидко. в. Горение, потухание)», затем идет подгруппа «2.2. Диалектные единицы, связанные с понятиями атмосферы, космоса, небесных тел» с разделами 2.2.1. Месяц (январь, февраль и т.д.); 2.2.2. Неделя; 2.2.3. День (понедельник, вторник, среда, суббота).

В части со словарными статьями в названии группы слова «живая и неживая» уже отсутствуют (с.99), первая же подгруппа начинается с раскрытия физических свойств материи (непонятно лишь, о какой материи речь идет: названиях месяцев, дней или понятиях «душно», «темнота»). Среди названий статей (или «черных слов») оказалось и слово *қурас* «узкий, тесный», судя по примеру, речь идет об одежде меньшего размера, чем необходимо, т.е. одежда тесная. На наш взгляд, это трудно отнести к физическим свойствам. Также непонятно, по какому признаку «тьень» фигурирует среди лексем, связанных с климатом (с. 112). Видимо, следовало бы как-то озаглавить или отделить слова, связанные с каким-либо понятием не напрямую, а лишь опосредственно.

На примере словарной статьи о тени (*күгәлә*), можно проиллюстрировать

недостатки данного труда, которые, к сожалению, наблюдаются и в других местах: 1) рядом стоят два слова с одинаковой звуко-буквенной структурой, они оба означают “тьень”, в одном слове перевод дается посредством отсылки на другое слово, а в другом – напрямую; 2) в примере, взятом для иллюстрации, данное слово отсутствует; 3) не только здесь, но и везде, вместо дефиса применяется тире, даже с пробелами.

Кроме всего, даже не смотря на отсылочный аппарат можно определить, какие слова взяты из двух выпусков диалектологического словаря татарского языка, а какие нет, ибо в последних отсутствуют переводы на русский язык основного слова. У нас также возникли сомнения правомерности включения в категорию диалектных лексем слов литературного языка (*соры, вак* – оно лишь пишется как «вак», произносится *вак* и т.д.). Среди названий словарных статей, выделенных полужирным шрифтом, имеются и такие, которые составлены в виде сравнительной конструкции без перевода, например, *Урамнан чия төсле машина үтөп китте* «По улице проехала машина вишневого цвета» (с.97). По мнению же авторов, оно должно означать «красный», однако в татарском языке при обозначении цвета вишня имеет ряд градаций. Или же в примере *Ишеккә алаптай зур йозак эленгән* (с.70) “На дверях висит замок, величиной в корзину”, где понятие “большой” передается при помощи сравнения, а не самостоятельной лексемы.

В целом же следует заметить, что авторами впервые исследована диалектная система татарского языка с попыткой рассмотрения лексики как отражателя объективной языковой картины мира. Кроме того, составленный авторами универсалий для предметно-тематической классификации может послужить основой для дальнейших ономаσιологических и идеографических исследований на последующих этапах изучения лексико-тематических групп

лексики. Хотя авторы и замечают. Что предложенные ими схема системы лексико-тематической классификации когнитивных сфер, а также высказанные ими соображения о методологических аспектах системного подхода в реконструкции носят предварительный

характер, они предложили строгую логическую последовательность расположения четырех больших тематических групп, тем самым дали направление для дальнейших исследований.

Ф.С.Хакимянов

◆

ИШМӨХӘМӘТ ҒӘЛӘУЕТДИНОВ. БАШКОРТ ӨЗӘБИ ТЕЛЕ ТАРИХЫ:
XIX БЫУАТ– XX БЫУАТ БАШЫ.

ӨФӨ: КИТАП, 2008. – 272 б.

И. Ғ.ҒӘЛӘУЕТДИНОВ. БАШКОРТ ӨЗӘБИ ТЕЛЕ ҺӘМ ШӘРКИӘТ
МӘСЪӘЛӘЛӘРЕ. БАШКИРСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК И ПРОБЛЕМЫ
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ.

ӨФӨ: ҒИЛЕМ, 2008. – 408 б.

Гаялутдинов Ишмухамет Гильмутдинович является докт.филол.наук, профессором, чл.корр. АН Республики Башкортостан, академиком Академии гуманитарных наук РФ, членом Рос. тюркологического комитета, членом Международ. тюркологического центра, ректором Уфимской гос. академии искусств им. Загира Исмагилова, заслуженным работником культуры РФ и РБ, почетным работником высшего профессионального образования РФ.

Гаялутдинов И.Г. – автор более 300 работ, и большинство из них в той или иной мере затрагивает вопрос истории башкирского литературного языка. Рецензируемые две книги также посвящены этой теме. Первая из них (“История башкирского литературного языка. XIX – нач. XX в.”) написана, опираясь на проведенное лингвотекстологическое изучение неисследованных до сих пор арабграфичных текстов в хранилищах Уфы, Казани, Москвы, Санкт-Петербурга, а также текстов газет-журналов, башкирских шеджере и т.д.

Книга состоит из 11-ти глав, и каждая глава посвящена какой-либо проблеме, связанной с литературным языком. В

начальных главах рассматривается особенность языка какого-либо письменного источника (сказок, пословиц, поговорок, шеджере, летописей и т.д.). Говоря о языковой ситуации в крае в первой половине XIX века, автор констатирует, что в данное время среди башкир употреблялись 3 языковых образований: 1) многочисленные говоры и диалекты, 2) язык фольклора, в какой-то мере имеющий статус наддиалектности и 3) урало-поволжский письменный литературный язык тюрки (с.128). Последний вид в научной литературе называется и поволжским тюрки.

И.Гаялутдинов особо выделяет деятельность М.Иванова, С.Кукляшева и М.Бикчурина получивших знания в неплюевском военном училище, которые затем в своих учебниках отошли от старотюркского литературного языка и взяли курс к демократизации. Автор считает генерала Мирсалиха Бикчурина основоположником современного башкирского литературного языка (с.164). Оставленный учителем в неплюевском кадетском корпусе, после его окончания, он в сравнительном плане с арабским, персидским и

русскими текстами применял и тексты на татарском, башкирском и казахском языках (подробнее см.: *Галляутдинов И.Г. Мирсалих Биксурин – основоположник современного национального башкирского литературного языка/Тенишевские чтения–2009.* – Казань: ТГГПУ, 2009. – С.173–197). В начале XX века был составлен первый башкирский алфавит (возможно, составителем был В.В.Катаринский, он же является и автором первого «Краткого русско-башкирского словаря» – с. 207–208). Далее автор ведет речь о нормах башкирского литературного языка и особо останавливается на состоянии языка башкирской поэзии и периодической печати.

Вторая книга И.Г.Галляутдинова составлена в виде сборника статей, вышедших из-под пера автора и напечатанных в различных изданиях в

1975–2006 гг. Книга состоит из 2-х глав, первая из которых озаглавлена как «Башкирский литературный язык и вопросы востоковедения», где помещены статьи на башкирском языке. Аналогично озаглавлена и вторая глава, но здесь уже приведены статьи на русском языке. По своему характеру статьи относятся к областям археографии, текстологии и истории башкирского литературного языка, а также ряд статей посвящен анализу старотюркской письменности Башкортостана. Все же можно было бы говорить о том, что центральной темой данного сборника просматривается обсуждение общих проблем истории башкирского литературного языка и состояние его функционирования.

Ф.С.Хакимзянов

◆

ТАТАР ХАЛЫК СӨЙЛӨШЛӨРЕ/ТАТАРСКИЕ НАРОДНЫЕ ГОВОРЫ:
2 КИТАПТА/ Ф.С.БАЯЗИТОВА, Д.Б.РАМАЗАНОВА, Т.Х.ХӘЙРЕТДИНОВА һ.б.

КАЗАН: МЭГАРИФ, 2008. – 1-КИТАП – 468 б.; 2-КИТАП – 463 б.

Не будет ошибкой, если скажем, что диалектология является одной из хорошо разработанных областей татарского языкознания. В то время, когда местные говоры сохранили свое богатство в полном виде, наши ученые, проводя многочисленные экспедиции, успели накопить невероятно богатую информацию, изучили историю формирования татарских говоров, систему диалектальных особенностей, их взаимоотношение с литературным языком.

Учитывая социально-политическое развитие и изменения, интенсивную урбанизацию, исчезновение особенностей говоров в результате воздействия литературного и других языков, можно сказать, что ценность явлений, зафиксированных в живой речи населения, огромна. Вышли в свет

десятки монографий и различные сборники, освещающие татарские народные говоры. В настоящее время ученые Института языка, литературы и искусства им.Г.Ибрагимова АН РТ составили диалектологический атлас, для издания передан Большой диалектологический словарь татарского языка, завершается работа над третьим томом диалектологического атласа. Однако всегда ощущалась необходимость такой работы, где была бы воедино собрана вся палитра народных говоров, в которой нашло бы отражение весь спектр вопросов, связанных с изучением, их классификацией, объединила бы опыт и успехи татарских диалектологов в этом поприще, обобщила бы их достижения. Такая потребность особенно сильно

чувствовалась у преподавателей диалектологии высших учебных заведений.

Совсем недавно в издательстве «Магариф» была издана работа в двух книгах под названием «Татар халык сөйләшләре» [«Татарские народные говоры»]. Авторами данного труда, целью которой является конкретное описание особенностей всех татарских говоров, являются известные татарские диалектологи Д.Б.Рамазанова, Ф.С.Баязитова, Т.Х.Хайрутдинова, З.Р.Садыкова, Р.С.Барсукова. Они – доктора и кандидаты наук, большинство из них проработали в области диалектологии несколько десятков лет, выдающиеся ученые, известные в науке своими многочисленными статьями и монографиями.

Работа написана на основе многолетних изысканий этих ученых. В ней отдельно указываются причины, сыгравшие огромную роль в формировании татарских говоров, а также приводятся архивные материалы, информации по истории и этнографии. Например, особого внимания достойны говоры, сформированные за пределами Республики Татарстан. Здесь конкретно описываются их фонетические, грамматические и лексические особенности, приводятся многочисленные примеры, песни и другие иллюстративные материалы. Важно то, что явления, данные в отдельной статье о каждом говоре, написаны на местах самими диалектологами, научно обработаны, результаты обоснованы, т.е. ученые доказывают каждое явление, мнение примерами из разговорного языка,

услышанные из уст представителей говора.

Авторы правильно сделали, предложив ее в виде учебника студентам высших учебных заведений. Во вступительной части излагается важность диалектологии как науки, ее взаимоотношение с другими науками, а также проблемы, существующие в данной области. Ознакомившись со вступительными статьями, мы узнаем интересную информацию об этапах развития татарской диалектологии, методах изучения местных говоров, об ученых, внесших в эту область большой вклад и многое другое.

В местных говорах по сей день сохранены находящиеся в процессе исчезновения или еще не проникшие в литературный язык древние особенности. Изучение этих говоров помогает нам лучше понимать язык древних письменных памятников, которые являются духовной ценностью татарского народа. Выясняется, что и на сегодняшний день в местных говорах употребляются древние слова, которые использовались в «Кысса-и Йусуф» Кул Гали, произведениях Мухаммедьяра и других памятниках. Таким образом, данная двухтомная работа очень важна для изучения нашего и древнего, и современного литературного языка, также для ознакомления читателей с образцами живой речи.

Издание данного труда обогатило татарское языкознание еще одной фундаментальной работой. Она достойна быть настольной книгой каждого языковеда.

Э.Х.Кадирова

РУЗӘЛ ЮСУПОВ. ТӘРЖЕМӘ ҺӘМ СӨЙЛӘМ КУЛЬТУРАСЫ.

КАЗАН: ТАТАРСТАН КИТАП НӘШР., 2008. – 240 б.

Татарский народ издревна, наряду с татарским языком, хорошо знал и русский язык. Существующее двуязычие, если, с одной стороны, облегчает жизнь, то, с другой стороны, накладывает дополнительные обязанности по

сохранению чистоты родного языка. Так как русский язык является языком межнационального общения не только в пределах России, новая информация, некоторые названия предметов и понятия, связанные с ними, поступают при помощи русского языка. Поэтому татарский язык (да не только татарский) ощущает сильный языковой пресс со стороны русского языка. Новая книга академика АН РТ, доктора филол. наук, профессора Р.А.Юсупова, который является автором многочисленных работ по культуре речи, написана с заботой о необходимости беречь чистоту родного языка, автор заявляет, что это задача государственного масштаба.

Работа состоит из 4-х разделов. Ввиду того, что в основном новые лексемы или языковые явления внедряются в язык через удачный или неудачный перевод, первая глава целиком посвящена вопросам перевода: рассматриваются основные принципы перевода, ее основные единицы, соответствия в переводе, понятия и виды правильного и ошибочного перевода.

2-я глава озаглавлена как «Двуязычие и лексико-семантические нормы», в которой автор рассматривает особенности в лексико-семантических системах татарского и русского языков (с.45–125). В речи билингов ошибки обычно появляются из-за не учета особенностей систем этих языков, из-за не умения определить сходства и различия. Автор перечисляет наиболее характерные важные соответствия в практике татарско-русского двуязычия. Это – передача разных значений русского языка татарскими словами, относящимся к различным семантическим группам (например, *убрать* ~ тат. *жыештыр*- (о помещении); *урып-жый*-, *жыеп ал*- (об урожае), *бизэ*- (о комнате), *көрэ*- (о снеге) и т.д.; соответствие в татарском языке слов одной семантической группы различным значениям русского слова (например, *чистить* ~ *арче*- (о картошке), *чистарт*- (об окне), многозначное татарское слово может соответствовать

различным значениям русского слова (например, *резать* ~ *кис*- (ножом), *тура*- (о картофеле), *яр*- (о тыкве), *суй*- (о гусе) и т.д. Таким образом определяется 6 случаев, когда значения двух языков могут отличаться кардинально.

С незнанием национальных особенностей связано и явление, которое называется буквальным, механическим переводом, когда уже приходится вести речь об ошибочном переводе. Автором приведено множество примеров, которые по его мнению, являются ошибочными. Все же, учитывая выражение В.Гумбольдта, что «язык – есть само действие», время может показать правильность или неправильность употребления, ведь некоторые из них уже утверждаются в речи. На наш взгляд, значение слова *савымчы* гораздо шире, чем просто *сыер савучы* «доярка». Ведь доить можно не только корову, но и козу, верблюда и т.д.

Взаимоотношению грамматики и культуры речи посвящена отдельная, 3-я глава работы (с.126–199). Здесь рассмотрены взаимоотношение слов в единственном и множественном числах в татарском и русском языках (например, в татарском языке говорят *кузем күрми «глаза не видят, досл. глаз не видит»*, хотя речь идет и о глазах), особенности употребления притяжательности, применения глагольных форм.

Автор делится своими суждениями и о синтаксических проблемах, которые проявляются при двуязычии: это проявляется и в порядке слов, нарушении синтаксических норм, в эквивалентности предлогов и союзов, предлогов и аффиксов, окончаний и союзов.

В татарской среде почему-то мало обращается внимания на интонационное оформление речи, точнее, на ее изучение и обучение. Видимо, исходя из этого Р.А.Юсупов 4-ую главу посвятил вопросам совершенства речи и стиля (с. 200–237). Здесь автор уделит внимание на рассмотрение причин, нарушающих

красоту речи, приносящих вред ее естественному течению, интонации.

Например, в силу агглютинативности татарского языка не обязательно каждую единицу однородных слов оформлять формантами. Так, при применении двух однородных слов, оформляется лишь второй компонент, а при применении нескольких – последний. Тем самым достигается стилистическая красота речи. Несколько уходя в сторону, можно отметить, что даже некоторые преподаватели вузов, в таких случаях идя по правилам рациональной грамматики, впереди стоящие компоненты трактуют как имена в именительном падеже, тем самым появляется противоречие как морфологического, так и синтаксического толка. И студент (может, и ученики школ), от греха подальше, оформляют все члены однородного ряда необходимыми показателями.

Имеются различия в языках и в способах согласования подлежащего со сказуемым. Автором приведены 6 случаев, когда в татарском языке подлежащее стоит во множественном числе, а сказуемое – в единственном (с.204–205). В практике двуязычия же данное своеобразие зачастую не учитывается.

Автором внимательно рассмотрены и на примерах доказаны способы применения как стилиевых средств типов сказуемого (с.206–211), употребления их синонимов, роли частиц в составе сказуемого. Нередко в речи мало обращается внимания на вспомогательные слова. Употребление

их в нужном месте может помочь достичь интонационной целостности речи.

Автора беспокоит многочисленное употребление «лишних» слов, появившихся в языке в результате дословного перевода русской речи. Самое распространенное из них – *булып тора*. Данное сочетание в предложении без ущерба значению можно заменять знаком «тире», одной из функций которого является как раз связка подлежащего с группой сказуемого. Таковыми «лишними» словами, по мнению автора являются не к месту употребленные *булган, булып санала, санала, буенча, эгамиятле, карата, турындагы* и др.

Р.А.Юсупова беспокоит некоторое неумное увлечение некоторыми писателями (а за ними идут и молодые) инверсивными построениями предложения. Хотя этим достигается лишь искусственная интонационность. Он приводит некоторые случаи, когда инверсия действительно может увеличить эмоциональность и уничтожить монотонность речи.

Данная монография маститого ученого адресована, прежде всего, молодому поколению. Однако она в такой же мере полезна как специалистам, имеющим дело с живым словом, так и всем людям, думающим о красоте своего общения.

Д.Ф.Хакимзянова

PERSONALIA

ГАРИПОВ ТАЛМАС МАГСУМОВИЧ

(К 90-летию со дня рождения)

Кафедра тюркской филологии Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова явилась подлинной alma mater для многих поколений отечественных тюркологов.

Традиции, заложенные основателем кафедры Н.К.Дмитриевым (1898–1954), его стремление сделать предмет изучения и исследования тюркские языки всех подгрупп этой языковой семьи, заложить современную теоретическую основу описания их строя были реализованы им самим и его учениками, среди которых особое место занимает Талмас Магсумович Гарипов, заслуженный деятель науки России и Башкортостана, профессор и заведующий кафедрой общего языкознания Башкирского государственного педагогического университета.

Т.М.Гарипов, как и его учитель Н.К.Дмитриев, продолжил старую традицию отечественного востоковедения: он окончил университет и как тюрколог, и как иранист. Известно, что исследование тюркских языков По-

волжья занимало особое место в сфере научных интересов Н.К.Дмитриева. Именно эти языки легли в основу научной деятельности и Т.М.Гарипова. Н.К.Дмитриев своими трудами создал общелингвистическую базу отечественной тюркологии. Т.М.Гарипов одним из первых тюркологов своего поколения ввел в тюркологию идеи и методологию современного общего языкознания. Отметим, что докторская диссертация Т.М.Гарипова была выполнена и защищена в Институте языкознания Академии наук СССР.

Круг его научных интересов необычайно широк: теория межъязыковых контактов, ареальная лингвистика, сравнительно-историческая тюркология, лексикология и историко-этимологическое лексикографирование, социолингвистика. При всей многогранности тюркологической и общелингвистической проблематики (им опубликовано более 500 работ) доминантой научной деятельности Т.М.Гарипова стали тюркские языки Урала и Поволжья и их этноисторические контакты. В решении многих спорных проблем в области кыпчаковедения он создал новое направление в тюркской компаративистике, внося в традиционный подход новые идеи и новые методические приемы. Результаты его работы получили отражение в многочисленных

публикациях, среди которых особое место занимают «Кыпчакские языки Урало-Поволжья. Опыт синхронической и диахронической характеристики» (М. Из-во «Наука», 1979), фундаментальный труд, уникальное по своей теоретической и фактической оснащенности исследование взаимодействия башкирского и татарского языков, и «Структурно-семантический глоссарий тюркских языков Урало-Поволжья», Уфа, 1979), занявший свое место в числе классических тюркских «глоссариев».

Подобных работ, которые столь творчески и масштабно развивали на материале тюркских языков подходы современной контактологии и ареальной лингвистики, в тюркологии не было. В отзывах специалистов особо отмечалось сочетание синхронического и диахронического подходов и опора на колоссальный диалектный материал, который рассматривался как наиболее надежный для воссоздания и реконструкции периода распада урало-поволжской кыпчакской подобности. В указанных работах Т.М.Гарипова еще раз проявилось его тяготение к современным лингвистическим теориям и умение органично ввести их в решение традиционных для тюркологии проблем. Не удивительно, что это привело автора и к созданию кафедры общего языкознания как базы вузовской тюркологии.

Научная деятельность Т.М.Гарипова органично сочетается с педагогической работой. Среди его учеников несколько-ко профессоров, десятки кандидатов наук.

Сокурсников Т.М.Гарипова (увы, их осталось немного) и его коллег всегда поражали в нем концентрированная целеустремленность, умение организовать людей, зарядить их своей неугасимой энергией, его живость и общительность. И еще незабываемое чувство юмора и любовь к спорту. Стоит отметить, что Т.М.Гарипов был первым чемпионом Башкирии по бадмингтону.

Башкирское языкознание в полной мере обязано своим прочным местом в отечественной тюркологии Т.М.Гарипову. Неоценима его организаторская работа в научных центрах, фондах и комиссиях республики. Его охотно приглашают университеты России и Европы для чтения лекций.

Вместе с тем возникает чувство горького сожаления при мысли о том, что кафедра тюркской филологии Московского университета не оценила должным образом уникальность своего ученика и, замкнувшись в своем огузском (вернее, турецко-османском) мире, «забыла» в своем отстаивании и укреплении статуса общетюркологической кафедры о том, сколь нужен был для нее Т.М.Гарипов и его поддержка.

Следуя складывающейся традиции отмечать в наших трудах юбилей ученых, значение которых неоспоримо в истории нашей кафедры и тюрко-логии в целом, мы смиренно приносим Т.М.Гарипову свою запоздалую благодарность и поздравления в связи с его 80-летием. Как говорится, лучше поздно, чем никогда.

Э.А. Грунина

КОРМУШИН ИГОРЬ ВАЛЕНТИНОВИЧ (К 70-летию со дня рождения)

Исполнилось 70 лет со дня рождения одному из ведущих ученых в области алтайских языков, Почетному работнику высшего профессиональ-

ного образования, доктору филологических наук, профессору Игорю Валентиновичу Кормушину.

Первая научная публикация ученого о категории числа существительных и времени глагола в языке-посреднике, написанная в соавторстве, вышла 50 лет назад (1959). В настоящее время Игорем

Валентиновичем написано свыше 150 научных работ, в т.ч. более 10 монографий. Они характеризуют его как исследователя с широким кругом научных интересов, охватывающих грамматику и лексику тюркских языков, древнюю тюркскую рунологию, историю тюркских языков, сравнительно-историческое языкознание, тунгусо-маньчжуроведение, монголоведение и алтаистику.

О неоценимом вкладе ученого в тюркологию можно составить представление по научным работам, включенным в фундаментальные коллективные издания Академии наук: «Древнетюркский словарь» (1969) и пять томов «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков» (1988–2006 гг.), а также энциклопедическое издание, не имеющее аналога в мировой тюркологии "Тюркские языки" (в серии "Языки мира").

И.В.Кормушин внес существенный вклад в изучение древних памятников рунического письма – единственного письменного источника тюркских народов Саяно-Алтая, являющегося бесценным материалом для исследования не только языка, но и истории и культуры коренных народов Сибири. Он в течение последних двадцати лет выезжает в Туву, Хакасию, Монголию, досконально исследует тексты памятников орхоно-енисейской пись-

менности, делает поправки и уточнения в состав знаков, дает новые переводы и толкования. Первые результаты опубликованы в монографии «Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования» (1998), получившей высокую оценку в научных кругах, готовится к выходу и вторая часть этой капитальной работы.

В настоящее время для широкого круга читателей, интересующихся историей Саяно-Алтая и населявших его народов, Игорь Валентинович готовит научно-популярную книгу «Рунические надписи древней Тувы». Его до глубины души волнуют проблемы, связанные с древними памятниками, которые свезены в середине прошлого столетия в Национальный музей им. Алдан-Маадыр со всех концов Тувы; на правительственном уровне поднимал вопрос об их сохранности до строительства крытого стелария.

Уникальна работа ученого, посвященная изучению исчезающего языка тунгусо-маньчжурской группы – удэгейского. А исследования по теории и практике дальних реконструкций тюркского протоязыка и алтайского праязыка, реализованные в сериях монографий и статей, занимают заметное место среди современных работ сравнительно-исторического плана.

И.В.Кормушин успешно сочетает академическую науку с преподавательской деятельностью. Читает лекции по языку орхоно-енисейских памятников, древним тюркским языкам, по истории тюркских языков, разрабатывает пилотные проекты. Он щедро делится своими профессиональными знаниями и богатым научным опытом со своими студентами, аспирантами и коллегами. И каждый год с большим интересом посещают его лекции не только студенты и аспиранты, но и ученые,

интересующиеся проблемами истории языка, древней енисейской руники.

По заказу кафедр тувинского и хакасского языков ТывГУ и ХакГУ он написал учебник «Древние тюркские языки», который вышел под грифом Министерства образования и науки Российской Федерации. Данное учебное пособие впервые дает возможность познакомиться с памятниками в контексте анализа взаимоотношений древних тюркоязычных этносов, а на образцах текстов памятников древнеписьменного творчества тюркоязычных народов – с их языком и стилем. Игорь Валентинович выпустил также программы дисциплин «Древние тюркские языки», «История родного языка», «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков» и учебно-методический комплекс «История тувинского языка» (в соавторстве). В настоящее время работает над учебником «Историческая грамматика тувинского языка».

Велика заслуга Игоря Валентиновича в подготовке научных кадров и ученых для тюркоязычных республик России.

И.В.Кормушин совместно с преподавателями и студентами ТывГУ, ХакГУ ездит в эпиграфические и диалектологические экспедиции в районы Тувы, Хакасии и Монголии, собирая лингвистические и этнографические материалы. Им впервые прочитаны надписи в районе Кара-Холя Республики Тыва. Как опытный полевик-исследователь, Игорь Валентинович бескорыстно передает свой опыт работы аспирантам, студентам, постигающим работу с информаторами и со сбором языковых материалов. Полевые материалы многих его

учеников стали фактической основой их кандидатских диссертаций.

И.В.Кормушин активно участвует в общественной жизни: с 2007 г. возглавляет Российский комитет тюркологов при Российской Академии наук, под его руководством проводятся семинары-коллоквиумы тюркологов. Он ведет большую работу по активизации исследовательской и информационной деятельности в тюркологии, по восстановлению научных связей между тюркологами России и республик бывшего Советского Союза. Игорь Валентинович внес существенный вклад в поддержание российско-турецких научных связей, с 2000 г. является почетным членом Турецкого лингвистического общества.

Благодаря И.В.Кормушину, научные библиотеки ТывГУ, Тувинского института гуманитарных исследований, ХакГУ и Института саяно-алтайской тюркологии постоянно пополняются фундаментальными научными трудами тюркологов и востоковедов.

Коллег и учеников очаровывает масштаб ученого, широта и многогранность научных интересов, щедрость души, его желание помочь не только в научных начинаниях, но и в решении житейских проблем.

Игорь Валентинович является для нас, учеников, духовным УЧИТЕЛЕМ и примером трудолюбия.

Желаем дорогому БАШКЫ доброго здоровья, новых творческих успехов, тепла и понимания в семье, долгих лет жизни!

Л.С.Кара-оол

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ ЕГОРОВ

(К 60-летию со дня рождения)

Тюрколог широкого профиля, доктор филологических наук (1992), профессор кафедры народно-художественного творчества и социально-культурной деятельности Института культуры и искусств Чувашской Республики, ведущий научный сотрудник отдела языкознания Чувашского государственного института гуманитарных наук.

Окончил чувашское отделение историко-филологического факультета Чувашского государственного университета (1977). В 1977–1992 гг. – научный сотрудник ЧНИИ ЯЛИЭ (ныне Чувашский государственный институт гуманитарных наук). В 1993–2004 гг. работал в Чувашском государственном университете, где организовал кафедры культурологии и тюркологии, с 2004 г. – ведущий научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук; заведующий кафедрой народного художественного творчества и социально-культурной деятельности Чувашского государственного института культуры и искусств (с 2006 г.).

В 1992 г. защитил научный доклад по опубликованным трудам, представленный на соискание ученой степени доктора филологических наук («Проблемы генетической и хронотопологической стратификации лексики чувашского языка и теория о болгаро-чувашской этноязыковой преемственности»). Автор более 200 научных работ

по чувашскому этно- и глотто-генезу,

критическому осмыслению алтайской теории, древнейшим контактам языков болгаро-чувашского

типа с монгольскими, индоиранскими, угорскими и др. языками, чувашской этимологии и исторической лексикологии, ономастике и диалектологии, чувашским праздникам и обрядам, мифологии, фольклору.

Н.И.Егоров является член-корреспондентом Турецкого лингвистического общества (2000), членом президиума Ассоциации тюркологов всего мира (2004), заслуженным деятелем науки Чувашской Республики (1999).

Н.И.Егоров продолжает плодотворно трудиться, и мы, его коллеги, друзья, желаем ему здоровья, творческого долголетия на благо российской тюркологической науки.

АННА ВЛАДИМИРОВНА ДЫБО

4 июня 2009 г. Анна Владимировна Дыбо, одна из самых молодых членов Отделения историко-филологических наук РАН, отметит свой первый большой юбилей. Избранная чуть более года

назад, в мае 2008 г. в члены-корреспонденты РАН, Анна Владимировна к этим своим жизненным рубежам подошла с ощутимыми успехами. И везде, на всех этапах ее роста и восхождения,

помимо ее собственных незаурядных способностей и огромного трудолюбия Анну Владимировну направляли и вели выдающиеся наставники и талантливые и порядочные коллеги.

Филологическая одаренность Анны Владимировны проявилась еще в школьные годы, здесь ее первыми наставниками были родители, известные лингвисты: мать, Валерия Григорьевна Чурганова, русист, и особенно отец, Владимир Антонович Дыбо, один из виднейших в наши дни компаративистов. Под их руководством, главным образом, отца, Аня Дыбо успешно изучала многие древние языки – греческий, старославянский, латынь и др., а затем даже стала принимать участие в ностратических семинарах, которые проходили под руководством Б.А.Долгопольского и ее отца В.А.Дыбо. В этих семинарах в те годы принимали участие С.А.Старостин, Е.А.Хелимский, И.Пейрос и другие молодые сотрудники и аспиранты, ставшие позднее известными учеными.

Пробудившийся вкус к науке о языках приводит в 1975 г. Анну Дыбо, выпускницу Мытищинской средней школы № 25, на знаменитый в то время ОСИПЛ – отделение структурной и прикладной лингвистики филфака МГУ. Здесь наибольшее влияние на дальнейшее (но не окончательное) формирование лингвистических интересов и навыков научной работы у Анны Дыбо имели занятия у Андрея Анатольевича Зализняка по индоевропеистике, восточным языкам, славистике и древнерусскому языку, а также летние экспедиции для изучения и фиксации языков Дагестана под руководством Александра Евгеньевича Кибрика. Рождение первого сына в 1979 г. (а сейчас, 30 лет спустя Анна Владимировна – мать троих взрослых детей и молодая бабушка) на год отодвигает окончание Университета, но дает возможность представить довольно объемную дипломную работу на тему "Деклинационные различия в новгородских диалектах XIII–XIV вв. и проблема

локализации письменных памятников".

Отличное качество и новизна результатов работы открывает ей путь в аспирантуру Института русского языка с хорошими перспективами быстрой, после

небольшой доработки диплома, защиты кандидатской диссертации. Но в дело вмешивается сама судьба.

Институт русского языка смог предоставить Анне Владимировне место в заочной аспирантуре, но при этом нужно было где-то работать. В Институте языкознания оказалась свободной вакансия лаборанта в группе Этимологического словаря тюркских языков. К службе в этом качестве Анна Владимировна приступила через месяц после получения университетского диплома. Она с лихвой отработывала ставку в 80 руб., делая выписки материалов и составляя резюме разного рода этимологий из иностранных журналов и книг. Лия Сергеевна Левитская, возглавлявшая группу, давала Анне Владимировне индивидуальный семинар-практикум по общим проблемам тюркской компаративистики, а кроме того Анна Владимировна ходила на занятия по турецкому языку к Эльвире Александровне Груниной в ИСАА при МГУ. Через год такого «введения» в тюркологию руководитель сектора тюркских языков Института языкознания Эдгем Рахимович Тенишев высказал свое отношение к успехам Анны Владимировны в виде своеобразной претензии: почему, мол, человек, работающий у нас и увлеченно осваивающий нашу науку, до сих пор не сделал «правильного» выбора и числится «где-то» в аспирантуре по другой специальности. Так совершился поворот в

судьбе, и определился главный интерес в научной деятельности Анны Владимировны.

На новой стезе Анна Владимировна не ограничилась рамками тюркских языков. По природе этимологических разысканий она должна была привлекать материалы других языковых семей, коль скоро вставали вопросы глубинных соотношений тюркских этимонов с монгольскими и другими алтайскими, а также соотношений в рамках более отдаленного мегародства ностратических языков. Так что все, чем уже владела Анна Владимировна — знаниями по индоевропейской компаративистике, включая основные древние индоевропейские языки, знаниями языков иной типологии, владение обширной лингвистической литературой, — все это очень пригодилось ей в новой области. В годы заочной аспирантуры, 1982–86 гг., складывается тематика и методика ее исследования — названия частей тела во всем многообразии функционирования данных лексем и как соматических терминов, и для обозначения пространственной ориентации. Эту, в сущности обычную процедуру этимологизирования Анна Владимировна дополнила типологическим критерием верификации получаемых семантических переходов в данной лексико-семантической группе, обратившись к изучению соматизмов в других языковых семьях, прежде всего, к такой достаточно хорошо изученной и документированной материалами семье, как иранские языки (и здесь удача: ее консультантом по иранистике все эти годы была и остается Джой Иосифовна Эдельман); кроме того, Анна Владимировна анализирует аналогичные материалы финно-угорской группы языков, не говоря уже о двух других членах алтайской макросемьи — монгольских и тунгусо-маньчжурских языках. Диссертация выросла значительно как за счет включения большого разноязычного материала, так и за счет детализации описаний семантических

импликаций рассматриваемых лексем. Росту объема диссертации способствовали и такие обстоятельства, как новый академический отпуск по уходу за вторым, родившимся в 1985 г., ребенком. В момент представления диссертации в полном виде Э.Р.Тенишев считает работу А.В.Дыбо значительно переросшей рамки кандидатской и настаивает на представлении ее в Диссертационный совет в качестве докторской диссертации. Защита состоялась в феврале 1992 г. и была утверждена лишь в декабре этого же года: необычной была ситуация для ВАК'а; к тому же и возраст нового доктора наук — 33 года, призывал к взвешенности в решении. Несколько позднее, в 1996 г. диссертация была опубликована в виде монографии «Семантическая реконструкция в алтайской этимологии. Соматические термины (плечевой пояс)» в объеме 24 п.л.

Параллельно с подготовкой диссертации Анна Владимировна включилась в исследования по двум ведущим для тюркологов Института исследовательским темам: этимологическому словарю и сравнительно-исторической грамматике. Ее приход в оба эти коллектива был и своевременен, и востребован, а ее публикации в этих трудах начинают выходить в свет уже начиная с 1997, соответственно 5, 6 и 7 тома ЭСТЯ, и три заключительных тома СИГТЯ, где ее особенно весомый вклад — около 30 п.л., позволил своевременно завершить этот эпохальный труд. Последние годы Э.Р.Тенишев тяжело болел, и почти вся организационная работа и по СИГТЯ, и вообще по Отделу урало-алтайских языков легла на плечи его молодой, энергичной и чрезвычайно работоспособной помощницы. Поэтому у коллектива сотрудников Отдела не было никаких сомнений в том, что после смерти Эдгема Рахимовича возглавить коллектив должна Анна Владимировна.

Столь успешная работа по линии Института языкознания сочеталась у Анны Владимировны с многолетней

подготовкой трехтомного «Алтайского словаря» под руководством С.А.Старостина (в соавторстве также с О.А.Мудраком) опубликованном в 2003 г. в Лейдене в издательстве Бриля, в объеме 360 п.л.! Полная сводка алтайских сближений Старостина – Дыбо – Мудрака позволяет двигаться дальше от уже достигнутого, либо при каждом обращении еще раз проверить действенность доводов в защиту генетических отождествлений.

К числу последних опубликованных трудов, ознаменовавших новое направление ее исследований, относится монография «Лингвистические контакты ранних тюрков. Лексический фонд» (М., 2007), первая из задуманного ею цикла по заимствованиям в тюркские языки древнейшей, дописьменной поры слов из китайского, тохарского, хотанско-сакского и др. древнеписьменных языков. Пафос этих изысканий – найти опорные точки для абсолютных датировок историко-фонетических явлений в собственно тюркских языках. Многие из рассматриваемого материала так или иначе попадали в орбиту внимания первоклассных западных тюркологов, синологов, тохароведов, иранистов. Но ведь дополнять, разъяснять и поправлять корифеев лингвистики не каждому под

силу. Несомненно, начавшийся осуществлением цикл трудов Анны Владимировны по древнейшим заимствованиям в тюркские и из тюркских языков слов, среди которых много лексем культурного слоя, еще ярче раскроет ее талант и существенно обогатит науку представлениями об истории взаимодействия языков и культур древнего мира.

В заключение нелишне будет сказать о многочисленных общественных должностях и обязанностях юбиляра: она эксперт ВАК'а, РГНФ, член ученых и диссертационных советов ИЯз'а, РГГУ, член редакционных советов «Вопросов филологии», «Проблем языкового родства», ученый секретарь Российского Комитета тюркологов при ОИФН РАН. Анна Владимировна давно и плодотворно работает со студентами РГГУ, где она с 1994 года преподает в должности профессора.

Друзья, коллеги и ученики желают дорогой Анне Владимировне крепкого здоровья, счастья и новых больших успехов в ее многогранной научной, научно-организационной и общественной деятельности.

И.В.Кормушин.

НЕКРОЛОГИ

ПАМЯТИ А.М. ЩЕРБАКА
(1926–2008)

Известный российский тюрколог Александр Михайлович Щербак скончался 28 января 2008 г. после непродолжительной болезни. Он был исключительный труженик, был одним из тех людей, которых называют «трудоголиками». А.Щербак оставил после себя богатое научное наследство: около 200 научных публикаций, из них 10 монографий. Будучи исключительно преданным своей любимой специальности – тюркологии и отдавая все рабочее и большую часть свободного времени научным занятиям, А.Щербак два дня в неделю – субботу и воскресенье – посвящал активному отдыху, совершая летом загородные прогулки по лесу, осенью увлекаясь сбором грибов, зимой отправляясь по многокилометровому маршруту на лыжах. Даже перешагнув 80-летний рубеж он не отступил от своих обычаев: когда возвращался из очередной, ставшей последней, предновогодней лыжной прогулки, у него случился инсульт, от которого он уже не оправился.

Ученый родился 18 декабря 1926 г. в с.Летняя Ставка Благодатненского р-на Северокавказского края (ныне – Туркменского р-на Ставропольского края) в семье служащего банка. Обширную территорию Ставропольского края населяют народы разных языковых групп, и А.Щербак с детства общался с носителями тюркских языков (трухмены,

ногайцы, кумыки) и с монголами – калмыками. Именно в эти ранние годы у него проявился интерес к этим языкам.

В 1944–1945 гг. А. Щербак – на фронтах Второй мировой войны, под Будапештом он получает тяжелое ранение в область позвоночника, оно отзывалось всю его жизнь сильными болями в спине. Его военные заслуги отмечены орденом и несколькими медалями.

Оправившись после ранения, А.Щербак поступает в Ставропольский пединститут, который успешно оканчивает в 1948 г. по специальности «Русский язык и литература». Однако интерес к тюркским языкам звал его сменить специальность. В 1948 г. он поступает в аспирантуру Института языкознания АН СССР в Ленинграде, его научным руководителем становится известный тюрколог, специалист широкого профиля С.Е.Малов, прививший своему ученику любовь к изучению языков древнетюркских и средневековых памятников, вообще к истории тюркских и других алтайских языков.

Тема кандидатской диссертации – «Сказание об Огузе: К истории узбекского языка», была успешно защищена в 1951 г. Позднее это исследование вошло в первую книгу А.Щербака «Огуз-наме. Мухаббат-наме: Памятники древнеуйгурской и узбекской письменности» (1959).

В 1951 г. он становится сотрудником того же института, в котором проработал до конца своих дней, удивляя коллег режимом своей регулярной работы с 10 утра до 8 вечера.

Продолжая линию изучения языка средневековых памятников, в 1961 г. А.Щербак выпускает «Грамматический очерк языка тюркских текстов X–XIII вв. из Восточного Туркестана». Грамматика включала характеристику письменностей и основных грамматических категорий языка древнеуйгурских текстов из Восточного Туркестана. Она основывалась на их имеющихся изданиях. Это были памятники манихейского и буддийского содержания. Труд А.Щербака стал первой опубликованной на русском языке грамматикой этих древних языков, которая удачно дополняла изданную ранее его учителем, С.Е.Маловым, известную хрестоматию древнетюркских текстов «Памятники древнетюркской письменности: Тексты и исследования» (1951 г.).

В 1962 г. выходит его «Грамматика староузбекского языка», основанная на анализе средневековых текстов начиная с предшественников Алишера Навои, самого поэта, Бабура и последующих авторов Средней Азии, поэтому здесь представлены примеры из произведений Атаи, Ахмеда, Амири, Лутфи, Сиди Ахмеда, Хорезми, Кутба и других поэтов, а также Мухаммада Салиха, Тали Херави, Мехди-хана; использованы и тексты ярлыков. Иными словами, были охвачены памятники XIV–XVI вв. Она содержит, таким образом, описание и анализ фонетических особенностей, а также грамматических форм, встречающихся в текстах художественной, исторической и религиозной литературы и официального делопроизводства. В этом труде А.Щербак ставил цель рассмотреть исторические корни современного узбекского литературного языка, которые он видел в языке XIV–XV вв. В то же время он характеризовал последний как естественное развитие языка предшествующего периода, описанного

им в предыдущей грамматике. По его мнению, это был среднеазиатский вариант восточнотуркестанского языка более позднего (после XIII в.) периода, и это был его карлукско-уйгурский диалект. К работе был приложен также интересный раздел «Система староузбекского стихосложения».

А.Щербак и позднее обращался к среднеазиатским памятникам письменности, издав тексты, переводы и комментарии «Сал-наме» (1974), «Та'ашшук-наме» (1980), отрывок из трактата Бабура «Мухтасар» (1969), некоторые поэтические тексты предшественников Навои (1982).

Другим излюбленным направлением занятий А.Щербака тюркскими памятниками письменности была рунология. Прежде всего, его заинтересовали рунические (точнее – руноподобные) надписи южнорусских степей из Восточной Европы. Первой работой в этом направлении была статья «Несколько слов о приемах чтения рунических надписей, найденных на Дону» (1954), затем статья «Знаки на керамике из Саркела» (1958), затем – «Знаки на керамике и кирпиче из Саркела – Белой Вежи» (1959), «О надписях из Кумары (Северный Кавказ)» (1962), «О рунической письменности в юго-восточной Европе» (1971). Последний раз к этой тематике А.Щербак вернулся в своей книге «Тюркская руника: происхождение древнейшей письменности тюрков, границы ее распространения и особенности использования» (2001), в которой он подвел итог своих многолетних занятий рунической письменностью. Здесь он еще раз обратился к интерпретации руноподобной надписи на палочке из Ачикташа (Талас, Киргизия), предложив ряд уточнений в чтение поддающихся расшифровке слов.

А.Щербак принадлежат также первое прочтение и издание выполненной согдо-уйгурским письмом Улаангомской надписи из Монголии (1961), надписи из Хербис-Баары (Тува)

(1961) и поправки к нескольким енисейским памятникам, которые он обследовал во время экспедиции в Туву в 1961 г.

А.Щербак является одним из авторов и редакторов известного «Древнетюркского словаря» (1969), в котором ему принадлежит значительная часть словарных статей.

С 1965 г. ученый начинает работать над многолетней научной темой, ставшей главной в его творческой биографии – над сравнительно-исторической грамматикой тюркских языков. В 1970 г. выходит из печати его «Сравнительная фонетика тюркских языков», в 1977 – «Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: Имя», в 1981 – «Глагол», в 1987 – «Наречие, служебные части речи, изобразительные слова» и в 1994 г. заключительная часть серии этих монографий «Введение в сравнительное изучение тюркских языков». На основе первой работы в 1968 г. А.Щербак защитил докторскую диссертацию «Сравнительная фонетика тюркских языков».

Несмотря на то, что в названиях этих книг отсутствует слово «историческая», все они, несомненно, принадлежат именно к грамматикам сравнительно-исторического типа. Так, в «Фонетике» на основе анализа синхронных данных предлагается реконструкция фонологической системы тюркского праязыка и описание эволюции материального выражения праязыковых фонем, причем в известной доли речь идет и о реконструкции фрагментов фонологической системы тюркского протоязыка (происхождение первичных долгот, становление вокализма и др.). В «Очерках по морфологии», охватывающих практически все засвидетельствованные в современных языках части речи, после сравнительного рассмотрения именных и глагольных грамматических форм, сопровождаемого показом их семантико-функционального содержания, также даются рекон-

струкции морфологической системы на уровне праязыка и проецируется ее развитие вплоть до современного состояния. Последнее обстоятельство позволяет проследить эволюцию как формальной стороны грамматических форм, так и их семантической трансформации на протяжении зарегистрированной истории тюркских языков, определить их место в формировании грамматических категорий этих языков. Все положения в этих работах основываются на анализе обширнейшего фактического материала, представленного в доступной автору тюркологической литературе, причем существенную часть его составляют диалектные данные, что в тюркологии явилось в то время значительным новшеством для исторических исследований, опиравшихся в основном на формы литературных языков и письменных литературных памятников. В своих исследованиях А.Щербак поднял проблему различения истории языков как таковых и истории литературных языков, противопоставлением чего пренебрегали многие тюркологи.

Заключительный том этой серии содержит критический обзор классификаций тюркских языков, обобщенный очерк развития их фонетики, морфологии, синтаксиса и лексики, а также обсуждение теоретических проблем реконструкции древнейшего состояния тюркских языков, их праязыка. В работе обсуждаются также вопросы генетического родства тюркских языков с другими языками, в частности с другими алтайскими, где автор снова отстаивает свою точку зрения на характер связей языков внутри алтайской (частично, ностратической) семьи.

Таким образом, несомненной научной заслугой А.Щербака стало построение законченной модели тюркского праязыкового состояния, в которой реконструкции подверглись фонологический и морфологический ярусы. Его комплексная реконструкция оказалась второй в истории российской тюрко-

логии. Первый такой опыт был представлен в работе Б.А.Серебренникова и Н.З.Гаджиевой «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков» (1979), однако их модель была беднее и не охватывала все морфологические категории. Наконец, третья отечественная модель реконструкции разрабатывалась в Институте языкознания РАН под руководством Э.Р.Тенишева и представлена в шести книгах «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков» (1988–2006). Все три модели, построенные на основе традиционного сравнительно-исторического метода, представляют собой, несомненно, большой научный интерес, и среди них пионерские исследования А.Щербака занимают почетное место.

Среди коллег А.Щербак был известен как последовательный «антиалтаист», не признающий генетического родства тюркских языков с другими алтайскими. Сомнения в правомерности алтайской гипотезы он высказал в одной из ранних публикаций – «Об алтайской гипотезе в языкознании» (1959), он придерживался этой точки зрения и в своих последних работах. Практически в каждой из упомянутых пяти монографий он отводил специальное место обсуждению алтаистических проблем, считая вопрос о генетических связях языков далеким от решения и считая необходимым сначала решить проблемы исторического контактирования языков алтайской семьи. Именно поэтому в последующих своих работах А.Щербак обратился к анализу прежде всего связей тюркских и монгольских языков в историческом аспекте.

В 1997 г. вышла монография «Ранние тюркско-монгольские языковые связи (VIII–XIV вв.)», в которой автор стремился показать степень интенсивности языковых взаимопроникновений, проходивших в течение длительного времени. Эти связи, с его точки зрения, свидетельствуют о существовании уникальной тюркско-монгольской языковой общности

(языкового союза), возникшей в результате контактов, что стало причиной глубоких и сложных конвергенционных процессов. При этом исторически намечается линия усиленного влияния именно тюркских языков на языковую систему монгольских языков. И с данной точки зрения наиболее важной задачей исследований в этой области является четкая стратификация заимствований и выявления принципов их адаптации в языке-реципиенте, т.е. в монгольском языке. По мнению А.Щербака, коснувшееся всех ярусов языка воздействие тюркских языков на монгольские было столь интенсивным, что можно говорить о «смешанности» монгольских языков. Поэтому следующей задачей изучения такой языковой конвергенции является выяснение степени смешанности монгольских языков и вычленение их собственного языкового достояния.

Именно решению такой задачи посвящена следующая книга А.Щербака «Тюркско-монгольские языковые контакты в истории монгольских языков» (2005). Автор на большом фактическом материале стремится определить тюркский вклад в формирование и развитие монгольских языков для того, чтобы выяснить степень их смешанности. При этом смешение рассматривается автором как исторический факт, обусловленный наличием географической смежности, культурных и торговых связей, межплеменных контактов. В ранний период контактов (до XIII в.) происходило преимущественно одностороннее интенсивное влияние тюркских языков на монгольские языки, после XIII в. наблюдается также обратное, монгольско-тюркское влияние. В целом, в ходе исторического развития этих двух семей в Центральной Азии сложилась уникальная тюркско-монгольская языковая общность контакционного типа. Естественно, такой вывод дает А.Щербаку основания для сомнений в перспективности алтайской гипотезы.

если она будет игнорировать древнейшие и древние контакты языков между собой и межъязыковые заимствования.

В своих работах А.Щербак обращался также к теоретическим проблемам синхронной и исторической грамматики тюркских и других алтайских языков, обсуждая, в частности, такие проблемы, как методика морфологического описания языка, особенности агглютинативного строя, способы выражения грамматических значений в тюркских языках, о лингвистической природе частей речи, о методах этимологического исследования аффиксальных морфем, вопросы приложения к тюркским языкам грамматики порядков, явление аналогии в тюркских языках и др. Активно он откликался и на теоретические вопросы, выдвигаемые его коллегами. Так, известна его полемика с Г.Дерфером о статусе долгих гласных в халаджском языке (1973, 1977, 1982), а также отклик на публикацию Т.Текина о явлении «зетацизма» (1987, 1992, 1993), его полемика с представителями ностратической гипотезы (1984, 1989) и др.; сюда же следует отнести его рецензии на выходящие труды по тюркологии и алтаистике.

Научные заслуги А.Щербака высоко оценены мировой научной общественностью. С 1989 г. он Почетный член турецкого лингвистического общества, с 1996 г. — чл.-корр. Финно-угорского общества. В 1992 г. А.Щербак за вклад в

тюркологию награжден Золотой медалью ПИАК. Он был членом редакционных коллегий ряда зарубежных и отечественных лингвистических журналов.

В 1991 г. А.Щербак создал в Институте народов Севера при Российском государственном педагогическом университете им. А.И.Герцена кафедру алтайских языков и руководил ею до 1995 г., там он вел курсы «Введение в алтаистику», «Введение в тюркологию». С 1993 г. он в течение ряда лет возглавлял отдел Алтайских языков в Институте лингвистических исследований РАН (СПб.).

А.Щербак являлся ярким примером подвижника науки, отстаивающим принципиально и последовательно свои научные воззрения, не меняя свою теоретическую платформу, несмотря на те превратности судьбы, которые в разные годы испытывала российская наука. Столь же последователен он был и в своих житейских позициях, открыто высказывая оппоненту свою точку зрения. В то же время это был скромный в быту человек, а в кругу друзей и коллег это был приятный рассказчик, доброжелательный и общительный товарищ, настоящий Александр-бей, как его величали коллеги-тюркологи.

Д.М. Насилов, И.А. Невская

ВАХИТ ХОЗЯТОВИЧ ХАКОВ

20 июня 2008 г. на 83-м году жизни скорпостижно скончался Вахит Хозятович Хаков — один из крупных современных татарских ученых-тюркологов,

доктор филологических наук, профессор Казанского государственного университета, заслужанный деятель науки Республики Татарстан, академик Россий-

ской академии гуманитарных наук, участник Великой Отечественной войны.

Вахит Хозятович ушел из жизни неожиданно, он был полон энергии и сил, вел активную преподавательскую деятельность, его последняя лекция состоялась за день до смерти у студентов-заочников, он был полон творческих идей о будущих направлениях работы нашей кафедры.

Проводили профессора Вахита Хозятовича в последний путь из Мраморного зала Казанского университета в присутствии государственных деятелей Республики Татарстан, родственников и многих соратников, друзей, коллег и учеников. С Казанским университетом, в котором он прошел путь от студента до профессора, заведующего кафедрой, связана практически вся биография ученого. В.Х.Хакову довелось жить и действовать в разных исторических эпохах, в условиях крутых поворотов общественного развития, он всегда проявлял свои замечательные личностные качества — целеустремленность, природную мудрость и огромную трудоспособность, служение своему народу.

Вахит Хозятович родился 16 августа 1926 г. в д.Старые Лащи (Кузби) Буинского района Республики Татарстан в семье сельского учителя. Ему не было и 17 лет, когда в 1943 г. его призвали в Красную Армию, служил он на территории Монголии и Китая. В составе войск Забайкальского фронта ему пришлось пройти боевой легендарный путь пешим ходом, преодолев безводные степи Монголии, пустыню Гоби и горы Большого Хангана в непрерывных боях и условиях отсутствия воды, был ранен. За участие в военных действиях был награжден Орденом Отечественной войны II степени, медалями «За боевые заслуги», «За победу над Японией». Будучи на Востоке, он познакомился с

древними тюркскими письменными памятниками, относящиеся к VII–VIII вв., написанных руническим шрифтом. Встреча с древней историей тюрков послужила толчком к выбору будущей профессии. После демобилизации в звании капитана запаса, с 1949 г. работал учителем татарского языка и литературы в школах Буинского района, окончил

Тетюшское педагогическое училище, а в 1957 г. — историко-филологический факультет Казанского государственного университета с красным дипломом, в том же году поступил в аспирантуру при ИЯЛИ Казанского филиала АН СССР. Начиная с 1960 г., вся дальнейшая научно-педагогическая и общественная деятельность

В.Х.Хакова связана с Казанским государственным университетом.

В 1961 г. В.Х.Хаков успешно защитил кандидатскую, а в 1971 г. в г.Алма-Ате в Институте языкознания АН Казахской ССР докторскую диссертацию по проблемам истории татарского литературного языка. «История тюркских литературных языков» как новая самостоятельная отрасль тюркологии сформировалась в XX столетии. Приоритет в создании и систематизации этой отрасли татарского языкознания принадлежит В.Х.Хакову.

Оценивая значимость сформированного под его руководством научного направления «Исследования языка древнетюркских и тюрко-татарских письменных памятников в диахроническом и синхроническом аспектах», можно говорить о развитии Казанской научной школы. Идеи и важнейшие положения, апробированные в монографиях, учебных изданиях, статьях, выступлениях на конференциях, находят отражение в коллективных исследованиях. Им подготовлено 16 кандидатов наук, 3 доктора наук, его

учеников можно встретить во многих вузах Татарстана – г. Казани, Елабуги, Набережных Челнов, а также Уфы и др.

В.Х.Хаков был известным ученым в области истории татарского литературного языка, знатоком арабографических текстов старотатарского языка, талантливым исследователем стилей татарского литературного языка. Научная деятельность Вахита Хозятовича – пример верности своему призванию. Профессором В.Х.Хаковым был создан цикл работ по истории формирования и развития татарского языка: «Образование и развитие татарского национального литературного языка» (1972, 224 с.), «Развитие татарского литературного языка в советский период» (1985, 150 с.), «История татарского литературного языка» (1993, 326 с.), «Современный татарский литературный язык», «Основы стилистики» (1999, 304 с.), «Язык – зеркало истории» (2003, 312 с.). В монографиях Вахита Хозятовича рассматриваются в диахроническом и синхроническом аспектах системно и в определенной последовательности основные закономерности формирования и развития татарского литературного языка, выявляются его качественно новые признаки, возникающие в период образования татарской народности и нации. В трудах ученого используются широкий круг источников различных жанров и архивные рукописные материалы. Исследования Вахита Хозятовича стали большим достижением татарской лингвистической науки. В 2006 г. за цикл работ «Научные исследования в области истории татарского языка» В.Х.Хакову была присуждена Государственная премия Республики Татарстан по науке и технике.

Его научно-педагогическая и общественная деятельность была по достоинству оценена в России и за ее пределами. За плодотворную научно-педагогическую деятельность в 1987 г. Указом Президиума Верховного Совета ТАССР ему присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки ТАССР», в 1994

г. Указом Президента РТ награжден «Почетной грамотой Республики Татарстан». В 1986 г. награжден нагрудным знаком Минвуза СССР «За отличные успехи в работе». За научные достижения присуждена ему университетская премия и присвоено звание лауреата КГУ. В.Х.Хаков – Лауреат Государственной премии Республики Татарстан в области науки и техники. В 2006 г. ему присвоено почетное звание «Заслуженный профессор Казанского университета», с 1994 г. Вахит Хозятович являлся членом Международной конфедерации «За гуманизм и справедливость на Земле».

Научное наследие известного ученого обширно, им опубликовано свыше 30 книг, из них 10 монографий и более 500 научных и научно-популярных статей. В.Х.Хаковым разработаны вузовские курсы «История татарского литературного языка», «Теоретическая и практическая стилистика», «Функциональные стили татарского языка» и др. Научные заслуги В.Х.Хакова признаны в тюркологическом мире и учеными Татарстана. Он принимал активное участие в работах Всесоюзных тюркологических конференций: г.Алма-Ата, 1976; г.Ташкент, 1980; г.Ашхабад, 1984; г.Фрунзе, 1988; г.Казань, 1992, 2000; г.Уфа, 1997; Турция, Анкара, 1996; США, 2000 и т.д.

Вахит Хозятович никогда не замыкался в чисто научно-педагогической деятельности. В течение 30 лет он вел по республиканскому радиовещанию передачу «Тел күрке – сүз» («Красота языка – слово»), приобщая многотысячную аудиторию радиослушателей культуре речи, воспитывая в них чувство любви и уважения родному языку. Вел большую работу по реализации Закона «О языках Республики Татарстан» и Государственной программы по сохранению и развитию татарского языка как государственного, являлся членом орфографической и терминологической комиссий, активно сотрудничал в Татарской энциклопедии при институте ТЭ АН РТ.

Вахит Хозятович был удивительно скромным человеком, обладал высокой интеллигентностью и редким даром доброжелательного общения. Его беззаветная преданность науке, мудрость задавали профессиональный и нравственный тон жизни кафедры и факультета.

Светлая память о Вахите Хозятовиче

Хакове ученом, педагоге, дорогом человеке навсегда останется в наших сердцах.

Ф.Ш.Нуриева, зав. кафедрой истории татарского языка и общего языкознания КГУ, профессор.

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ АРПАДЕ БЕРТА (1951-2008)

9 марта 2008 г. после тяжелой болезни ушёл из жизни тюрколог, профессор Арпад Берта, заведующий кафедрой алтаистики Сегедского университета Венгрии. Его смерть тяжелая, невосполнимая потеря для венгерской и мировой тюркологии, а также для кафедры алтаистики в Сегеде.

Арпад Берта родился 28 июля 1951 г. в Ходмезёвашархейе Венгрии. В 1970 г. он поступил на русско-немецкое отделение Сегедского университета им. Йожефа Аттилы, несколько лет позже, в 1974 г. – в студию алтаистики этого же вуза. Свою научную деятельность он начал как славист. В 1978 г. под руководством Имре Тота защитил университетскую докторскую диссертацию на тему „Финляндский отрывок. №1. Языковой анализ памятника“ (В Венгрии раньше были степени доктора университета, кандидата наук и академического доктора). Однако постепенно его больше стали интересовать тюркские языки. Здесь следует упомянуть огромное влияние и академика Андраша Рона-Таша. Его учителями

также были Лайош Тарди, Каталин Урай-Кёхалми и Иштван Вашари.

После получения степени доктора университета, Арпад Берта сразу же отправился в Казань для того, чтобы углубить знания по татарскому языку. Полгода, проведенные в Казанском университете, были определяющим пунктом в его научной деятельности. После возвращения из Казани, в 1979 г. он получил университетский диплом по алтаистике (тюркологии).

В том же году он начал работать в качестве ассистента кафедры алтаистики. В 1982 г. после защиты диссертации по теме: *Materialien zur historischen Dialektologie des Kasantatarischen. Beschreibung der Mundart der getauften Tataren aufgrund der tatarischen Aufzeichnungen von Gábor Bálint* получил вторую университетскую докторскую степень.

В 1983–1984 гг. по стипендии DAAD он работал вместе с известным немецким тюркологом Герхардом Дёрфером в университете Георга-Августа в Геттингене. После возвращения из Германии работал 5 лет адъюнктом на кафедре алтаистики. В 1986 г. защитил кандидатскую диссертацию „История татарских диалектов“ (объяснения с точки зрения

исторической фонетики). После приобретения научной степени, получил звание доцента. С 1990 г. начал заведовать кафедрой алтаистики.

С 1991 г., как стипендиат имени Гумбольдта, в течение трёх семестров преподавал и занимался исследовательской работой в Йоханнес-Гутенбергском университете в Майнце (Seminar für Orientalistik). За это время получил звание профессора C/3 во Франкфуртском университете им. Йоханга Вольфганга Гёте. В 1992 г., после успешной командировки в Германию, решил вернуться в Сегед и заниматься дальнейшим развитием отечественной алтаистики.

В 1994 г. представил научной комиссии работу *Deverbale Wortbildung im mittelkiptschaischen Türkisch* на получение академической докторской степени. В 1995 г. прошёл подготовку по сравнительной и исторической тюркологии, и в 1996 г. в 45-летнем возрасте получил степень доктора. В этом же году получает звание профессора. В 1997 г. получает профессорскую стипендию имени Сечени.

Наряду с заведованием кафедрой, он много сделал для подготовки молодой смены, своих последователей: руководил подготовкой аспирантов. С 1997 г. он руководил программами университета по сравнительной и исторической тюркологии, позже программой аспирантов по алтаистике. С 2003 г. возглавил исследовательскую группу по тюркологии Венгерской Академии наук и Сегедского университета, где создал возможность молодежи заниматься научной работой.

Вместе с преподавательской деятельностью он принимал активное участие в жизни факультета: с 1997 г. был заместителем декана по общим вопросам и науке, секретарем докторского совета, с 1993 г. — член Совета факультета, а с 1999 г. два раза избирался на пост декана факультета.

Он был членом многих обществ и организаций: Общества Чома Кёрёши (1986), Societas Uralo-Altaica (1989), Востоковедческой комиссий Венгерской

Академии наук и член её Сегедской комиссии (1990), с 1990 по 1996 — президент Сегедского рабочего общества по древней истории Венгрии, с 1994 г. президент рабочей комиссии Внутренней Азии и алтаистики Востоковедческой комиссии Венгерской Академии наук, с 1997 г. член Специальной комиссии по языкознанию, классической филологии и ориенталистике Комиссии Венгерской Академии наук, с 1998 г. член собрания Венгерской Академии наук, Докторского совета университета им. Йозефа Аттилы, член Коллегии общественных наук венгерской Организации государственных научно-исследовательских программ, член председательства Академии Восточной торговли. В этом же году был удостоен премии им. Гезы Куна. С 2000 г. — почётный член Турецкого лингвистического общества.

Помимо этих работ, особое внимание уделял изданиям, журналам, сериям по тюркологии, их развитию. С 1992 г. был соредактором таких серийных изданий, как *Studia Uralo-Altaica* и *Этнография и языкознание (Néprajz és Nyelvtudomány)*. Был основателем международного журнала по тюркологии *Journal of Turkology*, который начал издаваться с 1993 г., а также членом редколлегий таких изданий, как *Studia Etymologica Cracoviensia* с 1996 г., *Turkic Languages* с 1997 г., *Nyelvtudományi Közlemények* с 1998 г.

Важной частью, если не самой главной, являются исследования, посвященные кипчакской ветви тюркских языков. Этой теме посвящены диссертации для получения научных степеней доктора университета, кандидата наук и академического доктора. Помимо этого представил результаты своих изысканий во многих статьях, исследованиях, а также в научных докладах.

Ценность его научных достижений доказывает и коллективная монография *The Turkic Languages*, изданная в 1998 г., где он написал три раздела: „*Tatar and Bashkir*“, „*West Kipchak Languages*“ и „*Middle Kipchak*“.

Его исследования по сравнительной тюркологии получили мировое признание. Он высказал свои мнения по многим вопросам по истории старотюркских и древнетюркских языков, знакомил своими новыми открытиями, делал доклады на международных конференциях. В таких статьях, как „*Yälma und biña*” [Laut- und Wortgeschichte der Türksprachen (1995): 9–16], „*künäs und quñas*” [Studia Etymologica Cracoviensia 2 (1997): 23–31] и „Urtü. **or(w)*- ‘in Position gehen’ und **ol(w)*- ‘sitzen’” [Bahşi Ögdisi. Festschrift für Klaus Röhrborn anlässlich seines 60. Geburtstages (1998): 25–43] анализировал ряд важных вопросов тюркской лексикологии. Важным пунктом его исследований было издание анализа древнетюркских рунических памятников на венгерском языке „*Szavaimat jól halljátok...*” („*Послушайте к моим словам*”, 2004), чем, как он сам считал, снял давнишний долг с венгерской тюркологии.

Наряду с исследованиями по кипчакским языкам и сравнительной тюркологии, начал одновременно заниматься традиционными вопросами тюркологии, касающиеся древней истории венгерского народа и языка. Следуя Дьюле Немет, он сделал новые открытия в объяснении названий венгерских племён. Свои новые этимологические опыты впервые опубликовал в статье „*О чем говорят названия венгерских племён*” (*Megszólaló törzsnevek*) в научном журнале *Élet és Tudomány* [1988/51: 1608–1609], которые в последующем представил на многих отечественных и международных форумах: «*Новое мнение о названиях наших племён тюркского происхождения*” *Új véletemény török eredetű törzsneveinkről* [Keletkutatás 1989/Tavaszi: 3–17, 121–122], „*Названия племён тюркского происхождения*” *Török eredetű törzsneveink* [Nyelvtudományi Közlemények 92 (1991): 3–40] и *Ungarische Stammesnamen türkischen Ursprungs* [Ural-Altäische Jahrbücher Neue Folge 9 (1990): 31–37]. В связи с этими исследованиями попросили его написать

статью о венгерских племенах [*Magyar, Nyék, Kürt, Gyarmat, Jenő, Tarján, Kér, Keszi*] для „Энциклопедии древней венгерской истории” (9–14 вв.) *Korai magyar történeti lexikon (9–14. század)*.

Кроме того он считал важным популяризацию деятельности ученых, ушедших из жизни. В 1988 г. опубликовал аналитическое издание материалов о казанских татарах *Wolgatata-rische Dialektstudien. Textkritische Neuauflage der Originalsammlung von G. Bálint 1875–76*. С особой научной тщательностью подготовил (т.е. дополнил и переработал) для 2-го издания книгу Дьюлы Немета „*Формирование венгерского народа в период приобретения им новой родины*” (1991) *A honfoglaló magyarság kialakulása. Második, bővített és átdolgozott kiadás*, над которой автор работал долго, но работа была прервана его смертью и осталась незавершенной. В статье *Zu den alttürkischen Lehnwörtern der ungarischen Sprache* [Incontri Linguistici 26: 161–190] А.Берта рассматривал историю исследования тюркских заимствований в венгерском языке, а также современное восприятие нами этого вопроса.

В русле традиций венгерской тюркологии, он исследовал нарицательные слова тюркского происхождения, во многих случаях уточнял известные уже знания, и предложил этимологические идеи. Он открыл новую дорогу в тюркологии, давая аналоги слов по возможности из всех тюркских языков, тем самым расширял масштабы исследования. Из многих его этимологических исследований можно привести для примера такие: „*Об относительности к тюркским языкам венгерских слов древнетюркского происхождения*” *A magyar nyelv korai török jövevényszavainak törökségi hátteréhez I–III*: 1. *Apró és áporodik*, 2. *Koldul, koldus*; 3. *Iker*, 4. *Ökör*; 5. *Dül*; 6. *Gyilkos* [Nyelvtudományi Közlemények 97 (2000), 98 (2001), 100 (2003), 183–195, 175–185, 102–116], и *Old Turkic Loan Words in Hungarian* [Acta Orientalia Academiae 55 (2002): 43–67; в

соавторстве с Андрашем Рона-Ташом]. Он был первым, кто предложил идею о тюркском происхождении слова „óv” (беречь, щадить, сохранять что-л) 1. *On the Turkic Background of the Hung. Verb óv 'to defend/protect, keep, guard'* [Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae 52 (1999): 45–62].

Приблизительно 10 лет тому назад вместе с А.Рона-Ташом решили написать книгу о новых взглядах относительно слов тюркского происхождения в венгерском языке. С тех пор неустанно работал над реализацией этого крупного плана. Несмотря на болезнь, активно работал над отдельными разделами, за которые был ответственен. Последние варианты словарной статьи отправлял уже прикованный к постели.

Много планов вынашивал Арпад Бер-

та: критическая обработка восточно-европейских рунических памятников, обстоятельный анализ некоторых вопросов тюркско-монгольских языковых связей, описание старотюркских глаголов с новой точки зрения. Однако судьба не была достаточно благосклонна к нему и не оставила времени для реализации этих замечательных идей. Отдавая дань его труду, мы теперь должны достойно донести уже нашим последователям его незаконченные записи, которые достались нам, как когда-то ему досталось наследие Дьюлы Немета.

Ласло Карой, докт.филол.н., Сегедский ун-т, Венгрия.

Пер. Р.З.Мукушевой, канд филол. наук, лектора казахского языка кафедры алтаистики Сегед. ун-та.

РЕЗЮМЕ – SUMMARY

Д.М. Насилов
Российская тюркология наших дней

Ключевые слова: научная парадигма, смена парадигм, научные направления, актуальные исследования, единое информационное пространство

Резюме: В статье прослеживаются изменения, которые произошли в российской тюркологии после распада бывшего Советского союза. Основные направления научных исследований остаются актуальными и для современной тюркологии в России. Важное место занимают проблемы языковой политики в области тюркских языков. Важнейшей задачей остается восстановление единства научного информационного пространства.

D.M. Nasilov
Russian Turkology at present

Key words: scientific paradigm, change of paradigms, scientific tendencies, actual researches, information space unity

Summary: This article observes changes which took place in Russian Turkology after the ex-Soviet Union disintegration. The main tendencies of scientific researches remain urgent for modern turkology in Russia. The problems of linguistic policy in the Turkic languages sphere take the important place. The significant task is rehabilitation of the scientific information space unity.

И.В. Кормушин
**К проблеме историко-лингвистического контекста
труда Махмуда Кашгари «Диван лугат ат-тюрк»**

Ключевые слова: тюркская лексика, лексикография, морфонология, Махмуд Кашгари

Резюме: В статье раскрываются причины и обстоятельства создания «Дивана» и значение его для развития тюркологии, а также принципы описания языка в ДЛТ, использованные Махмудом Кашгари. Автор статьи приходит к выводу, что формально-морфологическая классификация тюркского лексического материала целиком перенесена Махмудом Кашгари из метаязыка арабистики.

I.V. Kormushin
**To the problem of the hystorical-luinguistic
context of “Divan lugat at-Turk” by Mahmud Kashgari**

Key words: Turkic vocabulary, lexicography, morphonology, Mahmud Kashgari.

Summary: The article deals with reasons and circumstances of the creation of the “Divan-i lugat at-Turk”, its meaning for the development of a turkology and also foundations of the language description which were used by Mahmud Kashgari. The author concludes that the formal-morphological classification of the Turkic vocabulary was completely transferred by Mahmud Kashgari from the metalanguage of the arabistics.

А.В. Дыбо

**Заемствования в словаре Махмуда Кашгарского
из языков Синьцзяна**

Ключевые слова: тюркская лексика, Махмуд Кашгарский, лексические заимствования

Резюме: В лексике тюркских языков, описанной Махмудом Кашгари, имеется значительное число заимствований. Некоторые из этих слов не встречаются более нигде, кроме памятников караханидской традиции, древнеуйгурских памятников и современных тюркских языков, связанных с территорией Синьцзяна. Среди них китайские, согдийские, ново-персидские, ново-индийские, средне-монгольские заимствования, а также сакские диалектизмы.

A.V. Dybo

**Loanwords from languages of Xinjiang region
in “Divan lugat at-Turk” by Mahmud Kashgari**

Key words: Turkic vocabulary, Mahmud Kashgari, loanwords

Summary: There is a large quantity of loanwords in the Turkic vocabulary that was described by Mahmud Kashgari in his “Divan-i lugat at-Turk”. Some of those words can’t be met anywhere except written monuments of the Qarahanid period, ancient Uighur monuments and contemporary Turkic languages connected with the territory of Xinjiang. There are Chinese, Sogdian, Neopersian, Neo-Indian and Middlem-ongolian loanwords among them.

И.Я. Селютина

**Фарингализация в тюркских языках Южной Сибири
как отражение языковых контактов**

Ключевые слова: фарингализация, тюркские языки, Южная Сибирь

Резюме: Проблема происхождения фарингализации давно привлекает к себе внимание лингвистов. В статье рассматривается фонематический статус фарингализации гласных, артикуляционно-акустическая природа этого явления, гармония гласных согласно фарингализации и фарингальный сингармонизм на примере ряда современных тюркских языков Южной Сибири (тувинский, северные алтайские диалекты и пр.). Автор рассматривает фарингализацию и как следствие языковых контактов тюркских народов.

I.Ya. Selyutina
**Pharyngealization in Turkic languages of the South Siberia
as the reflection of linguistic contacts**

Key words: Turkic languages, pharyngealization, South Siberia

Summary: The problem of the origin of a pharyngealization attracts attention of linguists for a long time. The article deals with the phonemic status of the pharyngealization of vowels, articulatory and acoustic nature of that phenomenon, vowel harmony according to a pharyngealization and the pharyngeal vowel harmony on the example of some contemporary Turkic languages of the South Siberia (Tuvinian, North Altaic dialects and so on). The author considers pharyngealization as the effect of linguistic contacts of Turkic people.

А.А. Бурькин
**Общеалтайская реконструкция и перспективы изучения
тюрко-монгольских параллелей**

Ключевые слова: фонетическая реконструкция, алтаистика

Резюме: Сложная система отношений между тремя группами алтайских языков открывает перспективы для более явного разграничения общеалтайской лексики и явных заимствований. Сюжет данной работы представляют наблюдения над отдельными словами тюркских и монгольских языков, которые прежде не привлекали или мало привлекали внимание исследователей этих языков.

A.A. Burykin
**Common Altaic reconstruction and perspectives of the study
of Turkic-Mongol parallels**

Key words: phonetic reconstruction, Altaistics

Summary: The difficult system of relationships between three groups of Altaic languages offers the challenge for the more clear differentiation of the common Altaic vocabulary and evident loanwords. The article is focused on the observation of a single words which have been of no interest of researchers yet.

О.Т. Молчанова
**Локализация объектов среды обитания и ее отражение
в алтайских географических наименованиях**

Ключевые слова: лемма, лексема, алтайский язык, топонимика, географические реалии

Резюме: В статье речь идет об отражении в языке алтайцев локализации географических реалий. Основным принципом, которого придерживается автор при установлении картины мира через содержание топонимов, является значение леммы или корневой морфемы, лежащее в основе построения семантических полей.

O.T. Molchanova

Localization of objects of a habitat and its reflection in Altaic toponymy

Key words: lemma, lexeme, Altaic language, toponymy, geographical actuals

Summary: The article deals with the reflection of the localization of geographical actuals in the Altaic language. The main approach of the author on establishment of the Turkic world-outlook by the content of toponyms is in the meaning of a lemma or root morpheme which underlies the construction of semantic fields.

Е.М. Напольнова

«Душа» в русском и турецком языках

Ключевые слова: языковая картина мира, турецкий язык, проблема перевода.

Резюме: В статье рассматриваются турецкие понятия *can* и *ruh*, их соотношение между собой и сопоставление с русскими «душа» и «дух» и основные качества, приписываемые в двух языках данным концептам. Устанавливается, что по многим параметрам русская *душа* сближается с турецким *ruh*, однако полного тождества между этими понятиями не наблюдается, а при сравнении русского понятия «души» и турецкого *can* выявляется множество различий, часто не позволяющих их использовать в качестве эквивалентов при переводе с одного языка на другой.

E.I. Napolnova

“Soul” in Russian and Turkish language

Key words: language world-outlook, Turkish language, translation.

Summary: The article is devoted to concepts *can* and *ruh* (soul) in Turkish, its correlations and comparison with Russian *dusha* and *duh* and to main features which are attributed to those concepts in both languages. It is established that by many characteristics Russian *dusha* was closed to the Turkish *ruh* but there is no full identity between them. In the comparison of Russian concept *dusha* and Turkish *can* it is possible to see a lot of differences which don't allow to use both concepts as equivalent while translating from Russian to Turkish or vice versa.

Е. Ларионова

Фольклорные элементы в современном турецком кинематографе

Key words: турецкий фольклор, современная турецкая кинематография, сказка, карагёз, тюркю

Резюме: Современный турецкий кинематограф активно обращается к фольклорному материалу. В статье выявляются фольклорные элементы в турецком кинематографе (например, народная песня *тюркю* и театр *карагёз*), определяется их роль и особенности включения в картины турецких режиссеров.

E. Larionova

Folklore elements in contemporary Turkish cinematograph

Key words: Turkish folklore, contemporary Turkish cinema, fairytale, *karagöz*, *türkü*

Summary: Contemporary Turkish cinematograph actively appeals to the Turkish folklore material. The article defines many folklore elements (like genre of a folk song *türkü* or characters of a traditional folk theatre *karagöz*) in Turkish movies and analyses its role in the contemporary Turkish filmmaking.

А.И. Чайковская

Подход к описанию турецкого словопроизводства

Ключевые слова: словообразование, турецкий язык, языковые процессы.

Резюме: На основе подробного анализа различных существующих подходов к описанию турецкого словопроизводства автор приходит к заключению о необходимости систематизации понятийного аппарата и схемы наблюдения, приведения базовых понятий в соответствие с общелингвистическими. Системный подход позволяет выявить динамику языковых процессов и установить различные элементы системы (словообразовательные модели, типы и пр.).

A.I. Chaykovskaya

An approach to the description of a word formation in Turkish

Key words: word formation, Turkish language, linguistic process.

Summary: The article analyses different approaches to the description of the word formation in Turkish. On the basis of that analysis the author maintains the necessity of a systematization of conceptual scientific definitions and scheme of an observance and reduction of basic concepts to common linguistic ones. The system approach allows to reveal the dynamics of linguistic processes and establish different elements of the system (e.g. word-formative models, types and so on).

Ф.С. Хакимзянов

Изучение омонимии в татарском языкознании

Ключевые слова: омонимия, татарский язык, татарское языкознание.

Резюме: Статья посвящена детальному обзору изучения явления омонимии в рамках татарского языкознания. Прослеживаются основные аспекты изучения данной проблемы начиная с 1930-х гг. до современности.

F.S. Khakimzyanov

Studying of a homonymy in the Tatar linguistics

Ключевые слова: homonymy, Tatar language, Tatar linguistics

Summary: The article is devoted to the detailed survey of studying of a homonymy in the Tatar linguistics since 1930-s till nowadays.

НАШИ АВТОРЫ

Бурыкин Алексей Алексеевич, докт. филол. наук, проф., вед. научн. сотр., Институт лингвистических исследований РАН (г. Санкт-Петербург). E-mail.: albury@mail.ru

Благова Галина Федоровна, докт. филол. наук, гл. научн. сотр., Институт языкознания РАН (г. Москва). Тел.: 8-(495) – 691-63-06.

Дыбо Анна Владимировна, докт. филол. наук, проф., чл.-корр. РАН, зав. отделом, Институт языкознания РАН (г. Москва). E-mail.: adybo@mail.ru

Кормушин Игорь Валентинович, докт. филол. наук, проф., вед. научн. сотр., Институт языкознания РАН (г. Москва), председатель Российского комитета тюркологов при ОФИН РАН. E-mail.: igorkormushin@yandex.ru

Ларионова Евгения Ивановна, аспирант, Институт стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова. Тел.: 8-(495)-629-41-75.

Молчанова Ольга Тихоновна, док. филол. наук, проф., Щецинский университет (г. Щецин, Польша). E-mail.: rektorat@univ.szczecin.pl

Насилов Дмитрий Михайлович, докт. филол. наук, проф., Институт стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail.: nadi1803@mail.ru

Напольнова Елена Марковна, канд. филол. наук, доцент, Университет экономики (г. Стамбул). E-mail.: elenapolnova@yahoo.com

Невская Ирина Анатольевна, докт. филол. наук, проф., гл. научн. сотр., Институт филологии СО РАН (г. Новосибирск). E-mail.: nevskaya@em.uni-frankfurt.de

Селютина Ираида Яковлевна докт. филол. наук, зав. лаб., Институт филологии СО РАН (г. Новосибирск). E-mail.: siya_igina@mail.ru

Тыбыкова Лариса Николаевна, кан. филол. наук, доцент, Горо-Алтайский гос. университет. E-mail.: tayban@mail.gornyu.ru

Чайковская Ангелина Ивановна, канд. филол. наук, доцент, Таллиннский лингвистический университет (г. Таллинн).

Хакимзянов Фарид Сабирзянович, докт. филол. наук, проф., Татарский гос. гуманитарно-педагогический университет (г. Казань). E-mail: khakim @ list.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Д.М.Насилов (Москва). Российская тюркология наших дней 3

Структура и история языка

И.В.Кормушин (Москва). К проблеме историко-лингвистического контекста труда Махмуда Кашгари «Диван лугат ат-турк» 8

А.В. Дыбо (Москва). Заимствования в словаре Махмуда Кашгарского из языков Синьцзяна 15

И.Я.Селютина (Новосибирск). Фарингализация в тюркских языках Южной Сибири как отражение языковых контактов 22

Языковые связи

А.А.Бурькин (Санкт-Петербург). Общеалтайская реконструкция и перспективы изучения тюрко-монгольских параллелей 34

Ономастика

О.Т. Молчанова (Ярославль). Локализация объектов среды обитания и ее отражение в алтайских географических наименованиях 43

Культурология

Е.М. Насольнова (Стамбул). «Душа» в русском и турецком языках 49

Литературоведение, фольклористика

Е. Ларионова (Москва). Фольклорные элементы в современном турецком кинематографе 56

Сообщения и обзоры

А.И. Чайковская (Таллинн). Подход к описанию турецкого словопроизводства . 66

Ф.С.Хакимзянов (Казань). Изучение омонимии в татарском языкознании 75

Научная жизнь

Л.Н.Тыбыкова (Горно-Алтайск), *И.А.Невская* (Берлин). Проект «Документация,

каталогизация, дешифровка и публикация древнетюркских рунических письменных памятников Республики Алтай (Российская Федерация)».....	84
Хроника	
<i>Э.Х.Кадырова</i> (Казань). Конференция Megaling-2008	88
<i>Г.Ф.Благова, Ю.В.Щека</i> (Москва). Дмитриевские чтения - 2008	90
<i>Д.А.Салимова</i> (Елабуга). Юбилейная филологическая конференция	95
Рецензии и аннотации	
<i>Ф.С.Хакимзянов</i> (Казань). А.Г.Шайхулов, Л.У.Бикмаева, З.Р.Садыкова. Татар теле диалектларының идеографик сүзлегенә материаллар [Материалы к идеографическому словарю татарского языка]	97
<i>Ф.С.Хакимзянов</i> (Казань). 1.Ишмөхәмәт Ғәләүәтдинов. Башкорт әзәби теле тарихы: XIX быуат–XX быуат башы. 2. И. Ғ. Ғәләүәтдинов. Башкорт әзәби теле һәм шәркиәт мәсьәләләре. Башкирский литературный язык и проблемы востоковедения.....	99
<i>Э.Х.Кадирова</i> (Казань). Татар халык сөйләшләре/Татарские народные говоры: 2 китапта/ <i>Ф.С.Баязитова, Д.Б.Рамазанова, Т.Х.Хәйретдинова</i> һ.б.....	100
<i>Д.Ф.Хакимзянова</i> (Казань). Рүзәл Юсупов. Тәржемә һәм сөйләм культурасы	101
Персоналии	
Талмас Магсумович Гарипов	104
Игорь Валентинович Кормушин	105
Николай Иванович Егоров	107
Анна Владимировна Дыбо	108
Некрологи	
<i>Д.М.Насилов</i> (Москва), <i>И.А.Невская</i> (Берлин). Памяти А.М.Щербака (1926-2008)	112
<i>Ф.Ш.Нуриева</i> (Казань). Вахит Хозятович Хаков	116
<i>Ласло Карой</i> (Сегед, Венгрия). Воспоминания об Арпаде Берта (1951-2008).....	119
Резюме – Summary	
Наши авторы	

CONTENTS

D.M.Nasilov (Moscow). Russian turcology nowadays 3

Structure and history of Language

I.V.Kormushin (Moscow). To the problem of historical-linguistic context of Mahmud Kashgari’s work “Divan lugat at-Turk” 8

A.V.Dybo (Moscow). Borrowed words in Mahmud Kashgari’s dictionary from languages of Xingjian 15

I.Y.Selyutina (Novosibirsk). Pharyngealisation in turkic languages of South Siberia as reflection of language contacts 22

Language in contact

A.A.Burykin (Saint-Petersburg). Common Altay reconstruction and perspectives of Turkic-Mongol parallels studying 34

Onomastics

O.T.Molchanova (Yaroslavl). Localization of objects of environment and its reflection in Altay geographical names 43

Cultural studies

E.M.Napolnova (Istanbul). “Soul” in Russian and Turkish languages 49

Literary critics and Folkloristics

E.Larionova (Moscow). Folklore elements in modern Turkish cinematograph .. 56

Reports, surveys

A.I.Chaykovskaya (Tallinn). Approach to description of Turkish word Formation 66

F.S.Khakimzyanov (Kazan). Homonymy studies in Tatar Linguistics 75

Scientific life

L.N.Tybykova (Gorno-Altaysk), *I.A.Nevskaya* (Berlin). Project “Documentation, cataloging, decoding and publication of Old Turkic runic written monuments of the republic of Altay (Russian Federation)” 84

Chronicle

E.Kh.Kadirova (Kazan). MegaLing-2008 conference 88

G.F.Blagova, Y.V.Scheka (Moscow). Dmitriev readings –2008 90

<i>D.A.Salimova</i> (Alabuga). Anniversary philological conference	95
--	----

Reviews and Annotations

<i>F.S.Khaksimzyanov</i> (Kazan). A.G.Shayhulov, L.U.Bikmaeva, Z.R.Sadykova. Materials to the ideographic dictionary of Tatar language	97
<i>F.S.Khaksimzyanov</i> (Kazan). I.G.Galewetdinov. Bashkir standard Language and problems of oriental studies	99
<i>E.Kh.Kadirova</i> (Kazan). Tatar folk dialects	100
<i>D.F.Khaksimzyanova</i> (Kazan). R.Yusupov. Translation and Standard of speech	101

Personalia

Talmas Magsumovich Garipov	104
Igor Valentinovich Kormushin	105
Nikolay Ivanovich Egorov	107
Anna Vladimirovna Dybo	108

Obituary

<i>D.M.Nasilov</i> (Moscow), <i>I.A.Nevskaya</i> (Berlin). In memory of A.M.Scherbak (1926–2008)	112
<i>F.Sh.Nurieva</i> (Kazan). Vahit Khozyatovich Khakov	116
<i>Laszlo Karoy</i> (Szeged, Hungary). Recollections about Arpad Berta (1951-2008)	119

Summary – Резюме	123
-------------------------------	-----

Our authores	128
---------------------------	-----

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Российская тюркология» просит авторов руководствоваться следующими правилами оформления статей. Основным требованием к публикуемым материалам является их соответствие научным критериям.

Авторские оригиналы – текст статьи на русском языке, краткая аннотация к нему на русском и английском языках и ключевые слова на двух языках (не более 8) – представляются в 2-х экземплярах в распечатанном виде, подписанных автором (или авторами), а также в электронном варианте. Если статья отправлена по Интернету, вариант на электронном носителе не обязателен.

Нумерация страниц сквозная.

ТЕКСТ ДОЛЖЕН ОТВЕЧАТЬ СЛЕДУЮЩИМ ТРЕБОВАНИЯМ

Параметры страницы – А4, поля для всех сторон – 2 см, ориентация – книжная.

Шрифт – Times New Roman (14 пт), межстрочный интервал – одинарный, абзацный отступ – 0,75 см. Редактор – *Word 97–2003*. Текстовые файлы, созданные в другом редакторе (*Word 2007–2008* и др.), должны быть сохранены в формате *Word 97–2003* или *RTF*.

Примеры на национальных языках необходимо давать курсивом. При применении для подачи примеров другого оригинального шрифта этот шрифт должен быть прислан по Интернету.

Все примеры на национальных языках должны сопровождаться переводом на русский язык. Значения слов, словосочетаний и переводы даются в марровских кавычках ('...').

Специальные символы набираются шрифтом Symbol. При введении сложных или авторских символов текст статьи необходимо прислать дополнительно в формате PDF.

Ссылка приводится внутри текста в квадратных скобках (напр., [Малов 1951: 430]); в случае необходимости постраничные *сноски* должны вводиться верхним индексом и иметь сквозную нумерацию по всему тексту.

Список литературы дается в конце статьи и оформляется по ГОСТу.

Ориентировочный объем статей – 10–12 стр.,

В конце статьи приводятся сведения об авторе (авторах).

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Рисунки в компьютерном исполнении должны быть внедрены в текст в режиме Вставка – Объект – Рисунок. Подрисуночные подписи выполняются шрифтом Times New Roman (разм. 9 пт.) и вставляются в режиме Вставка.

Рисунки, выполненные на бумаге, должны иметь подрисуночные подписи.

ТАБЛИЦЫ

Выполняются в режиме Таблица редактора WinWord с заголовками или без них шрифтом 10 пт.

Таблицы должны быть обязательно упомянуты в тексте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Приводится без нумерации в алфавитном порядке сокращенного обозначения источников по названию или фамилии автора и году издания прямым шрифтом; далее через тире курсивом фамилия и инициалы автора, затем прямым шрифтом полное название труда и выходные данные; все набирается шрифтом Times New Roman размером 14 пт.

- Для книг – фамилии и инициалы всех авторов, полное название книги, через тире место издания, двоеточие, издательство, год издания, том или выпуск, точка, тире, общее количество страниц.

- Для отдельных статей в периодических изданиях или сборниках – фамилии и инициалы всех авторов, название статьи, через две косые линии // название журнала (или сборника), место издания, год издания, том, номер, первая и последняя страницы статьи.

Примеры оформления.

Абдуллаев 1967 – *Абдуллаев Ф.А.* Фонетика хорезмских говоров. Опыт монографического описания огузского и кыпчакского наречий узбекского языка. – Ташкент, 1967.

Зуев 2001 – *Зуев Ю.А.* Кыпчакский Урбе-хан в эпосе и истории // Древнетюркская цивилизация: Памятники письменности. – Алматы, 2001.

Бирюкович 1975 – *Бирюкович Р.М.* О первичных долгих гласных в чулымско-тюркском языке // Советская тюркология, 1975, № 6. – С. 55–67. ЭСТЯ 1974 – *Севертян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. – М., 1974.

СИТЯ 2001 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика / 2-е изд., доп. – М.: Наука, 2001. – 822 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Содержат фамилию, имя и отчество каждого из авторов, их ученые степени и звания, должность с указанием места работы, электронный адрес или телефон.

Данный номер журнала
подготовлен редакционной группой в составе:

Выпускающий редактор *Ф.С.Хакимзянов*
Редактор-переводчик *Д.Ф.Хакимзянова*
Технический редактор *А.М.Галимова*
Компьютерная верстка *Г.Ф.Свиридовой*
Дизайн обложки *Ф.Н.Латыповой*

Оригинал-макет изготовлен группой F & Di

С готового оригинал-макета
подписано в печать 18.05.09. Формат 70x108¹/₁₆.
Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 11.0. Печать на RISO.
Тип.зак. №52.

Типография ООО «Печатный двор». Казань, ул.Журналистов, 1/16.тел. (843)2727459.